

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

УДК 658.14

JEL G31

DOI 10.26425/1816-4277-2020-6-129-135

Войко Дарья Викторовна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2774-4902

e-mail: voyko@mail.ru

Берг Анжелика Германовна

студент, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9327-9052

e-mail: likaberg02@gmail.com

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ПО ПРОИЗВОДСТВУ МЕТАНОЛА В РОССИИ

Аннотация. Рассмотрены вопросы оценки инвестиционной привлекательности реализации проекта по производству метанола в России. Предложена модель расчета внутренней нормы доходности и оценки инвестиционного проекта для отрасли производства метанола. Разработанная модель оценки инвестиционного проекта включает подготовку прогнозной информации, выявление и анализ внутренних трендов компании, формирование отчетности по проекту, а также финансовое обоснование расчета внутренней нормы доходности. Проведен анализ инвестиционной привлекательности типового крупнотоннажного завода по производству метанола, выявлены основные ключевые факторы, влияющие на операционные потоки. Проведенная оценка показала высокий потенциал проектов по производству метанола в России.

Ключевые слова: денежный поток, доходность, инвестиции, инвестиционная привлекательность, крупнотоннажный завод, метанол, операционные доходы, оценка проекта.

Цитирование: Войко Д.В., Берг А.Г. Оценка инвестиционной привлекательности реализации проекта по производству метанола в России // Вестник университета. 2020. № 6. С. 129–135.

Voyko Daria

Candidate of Economic Sciences,
State University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2774-4902

e-mail: voyko@mail.ru

Berg Angelika

Student, State University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9327-9052

e-mail: likaberg02@gmail.com

VALUATION OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE PROJECT FOR THE PRODUCTION METHANOL IN RUSSIA

Abstract. The issues of assessing the investment attractiveness of the project for the production of methanol in Russia have been considered. A model for calculating the internal rate of return and evaluating the investment project for the methanol industry has been proposed. The developed investment project evaluation model includes preparation of forecast information, identification and analysis of internal trends of the company, formation of project reports, as well as financial justification for calculating the internal rate of return. The investment attractiveness of a typical large-capacity methanol plant has been carried out, the main key factors affecting operating flows have been revealed. The assessment performed has showed the high potential of methanol production projects in Russia.

Keywords: cash flow, investment, investment attractiveness, large-capacity plant, methanol, operating income, profitability, project valuation.

For citation: Voyko D.V., Berg A.G. (2020) Valuation of investment attractiveness of the project for the production methanol in Russia. *Vestnik universiteta*. I. 6, pp. 129–135. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-6-129-135

Метанол считается одним из самых перспективных продуктов переработки с точки зрения развития газохимии. Согласно исследованию, проведенному VYGON Consulting, ожидается, что к 2025 г. мировой спрос на метанол увеличится более чем в полтора раза, что в объеме составит около 122 млн т/год [6]. Основной драйвер роста – производство олефинов, формальдегидов и топлива.

Доля метанола, произведенного в России, на текущий момент составляет примерно 5 % от мирового объема. Произведенная продукция не импортируется. Несмотря на то, что Россия является одним из крупнейших

© Войко Д.В., Берг А.Г., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

экспортеров, экспортная портовая инфраструктура в стране развита слабо. Единственный терминал по перевалке этого продукта находится в порту Восточный (Находка), который также используется для экспорта нефтепродуктов.

В России, как и в мире, наблюдается рост производства метанола. За период 2014–2018 гг. объемы производства выросли с 3,57 млн т до 4,33 млн т, что в процентном отношении составило 21,3 %. При этом стоит отметить, что рост постепенно замедлялся ввиду того, что уже в 2015–2016 гг. коэффициент использования производственных мощностей составлял порядка 90 %, что затрудняло дальнейшее наращивание объемов выпуска [7].

Однако в 2017 г. вследствие ввода новых мощностей (АО «Аммоний») и реконструкции действующих ранее (ПАО «Метафракс», ООО «Сибирская метанольная химическая компания»), объем производства вырос на 10,2 % к уровню 2016 г. При этом средний уровень загрузки мощностей достиг 93 %. В 2018 г. объемы выросли еще на 7,4 % относительно 2017 г., что обусловлено приростом мощностей на ОАО «Щекиноазот» (запуск новой установки мощностью 450 тыс. т/год) [7]. В дальнейшем прогнозируется активный рост заводов по производству метанола. На 2019 г. в России к строительству заявлено 14 крупных метанольных производств, которые обеспечат дополнительный объем производства в размере около 19 млн т/год.

Главное конкурентное преимущество российского метанола на мировом рынке – низкая стоимость сырья. В 2018 г. субсидия российских производителей метанола от регулирования внутренних цен на газ составила около 38 млрд руб. [6]. При этом высокая стоимость финансирования, ограниченный набор инструментов налогового стимулирования и ограничения в сфере промышленной безопасности зачастую приводят к увеличению вложений и снижению доходности проекта.

Для определения инвестиционной привлекательности проектов, как правило, используют показатель внутренней нормы доходности IRR, который является основной метрикой, по которой инвесторы измеряют привлекательность потенциальных сделок, а также эффективность их существующих инвестиций. IRR измеряет общую доходность инвестиций, включая любые дополнительные взносы в акционерный капитал или полученные дивиденды в течение инвестиционного периода [10].

По своей сути IRR является ставкой дисконтирования, при которой чистая приведенная стоимость NPV равна нулю:

$$\sum_{t=0}^n \frac{CF_t}{(1 + IRR)^t} = 0 \quad , \quad (1)$$

где CF_t – денежные потоки от проекта в момент времени t ; n – количество периодов времени.

На практике внутреннюю норму доходности обычно находят формулы ВСД в программе Microsoft Office Excel. Для этого аналитик строит DCF-модель и при помощи данной функции подбирает значение IRR, то есть ставку, при которой NPV его проекта равно нулю.

Согласно правилу внутренней нормы доходности, инвестиционный проект следует принять, если альтернативные издержки привлечения капитала меньше внутренней нормы доходности [1].

Оценка при помощи модели DCF дисконтированием денежных потоков позволяет определить внутреннюю стоимость актива и его доходность, основанные на фундаментальных факторах. База, лежащая в основе данного подхода, – это правило приведенной стоимости (present value, PV), согласно которому стоимость любого актива соответствует приведенной стоимости ожидаемых денежных потоков, приходящихся на данный актив [2]. Таким образом, чем больше доход, приносимый объектом оценки, тем больше величина его рыночной стоимости при прочих равных условиях. При этом имеет значение продолжительность периода получения возможного дохода, степень и вид рисков, сопровождающих данный процесс [3].

Рассмотрим более подробно, как происходит построение модели для проекта, так как именно данная модель ложится в основу расчета внутренней нормы доходности и позволяет определить инвестиционную привлекательность проекта.

Первый этап подготовки модели – это сбор информации, которая ляжет в основу прогнозов. Как правило, это макроэкономические показатели – инфляция, рост валового внутреннего продукта и другие показатели, относящиеся к отрасли проекта.

Второй этап – анализ и перенос исторической отчетности. На данном этапе аналитик проводит анализ для выявления внутренних трендов компании. Анализ, как правило, включает расчет показателей темпов роста, маржинальности, оборачиваемости и т. д.

Третий этап – прогнозирование отчетности на ранее полученных данных. На данном этапе аналитиком строится прогнозная отчетность, предпосылками для которой служит ранее полученная и посчитанная информация.

Четвертый этап – расчет NPV. Аналитик выполняет расчет свободных денежных потоков, дисконтирует их и суммирует для получения чистой приведенной стоимости.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что при подготовке модели DCF аналитик, внимательно изучающий соответствующую рыночную информацию, задает определенные предпосылки в модели, которые играют ключевую роль. Поэтому им стоит уделять особое внимание.

Таким образом, для анализа инвестиционной привлекательности отрасли метанольного производства в России необходимо:

- спрогнозировать объемы и стоимость продаж;
- провести оценку требуемых капитальных вложений для строительства метанольного завода в Российской Федерации (далее – РФ);
- оценить стоимость сырья и размер операционных затрат, а также потенциальные объемы и стоимость сбыта готовой продукции.

Для определения инвестиционной привлекательности метанольной отрасли проведем оценку типового метанольного завода, строительство которого в среднем занимает 4,5–5 лет. В качестве типового проекта возьмем метанольный завод, расположенный в центральной части РФ на площади около 40–50 га и обладающий мощностью производства метанола 4 000 т/сут.

Основополагающим при анализе подобных проектов является оценка капитальных затрат. Для типичного завода в США мощностью 4 000–5 000 т/сут. инвестиции составляют примерно 1,1–1,5 млрд долл. США [9].

Исходя из этого, капитальные затраты на крупнотоннажный завод по производству метанола (greenfield – проект, реализуемый на новой площадке, не имеющей инфраструктуры) в России (при пересчете на мощность в 4 000 т/сут.) могут быть оценены примерно в 950–1 000 млн долл. США без НДС. При этом будут необходимы дополнительные капитальные вложения в инфраструктуру по перевалке метанола, так как в России она крайне слабо развита. Размер капитальных затрат будет зависеть от существующей там инфраструктуры (терминал, парки хранения метанола на терминале и т. д.), глубины подходного канала, и может составить более 100 млн долл. США. В этом случае капитальные затраты типового проекта могут вырасти до 1,05–1,4 млрд долл. США.

Перейдем к расчету составляющих операционного потока. Основные статьи расходов, оказывающих существенное влияние на изменение стоимости реализации проекта, следующие.

1. Себестоимость продукции, которая зависит от расхода и стоимости природного газа. Расход природного газа при использовании современных технологий устанавливается примерно на уровне 0,92 тыс. ст. м³/т метанола. Природный газ оценивают от 4 448 до 6 346 руб./1000 ст. м³ без НДС. Суммарно себестоимость производства одной тонны метанола может составить 4 670–6 663 руб./1000 ст. м³ без НДС.

2. Операционные расходы. Основную долю в операционных расходах, как и для всех капиталоемких предприятий, составляют расходы на ремонт и обслуживание оборудования. Основываясь на мировой практике, стоимость обслуживания можно заложить на уровне 1–2 % от капитальных затрат, которые для типового завода составят 1,05–1,4 млрд долл. США. Таким образом, расходы на ремонты и обслуживание при среднем коэффициенте 1,5 % от капитальных затрат в денежном выражении составят приблизительно 15,75–21,00 млн долл. США/год.

3. Расходы на персонал. Согласно существующим российским нормативам и опыту работы промышленных предприятий для обеспечения нормального функционирования предприятия по производству метанола необходимый штат с учетом обслуживающего персонала составляет примерно 500 человек, без учета функции продаж и административного персонала. В результате общие расходы на персонал устанавливаются примерно на уровне 15 млн долл. США/год.

4. Экспортная логистика метанола. Транспортировка может быть осуществлена двумя способами: по воде (речные и морские суда) и по земле (как правило, железнодорожные перевозки). При этом для осуществления стабильной и безопасной перевалки метанола на морские суда, а также накопления партий метанола, потребуется строительство терминала метанола вместе с достаточными парками хранения.

Следует также учитывать, что количество железнодорожных цистерн для перевозки метанола ограничено. Отсутствие цистерн для метанола приводит к необходимости инвестирования в собственные железнодорожные цистерны во избежание перебоев с поставками и необходимости платить более высокую ставку при вывозе метанола по железной дороге в течение 5–6 месяцев отсутствия речной навигации. Поэтому многие производители, например, такие как ПАО «Метафракс», ОАО «Щекиноазот», владеют собственными цистернами для метанола. Однако речные суда для перевозки метанола будут простаивать в эти 5 месяцев, что увеличивает стоимость их фрахта в расчете на тонну метанола.

Транспортировка морскими судами также требует детальной проработки, так как для новых крупных заводов метанола строятся новые суда. Стоимость нового метаноловоза стандартным для морских перевозок дедвейтом (например, 35–50 тыс. т.) находится в пределах 40–60 млн долл. США. Однако с учетом специфики портов, расположенных вблизи центрального региона РФ, могут потребоваться небольшие суда дедвейтом до 12 тыс. т. Такие суда являются неэффективными, поскольку при использовании таких судов для поставок метанола, например, в Китай, каждое сможет сделать не больше 4-х рейсов в год. Стоимость фрахта составит более 180 долл. США за тонну при использовании долгосрочного тайм-чартера, и более 200 долл. США за тонну при фрахте на споте (спот – условия расчетов, при которых оплата по сделке производится немедленно), что сделает продажу метанола убыточной. При поставках в Северо-Западную Европу стоимость логистики будет умеренной, но при этом следует учитывать высокий уровень конкуренции на европейском рынке.

5. Процентные выплаты по финансированию. Анализ требуемых вложений приводят к достаточно высокой стоимости проектов в отрасли метанольного производства. Примерные диапазоны по предпосылкам по заемному финансированию:

- ставка проектного финансирования в РФ для неинтегрированного greenfield-проекта без существенных гарантий спонсоров в долларах составляет примерно 7–8 %;
- стандартное соотношение заемных/собственных средств на этапе строительства – 70/30 %;
- этап проектирования на 100 % финансируется из собственных средств;

С учетом данных предпосылок реальный объем процентов на период строительства может составить около 80 млн США, что ведет к соответствующему увеличению необходимого акционерного капитала.

Для прогноза операционных доходов необходимо учесть ключевые факторы: сбыт продукции и логистические цепочки, которые кардинальным образом влияют на успешность любого проекта. При анализе потенциальных каналов сбыта продукции завода необходимо учесть следующие важные аспекты:

- определить, кто будет торговым партнером (закупщиком) или конечным потребителем продукции проекта. Важно учесть, что привлечение торгового партнера является стандартной практикой на рынке метанола, подписание долгосрочного контракта с которым – важное условие получения заемного финансирования. При поставках на европейский рынок, которые, скорее всего, будут осуществляться любым заводом в центральной части России, привлечение торгового партнера с большим портфелем текущих поставок очень важно, так как 80–90 % продаж конечным потребителям в Европе осуществляется по средне- и долгосрочным контрактам, а темпы роста потребления в регионе очень низкие. В результате вход на рынок с существенными объемами независимым игроком может привести к значительному падению цен;

- оценить, какие объемы и по какому направлению (Европа, Азия) планируется сбывать, так как сбыт всех объемов исключительно на российский рынок не выгоден в силу существующего на нем профицита. Соотношение объемов будет радикально влиять на оценку нетбэка продаж в силу того, что уровень цен и стоимость логистики будет отличаться. Нетбэк поставок метанола в Азию для производителя метанола в европейской части РФ может быть на 50–70 долл. США/т ниже, чем при поставках в Европу;

- определить способы осуществления поставок продукции на российский рынок, характеризующийся растущим профицитом (чистый экспорт в 2018 г. – 1,9 млн т при производстве в 4,4 млн т). По самым консервативным оценкам экспорт метанола из России к 2024 г. вырастет до 2,9–4,6 млн т., при этом почти все производство и поставки метанола будут осуществляться через Европейскую часть РФ, усиливая тем самым конкуренцию между производителями.

Необходимо также учитывать проблему ужесточения конкурентной борьбы на рынке метанола и существующего большого числа реализуемых и заявленных проектов новых заводов метанола. В момент закрытия очередного этапа проекта рассчитывают фактически достигнутые ключевые показатели эффективности

данного этапа и сопоставляют их с ожидаемыми значениями, на основании чего делается вывод о степени и качестве выполнения поставленных в проекте задач [4].

В таблице 1 представлены некоторые недавно реализованные или планируемые к реализации в ближайшее время проекты.

Таблица 1

Проекты заводов по производству метанола в мире

Название проекта (завода)	Страна	Объем производства, млн тонн	Год ввода
Methanex	США	1,8	2022
YCI	США	1,7	2020
Fairway Methanol (расширение)	США	0,4	2020
Big Lake Fuels	США	1,4	2023
IGP (1-я очередь)	США	1,7	2023
Natgasoline	США	1,8	2018
CGC	Тринидад	1,0	2019
Marjan	Иран	1,7	2018–2019
Kaveh	Иран	2,3	2018
Щекиноазот	Россия	0,5	-
Нижнекамскнефтехим	Россия	0,5	-

Составлено авторами по материалам исследования

Безусловно, выше упомянуты не все проекты, а лишь малая часть из них. В настоящий момент в Северной Америке общий объем заявленных новых проектов метанола составляет примерно 48 млн т. В Иране заявлено проектов на 19 млн т. В Китае в процессе строительства находятся 7,6 млн т новых мощностей по метанолу. В России ООО «Томет» и ООО «Сибметакхим» ведут модернизации своих заводов, которые позволяют увеличить мощности по производству на 0,2 и 0,1 млн т соответственно. Кроме модернизации, в России также заявлено несколько проектов общей производительностью на 29 млн т. Часть из этих проектов уже готовится к переходу на стадию проектирования.

Значительная доля нового производства в США будет направлена на рынок Европы, что приведет к ужесточению там конкуренции. В России рост производства приведет к еще более сильному профициту, что, скорее всего, окажет существенное влияние на цены.

Потребление метанола в мире растет быстро, что оставляет «окно возможностей» для ввода 1–2 новых эффективных заводов метанола в мире ежегодно. Ожидается, что в 2018–2023 гг. потребление метанола в мире будет расти примерно на 2,9 % в год, что, в итоге, приведет к росту на 16 %. В абсолютных цифрах рост составит 19 млн т (119–137,5 млн т). В 2018–2028 гг. прирост потребления в мире составит около 25 % [8].

Анализ уровня цен показал, что цена Spot T2 FOB W. Europe метанола в 2020 г. составляет 275 долл. США/т. Далее прогнозируется повышение и в 2023 г. цена должна достигнуть 317 долл. США / т. Если предположить, что у потенциального проекта 50 % продукции будет направлено в Европу, а 50 % в Китай, то средний нетбэк в условиях 2019 г. может составить примерно 157,5 долл. США / т (230 долл. США / т для Европы и 85 долл. США / т для Китая) [8]. Таким образом, можно сделать вывод, что такой нетбэк в Китай делает большинство поставок убыточными.

Следует также учитывать, что при реализации проекта с высоким долговым плечом с учетом низкой конкурентоспособности завода не позволит выдержать периоды плохой конъюнктуры, которые периодически происходят на рынке метанола. В 2016 г. среднемесячные фактические цены реализации метанола на рынке Европы (базис FOB Rotterdam) опускались до 165 долл. США / т. При 80 долл. США / т стоимости транспортировки

метанола до Роттердама и заложенном ранее уровне операционных затрат (с учетом стоимости сырья и постоянных затрат, но без процентов по кредиту) для проекта в 120–140 долл. США / т, он будет операционно убыточным при ценах на метанол уже ниже 200 долл. США/т, даже при оптимистичной предпосылке о размещении всех объемов в Европе. Для того, чтобы выплачивать проценты по кредиту, цены на метанол для проекта должны быть выше 250 долл. США / т. При этом в 2016 г. цены на метанол в Европе были ниже этого уровня и составляли около 225 долл. США / т. Анализ конкурентоспособности любого предприятия включает изучение конкурентных преимуществ, которые дают возможность усиления позиционирования на мировой арене, а также открытие и освоение новых рынков сбыта с последующей перспективой запуска новейших товаров и услуг с усовершенствованными характеристиками и свойствами [5].

Отдельно стоит отметить необходимость предприятия в рабочем капитале. С учетом стандартной отсрочки платежа конечными потребителями в Европе в 30–60 дней (30–90 дней в Китае), а также времени на транспортировку продукции до потребителей, дополнительные инвестиции на покрытие рабочего капитала в первый год эксплуатации завода мощностью около 4 000 т/сут. (выручка которого прогнозируется примерно на уровне 400–500 млн/год) могут составить около 50 млн долл. США.

Таким образом, в условиях невозможности конкурировать в Европе по цене метанола с новыми крупнотоннажными портовыми заводами и действующими предприятиями в РФ, а также с новыми крупнотоннажными заводами в США, на Тринидаде, на Ближнем Востоке, действующими предприятиями в Европе, проект будет вынужден либо снижать загрузку, либо отправлять метанол с очень высокими затратами на другие рынки (Китай, Индия), где в силу логистики продажи становятся убыточными.

В целом можно выделить основные группы затрат в рамках проекта по строительству завода по производству метанола:

- высокие капитальные затраты – 1,05–1,4 млрд долл. США на постройку завода мощностью 4 000–5 000 т/сут.;
- высокие затраты на производство, среди которых себестоимость составляет около 5 667 руб. / 1 000 ст. м³, операционные затраты находятся на уровне 18,4 млн долл. США / год, расходы на персонал устанавливают примерно на уровне 15 млн долл. США / год;
- высокие проценты по кредитам, объем которых на период строительства может составить около 80 млн долл. США / год.

Учитывая непростую логистику, строительство завода может потребовать закупки собственных цистерн, собственных судов, а также возведения соответствующей инфраструктуры в зависимости от выбранных методов перевозки. Это, в свою очередь, может существенно повлиять на капитальные затраты в сторону увеличения.

Следовательно, беря во внимание все упомянутые выше предпосылки, IRR типового проекта мощностью, обладающего 4 000–5 000 т/сут., составит около 6 %. Такое значение является крайне низким показателем требуемой доходности, что даже с учетом рисков данной отрасли свидетельствует о потенциально высокой инвестиционной привлекательности.

Предварительные расчеты показывают высокий потенциал проектов по производству метанола в России. Планомерное снижение ключевой ставки Центрального Банка РФ до 6 % позволяет с оптимизмом смотреть на реализацию подобных проектов с учетом привлечения заемного финансирования.

Необходимо дальнейшее исследование факторов изменения цена на метанол с целью выяснения реакции покупателей и формирования устойчивого рыночного сегмента. Сравнительно небольшие объемы производства метанола российских предприятий позволяют, с одной стороны, диверсифицировать портфель контрактов, выполняя небольшие по объему поставки. С другой стороны, использование фьючерсных и опционных краткосрочных финансовых стратегий позволяет нивелировать риск изменения цены.

Кроме того, политика кластеризации экономики, проводимая Правительством Российской Федерации, позволила бы добиться серьезной экономии на логистических затратах, разместив предприятия по производству метанола на территориях промышленных кластеров, отвечающих характеристикам производителей метанола.

Библиографический список

1. Брейли, Р., Майерс, С. Принципы корпоративных финансов / Пер. с англ. Н. Барышниковой. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008. – 1008 с.

2. Дамодаран, А. Инвестиционная оценка: Инструменты и методы оценки любых; Пер. с англ. – 7-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2011. – 1323 с.
3. Грязнова, А. Г., Федотова, М. А., Эскиндаров, М. А., Тазикина, Т. В., Иванова, Е. Н., Щербакова, О. Н. – Оценка стоимости предприятия (бизнеса). – М.: ИНТЕРРЕКЛАМА, 2003. – 544 с.
4. Котова, Н. Е., Кузнецов, Н. В. Концепция системы мониторинга инвестиционной деятельности естественных монополий. – Управление. – 2018. – Т. 6, № 3. – С. 27-33. DOI: 10.26425/2309-3633-2018-3-27-33.
5. Мозговой, А. И. Формирование конкурентных преимуществ российских транснациональных корпораций в условиях глобализации. Управление. – 2019. – Т. 7, № 3. – С. 30-37. DOI: 10.26425/2309-3633-2019-3-30-37.
6. Акишин, Д., Мамаков, А., Коровяков, А., Стацупа, М. Газохимия России. Часть 1. Метанол: пока только планы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vygon.consulting/upload/iblock/f22/vygon_consulting_russian_methanol_industry_development.pdf (дата обращения: 10.03.2020).
7. Анализ рынка метанола в России в 2014–2018 гг., прогноз на 2019–2023 гг. / Бизнесстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://marketing.rbc.ru/research/40937/> (дата обращения: 11.03.2020).
8. Global methanol. HIS market forecast [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ihsmarkit.com/products/chemical-market-methanol-global.html> (дата обращения: 14.03.2020).
9. New Texas methanol plant reaches turning point [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rigzone.com/news/new_texas_methanol_plant_reaches_turning_point-29-aug-2018-156785-article/ (дата обращения: 15.03.2020).
10. Rosenbaum, J., Pearl, J. Investment banking, valuation, leveraged buyouts, and mergers & acquisitions. 2nd Edition. Published by John Wiley & Sons, Inc. – Hoboken, New Jersey. Published simultaneously in Canada, 2013. – 464 p.

References

1. Breili R., Maiers S. B89 Printsipy korporativnykh finansov [B 89 Principles of corporate finance]. Per. s angl. N. Baryshnikovoi. Moscow, ZAO “Olimp – Biznes”, 2008. 1 008 p.
2. Damodaran A. Investitsionnaya otsenka: Instrumenty i metody otsenki lyubykh [Investment valuation: Tools and methods for evaluating any]. Per. s angl. 7-e izd. Moscow, Al'pina Publisher, 2011. 1323 p.
3. Gryaznova A. G., Fedotova M. A., Eskindarov M. A., Tazikhina T. V., Ivanova E. N., Shcherbakova O. N. Otsenka stoimosti predpriyatiya (biznesa) [Valuation of the enterprise (business)]. Moscow, INTERREKLAMA, 2003. 544 p.
4. Kotova N. E., Kuznetsov N. V. Kontseptsiya sistemy monitoringa investitsionnoi deyatel'nosti estestvennykh monopolii [Concept of the system for monitoring investment activity of natural monopolies]. Upravlenie, 2018, no. 6 (3), pp. 27-33. DOI: 10.26425/2309-3633-2018-3-27-33.
5. Mozgovoi A.I. Formirovanie konkurentnykh preimushchestv rossiiskikh transnatsional'nykh korporatsii v usloviyakh globalizatsii [Formation of competitive advantages of Russian transnational corporations in the context of globalization]. Upravlenie, 2019, no. 7 (3), pp. 30-37. DOI: 10.26425/2309-3633-2019-3-30-37.
6. Akishin D., Mamakov A., Korovyakov A., Statsura M. Gazokhimiya Rossii. Ch.' 1. Metanol: poka tol'ko plany [Gas chemistry of Russia. Part 1. Methanol: so far only plans, part 1]. Available at: https://vygon.consulting/upload/iblock/f22/vygon_consulting_russian_methanol_industry_development.pdf (accessed 10.03.2020).
7. Biznesstat. Analiz rynka metanola v Rossii v 2014–2018 gg., prognoz na 2019-2023 gg. [Analysis of the methanol market in Russia in 2014–2018, forecast for 2019–2023]. Available at: <https://marketing.rbc.ru/research/40937/> (accessed 11.03.2020).
8. Global methanol. HIS market forecast. Available at: <https://ihsmarkit.com/products/chemical-market-methanol-global.html> (accessed 14.03.2020).
9. New Texas methanol plant reaches turning point. Available at: https://www.rigzone.com/news/new_texas_methanol_plant_reaches_turning_point-29-aug-2018-156785-article/ (accessed 15.03.2020).
10. Rosenbaum J., Pearl J. Investment banking, valuation, leveraged buyouts, and mergers & acquisitions. 2nd Edition. Published by John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, New Jersey, Published simultaneously in Canada, 2013. 464 p.

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 334.723

JEL L32

DOI 10.26425/1816-4277-2020-6-136-143

**Кузнецов Алексей
Алексеевич**

канд. экон. наук, АО «Ингео-
холдинг», г. Москва, Россий-
ская Федерация

ORCID: 0000-0003-0553-5234

e-mail: kuznetsov.aa@inbox.ru

СТОИМОСТЬ ЗАТРАТ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КАК ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Аннотация. Предложен оригинальный подход к оценке финансовой эффективности инвестиционно-го проекта государственного значения через стоимость затрат жизненного цикла. Применительно к долгосрочным и капиталоемким проектам, таким как, например строительство объектов социальной инфраструктуры со смешанным государственно-частным капиталом, стоимость затрат жизненного цикла проекта, выражающая материальную оценку затрат участников на протяжении цикла создания и обслуживания объекта строительства, представляет собой полную и объективную финансовую оценку результатов проекта, эффективность которой обуславливается соответствием целевому уровню. Понимание полной стоимости совокупных затрат в абсолютном и относительном виде, а также структуры ее образования позволяют обеспечивать выбор и реализацию наименее затратного и, тем самым, наиболее эффективного инвестиционного решения. В данной работе представлены экономико-математическая модель расчета стоимости затрат жизненного цикла в базовых и текущих ценах, а также анализ образующих ее факторов.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, государственный заказ, жизненный цикл проекта, инвестиционный проект, оценка финансовой эффективности, оценка эффективности, социальная инфраструктура, стоимость владения, стоимость затрат жизненного цикла, строительство, финансовая эффективность.

Цитирование: Кузнецов А.А. Стоимость затрат жизненного цикла как оценка финансовой эффективности инвестиционно-строительного проекта социальной инфраструктуры // Вестник университета. 2020. № 6. С. 136–143.

Kuznetsov Alexey

Candidate of Economic
Sciences, JSC “Ingeoholding”,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0553-5234

e-mail: kuznetsov.aa@inbox.ru

LIFE-CYCLE COST AS AN ASSESSMENT OF THE FINANCIAL EFFECTIVENESS OF AN INVESTMENT AND CONSTRUCTION PROJECT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE

Abstract. Original approach to assessment and evaluation of financial effectiveness of an investment project in state area via the life-cycle cost has been proposed. For long-term and capital-intensive projects, such as the construction of social infrastructure facilities with mixed public-private capital, the cost of the project life cycle, which expresses the material assessment of the costs of participants during the cycle of creation and maintenance of the construction object, is a complete and objective financial assessment of the project results, the effectiveness of which is determined by compliance with the target level. Knowledge of the full life-cycle cost in absolute and relative form, as well as its structure, enables execution of the project in the lowest cost form, thus ensuring the most effective investment decision. An economic and mathematical model for calculating the cost of life cycle costs in base and current prices, as well as an analysis of the factors forming it have been presented in the paper.

Keywords: assessment of financial effectiveness, construction, cost of ownership, evaluation of effectiveness, financial effectiveness, full cost assessment, investment project, life-cycle cost, social infrastructure, public procurement, public-private partnership.

For citation: Kuznetsov A.A. (2020) Life-cycle cost as an assessment of the financial effectiveness of an investment and construction project of social infrastructure. *Vestnik universiteta*. 1. 6, pp. 136–143. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-6-136-143

© Кузнецов А.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Строительство и реконструкция объектов социальной инфраструктуры, таких как автомобильные дороги, медицинские, образовательные учреждения и др., осуществляемые из средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (далее – РФ), а также за счет смешанного государственно-частного финансирования, составляют ядро комплекса профильных национальных проектов, реализуемых в настоящее время Правительством РФ на всей территории страны [1].

Проведение оценки финансовой эффективности инвестиционно-строительных проектов, предусматривающих полное или частичное финансирование за счет бюджетных средств, регулируется обязательными процедурами, разработанными и утвержденными приказами Министерства экономического развития РФ [2; 3; 4]. В основе каждой из этих процедур лежат традиционные методики количественной оценки эффективности инвестиционных проектов, такие как ЮНИДО (United Nations Industrial Development Organization, UNIDO), «затраты-выгоды» и др. [8; 12]. Общей чертой большинства методик является моделирование чистого денежного потока проекта в целом, чистого денежного потока его участников и расчет на их основе таких показателей финансовой отдачи, как чистая текущая стоимость, внутренняя норма доходности, срок окупаемости и других. Аналогичные показатели рассчитывают при оценке финансовой эффективности проекта для государства, базируясь на прогнозе чистых потоков бюджетных средств [5; 11]. В основе расчета этих показателей лежит принцип дисконтирования или приведения денежных потоков разных периодов к начальному моменту времени с использованием процентной ставки дисконтирования как меры измерения стоимости денег во времени. Выбор и обоснование ставки дисконтирования, которая применительно к оценке эффективности на основе бюджетных потоков имеет приставку «социальная», является сложной самостоятельной задачей, решение которой вызывает споры и дискуссии в научном и деловом сообществах [14; 15; 16].

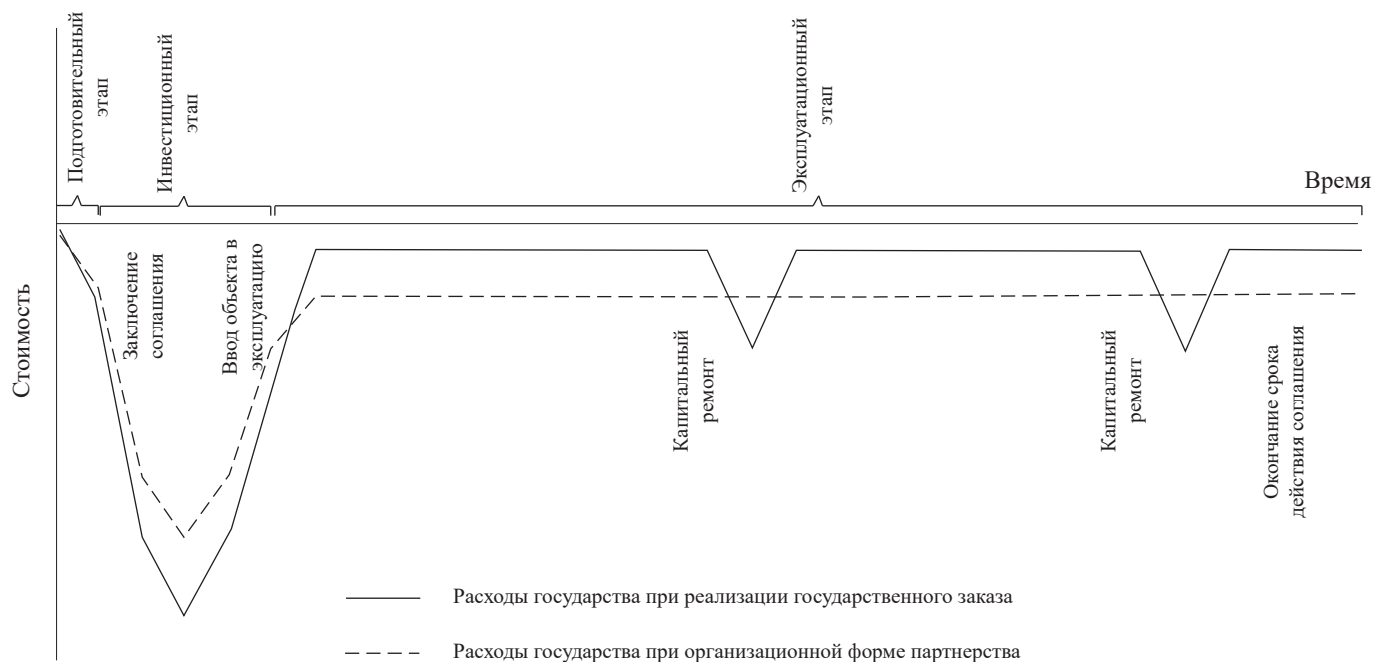
Одним из альтернативных подходов к сложившимся традиционным методикам является оценка эффективности инвестиционно-строительного проекта на основе стоимости затрат жизненного цикла (далее – СЗЖЦ) или совокупной стоимости владения в привязке к жизненному циклу объекта строительства. СЗЖЦ и совокупная стоимость владения оценивают как сумму затрат на проектирование, строительство, владение и утилизацию объекта [7]. На сегодняшний день универсальной единой методики расчета совокупной стоимости владения не существует ввиду существенного различия принципов определения вида объекта и характеристик владения, поэтому в настоящей статье предлагается универсальная экономико-математическая модель оценки СЗЖЦ инвестиционного проекта строительства и реконструкции объекта социальной инфраструктуры с государственным участием [10]. Важно оговориться, что жизненные циклы инвестиционного проекта и объекта строительства не обязательно совпадают. Несмотря на то, что проекты строительства и эксплуатации инфраструктурных объектов государственного значения предполагают значительные сроки реализации (обычно более 20 лет), функционирование самого объекта строительства при использовании современных материалов и технологий может успешно осуществляться на протяжении более длительного временного интервала.

В настоящей статье СЗЖЦ проекта рассматривается на протяжении периода времени, охватывающего подготовительный (прединвестиционный), инвестиционный и эксплуатационный этапы. По приведенным выше основаниям СЗЖЦ проекта, в отличие от совокупной стоимости владения объектом, не учитывает расходы по ликвидации и утилизации объекта.

С помощью СЗЖЦ государство решает оптимизационную задачу минимизации совокупной стоимости затрат в долгосрочном периоде при обеспечении своевременного ввода объекта в эксплуатацию и надлежащего качества его функционирования на протяжении всего срока действия инвестиционного соглашения. В качестве критерия оценки финансовой эффективности СЗЖЦ может сравниваться с заданными экзогенно пороговыми и целевыми значениями по отрасли. СЗЖЦ также позволяет осуществлять сравнительный анализ двух и более проектов или нескольких организационных форм реализации одного проекта. Под организационными формами реализации проекта следует понимать структуру взаимоотношений и взаимодействия лиц-участников проектной инициативы. Самой распространенной организационной формой в РФ является традиционный государственный заказ. Альтернативой данному подходу являются активно развивающиеся организационные формы партнерства государства и бизнеса, такие как контракты жизненного цикла, концессии, государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство и другие, где участником наряду с государством выступает частный партнер [12].

С экономической точки зрения СЗЖЦ можно определить, как совокупные расходы государства (в том числе выплаты частному партнеру при реализации проектов в форме партнерства), необходимые для обеспечения предоставления качественных услуг пользователям на протяжении всего жизненного цикла проекта в материальном выражении с учетом доходности собственных и заемных средств участников по обеспечению обязательств финансирования инвестиционного этапа [9].

Экономико-математическое моделирование СЗЖЦ ставит своей задачей отражение специфики инвестирования в инфраструктурные государственные проекты с учетом длительного срока реализации, включающего этапы подготовки, инвестиций (проектирования и строительства) и эксплуатации, а также с учетом многообразия организационных форм реализации и тесной взаимосвязи расходов разных этапов. Схематично формирование СЗЖЦ на различных этапах реализации проекта в форме традиционного государственного заказа и организационной форме партнерства представлено на рисунке 1.

Источник: [9]

Рис. 1. Этапы жизненного цикла инфраструктурного проекта

Для целей моделирования целесообразно объединить подготовительный и инвестиционный этап в подготовительно-инвестиционный. Совокупные затраты данного этапа объединяют расходы участников на подготовку и согласование технико-экономического обоснования, проектирование и строительство объекта, а также транзакционные издержки, связанные с управлением проектной деятельностью, содержанием специальной проектной компании (при ее наличии), юридическими, административными, организационными, информационными аспектами реализации проекта. Совокупные затраты эксплуатационного этапа включают техническую эксплуатацию и обслуживание объекта, организацию текущего и капитального ремонтов, управление объектом, а также транзакционные издержки участников, упомянутые ранее, если они сопровождают проектную деятельность после ввода объекта в эксплуатацию. Моделирование может осуществляться на различных уровнях агрегации элементов затрат каждого этапа. Для целей данной статьи предлагается без ограничения общности объединить все затраты подготовительно-инвестиционного этапа в единый показатель C , все затраты эксплуатационного этапа в единый показатель E и рассмотреть для каждого этапа возможные источники финансирования.

Параметры и обозначения модели расчета СЗЖЦ представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные параметры и обозначения модели оценки стоимости затрат жизненного цикла

Вид затрат	Обозначение	Структура затрат по источникам финансирования			
		все организационные формы		организационные формы партнерства	
		бюджетные средства / субсидии	заемные средства государства	заемные средства частного партнера	собственные средства частного партнера
Затраты подготовительно-инвестиционного этапа, ден. ед.	C	$C_{\text{бюдж}}^{\text{гос}}$	$C_{\text{заем}}^{\text{гос}}$	$C_{\text{заем}}^{\text{час}}$	$C_{\text{собс}}^{\text{час}}$
Затраты эксплуатационного этапа, ден. ед.	E	$E_{\text{бюдж}}^{\text{гос}}$	$E_{\text{заем}}^{\text{гос}}$	$E_{\text{заем}}^{\text{час}}$	$E_{\text{собс}}^{\text{час}}$

Составлено автором по материалам исследования

Для дальнейшего расчета показателя СЗЖЦ на основе данных таблицы 1 необходимо заметить, что особенностью реализации инфраструктурных проектов государства является отсутствие значительных внешних коммерческих источников дохода от использования объекта строительства. Исключением является строительство платных участков дорог и ограниченный перечень платных услуг в других социальных сферах, но ввиду низкой доли этих сборов в общем объеме инвестиций и для обеспечения сопоставимости финансовых результатов внешними доходами можно пренебречь. Следовательно, источником финансирования полного спектра затрат на реализацию проекта является в итоге бюджетная система. Даже если структура финансирования проекта предполагает лишь частичное бюджетное субсидирование расходов инвестиционного этапа, то на эксплуатационном этапе государство обязано обеспечить возмещение внебюджетных инвестиционных затрат, заемных и собственных с целевой стоимостью обслуживания в течение всего срока их использования. Таким образом, возникает еще одна категория затрат государства, которую необходимо учитывать, говоря о СЗЖЦ, а именно – стоимость обслуживания привлеченного проектного финансирования для реализации инвестиционного этапа. Ее можно условно разделить на три составляющие:

- обслуживание заемных средств государства $I_{\text{заем}}^{\text{гос}}$, которое включает совокупные платежи за пользование заемными ресурсами в виде государственных займов, облигаций федерального и муниципального займа, направленных на финансирование обязательств государства на подготовительно-инвестиционном $C_{\text{заем}}^{\text{гос}}$ и реже на эксплуатационном этапе $E_{\text{заем}}^{\text{гос}}$ реализации проекта;

- обслуживание заемных средств частного партнера $I_{\text{заем}}^{\text{час}}$, которое предполагает выплаты процентов по привлеченным частным партнером займам на протяжении подготовительно-инвестиционного $C_{\text{заем}}^{\text{час}}$ и эксплуатационного этапов. Источниками такого финансирования могут выступать традиционный банковский заем под залоговое обеспечение и гарантии государства, а также специальные проектные облигации [6; 13];

- обслуживание собственных вложенных средств частного партнера или, другими словами, обеспечение целевого уровня доходности на собственные вложенные средства частного партнера $I_{\text{собс}}^{\text{час}}$, которое является главным коммерческим ориентиром при инвестировании частного капитала на подготовительно-инвестиционном $C_{\text{собс}}^{\text{час}}$ и эксплуатационном $E_{\text{собс}}^{\text{час}}$ этапах. Целевой уровень доходности можно интерпретировать как норму прибыли, которую частный партнер ожидает получить от участия в проекте.

Между тремя компонентами общей стоимости обслуживания привлеченного финансирования в их процентной форме образования существует корреляция, но в отличие от процентной ставки по займам, которая устанавливается финансовыми организациями по принципам соотношения стоимости, сроков и обеспечения долговых обязательств, процентная норма целевой доходности на вложения собственного частного капитала, которая обычно выше, определяется субъективным отношением риска-выгоды со стороны частных инвесторов и фиксируется в соответствующих инвестиционных соглашениях с государственным заказчиком.

Суммируя затраты подготовительно-инвестиционного и эксплуатационного этапов, а также стоимость обслуживания привлеченного финансирования, можно произвести расчет СЗЖЦ:

$$\text{СЗЖЦ} = C + E + I_{\text{заем}}^{\text{гос}} + I_{\text{заем}}^{\text{час}} + I_{\text{собс}}^{\text{час}}. \quad (1)$$

Как было отмечено выше, формула (1) представляет расчет на самом крупном агрегированном уровне, позволяя при этом более детальное распределение как затратной части $C + E$, так и совокупной стоимости привлеченного финансирования $I_{\text{заем}}^{\text{гос}} + I_{\text{заем}}^{\text{час}} + I_{\text{собс}}^{\text{час}}$. Если параметры C и E могут быть определены на основе предварительного ТЭО или сметных расчетов, то стоимость привлеченного заемного финансирования $I_{\text{заем}}^{\text{гос}}$ и $I_{\text{заем}}^{\text{час}}$ определяется долей затрат инвестиционного и эксплуатационного этапов, финансируемой за счет заемных средств участников (как частных лиц, так и государства), а также актуальными рыночными процентными ставками используемых финансовых инструментов в виде кредитов, проектных облигаций или их комбинации со сроками погашения, максимально соответствующими сроку реализации проекта. Наибольшую оценочную сложность представляет параметр $I_{\text{собс}}^{\text{час}}$, расчет которого выполняют на основе ожидаемой нормы доходности собственного вложенного капитала частного партнера в структуре финансирования общих затрат по проекту на всех этапах его реализации. Возврат вложенных частным партнером собственных средств с доходностью по ним также следует осуществлять на протяжении всего срока реализации проекта. Среди преимуществ использования СЗЖЦ в качестве оценки финансовой эффективности государственных долгосрочных инфраструктурных инвестиционно-строительных проектов необходимо отметить следующие.

1. СЗЖЦ, рассчитанная в базовых ценах (фиксированных ценах базового периода), наилучшим образом обеспечивает сравнение проектов и различных организационных форм реализации проекта между собой и с целевыми экзогенными показателями для выполнения функций фильтрации и критерия финансовой эффективности. Действительно, в относительном или приведенном виде: в расчете на 1 км при строительстве автомобильных дорог, одного пациента или одного учащегося при строительстве лечебных и образовательных учреждений, СЗЖЦ приобретает значение объективного количественного критерия выбора.

2. СЗЖЦ в любой момент времени может быть рассчитана в динамической форме введением поправки на инфляционные ожидания. Для этого каждый компонент СЗЖЦ пересчитывают с учетом изменения стоимости денег во времени. Стоимость обслуживания привлеченных участниками средств не является исключением, так как процентную ставку доходности заемных и собственных средств всегда можно определить в виде суммы фиксированной базовой безинфляционной процентной ставки и процентного прогнозного уровня инфляции. Кроме того, рекомендуется увязать базовую процентную ставку стоимости обслуживания заемных и собственных привлеченных средств с ключевой ставкой Центрального Банка РФ с целью корреляционного учета изменения макроэкономической ситуации в долгосрочном периоде.

3. Методика расчета СЗЖЦ не противоречит методике расчета чистой текущей стоимости денежного потока частного партнера, несмотря на различия в подходах. Базируясь на математическом принципе аккумулярования, при котором затраты разных временных периодов приводятся к единому моменту в будущем, можно доказать, что целевой уровень доходности на вложенные собственные средства частного партнера, используемый при расчете СЗЖЦ, тождественно равен внутренней норме доходности чистого денежного потока частного партнера при расчете чистой текущей стоимости традиционными методами, что свидетельствует об экономической достоверности предлагаемого подхода [9].

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что согласно предложенному экономическому определению СЗЖЦ должна объединять все материальные затраты участников проекта на протяжении его жизненного цикла. При реализации проекта в организационной форме партнерства, будь то контракт жизненного цикла, концессия или государственно-частное партнерство, участниками являются государство и частный партнер, каждый из которых отвечает за финансовое обеспечение обязательств того или иного этапа в соответствии с закрепленными в соглашении партнерства условиями. Форма партнерства чаще всего предусматривает вложение частным партнером собственных средств на инвестиционном этапе, и будет справедливо предположить, что собственники частного партнера ожидают получения целевого уровня доходности на эти средства в течение этапа эксплуатации. Источником выплаты доходности на вложенные собственные средства частного партнера является государство (в некоторых случаях пользователи платных участков или

совместно), что предполагает выделение бюджетных средств на протяжении эксплуатационного этапа. Таким образом, доходность на вложенные собственные средства частного партнера (которую можно также интерпретировать как его прибыль) увеличивает затратную часть государства, следовательно подлежит учету в составе СЗЖЦ проекта. Иными словами, СЗЖЦ должна учитывать все затраты по обслуживанию привлеченного участниками финансирования, включая проценты по заемным средствам государства и частного партнера, а также доходность на собственные вложенные средства частного партнера.

Стоимость затрат жизненного цикла, как новая современная концепция объединения и учета стоимости расходов всех этапов реализации проекта в едином показателе, зарекомендовала себя при решении проблемы энергоэффективности строительства и обслуживания зданий и имеет высокий потенциал при реализации инфраструктурных инициатив государственного значения. Моделирование стоимости затрат жизненного цикла позволяет учитывать тесную взаимосвязь и взаимозависимость расходов подготовительного, инвестиционного и эксплуатационного этапов при анализе различных организационных форм реализации проекта, обеспечивая выбор наиболее информированного и эффективного инвестиционного решения.

Библиографический список

1. Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты / Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/> (дата обращения 12.03.2020).
2. Методика оценки эффективности использования средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения [приказ Минэкономразвития РФ от 24.02.2009 № 58] // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87435/ (дата обращения 08.03.2020).
3. Об утверждении методических указаний по подготовке стратегического и комплексного обоснований инвестиционного проекта, а также по оценке инвестиционных проектов, претендующих на финансирование за счет средств Фонда национального благосостояния и (или) пенсионных накоплений, находящихся в доверительном управлении государственной управляющей компании, на возвратной основе: [Приказ Минэкономразвития РФ от 14.12.2013 г. № 741] // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160381/ (дата обращения 04.03.2020).
4. Об утверждении Методики оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества: [Приказ Минэкономразвития РФ от 30.11.2015 № 894] // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192148/ (дата обращения 28.03.2020).
5. Об утверждении Правил формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации: [Постановление Правительства РФ от 01.03.2008 г. № 134] // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75354/ (дата обращения 15.03.2020).
6. Правила отбора инвестиционных проектов и принципалов для предоставления государственных гарантий Российской Федерации по кредитам либо облигационным займам, привлекаемым на осуществление инвестиционных проектов: [Постановление Правительства РФ от 14.12.2010 г. № 1016] // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108319/ (дата обращения 15.03.2020).
7. Баронин, С. А., Бредихина, Н. В., Бижанов, С. А., Янков, А. Г. Управление совокупной стоимостью владения в контрактах жизненных циклов недвижимости как перспективный инструмент развития энергоэффективности в жилищной отрасли // Сер. Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – № 2. – С. 78-82.
8. Качиновская, М. Методы анализа данных: анализ «издержки-выгоды», анализ «издержки-эффективность» // Коллоквиум «Оценивание программ и политик: методология и применение»: сб. материалов. Вып. I / под ред. Д. Б. Цыганкова. – М.: ГУ–ВШЭ, 2006. – С. 99-10.
9. Кузнецов, А. А. Механизм обоснования организационных форм реализации инвестиционных проектов дорожного строительства: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Кузнецов Алексей Алексеевич. – М., 2019. – 203 с.
10. Исследование. Рынок государственно-частного партнерства в России: проблемы и перспективы развития / Консалтинговая компания IPT Group, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iptg.ru/IPT.pdf> (дата обращения 17.03.2020).
11. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов; 3-я ред., испр. и доп. – М.: Экономика, 2008. – 234 с.
12. Обоснование эффективности применения механизмов ГЧП. Экспертный релиз / Национальный центр государственно-частного партнерства, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pppi.ru> (дата обращения 15.03.2020).

13. Рекомендации по реализации проектов государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации / Ассоциация «Центр развития ГЧП», Минэкономразвития РФ. – М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2013. – 50 с.
14. Gray, S., Hall, J., Pollard G. The public private partnership paradox [Электронный ресурс]. – Режим доступа: UQ business school. University of Queensland. Australia. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1582312 (дата обращения 03.03.2020).
15. Public-private partnerships. Reference guide. Version 2.0. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, Asian Development Bank, and Inter-American Development Bank, 2014. – 232 p.
16. Stulginskis, A., Alekneviciene, V. Valuation of Public Projects for Regional Development: Critical Approach // Economics and Rural Development. Aleksandras Stulginskis University. – 2014.– Vol. 10, No. 2. – Pp. 16-24.

References

1. Natsional'nye proekty: klyuchevye tseli i ozhidaemye rezul'taty [*National projects: key targets and expected results*]. Pravitel'stvo Rossii [Government of Russia]. Available at: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/> (accessed 12.03.2020).
2. Prikaz Minekonomrazvitiya RF ot 24.02.2009 No. 58 “Metodika otsenki effektivnosti ispol'zovaniya sredstv federal'nogo byudzheta, napravlyaemykh na kapital'nye vlozheniya” [*Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation “Methods of Effectiveness Evaluation of the Federal Budget Spending in Capital Investments” No. 58, dated on February 24, 2009*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87435/ (accessed 08.03.2020).
3. Prikaz Minekonomrazvitiya RF ot 14.12.2013 No. 741 “Ob utverzhdenii metodicheskikh ukazanii po podgotovke strategicheskogo i kompleksnogo obosnovanii investitsionnogo proekta, a takzhe po otsenke investitsionnykh proektov, pretenduyushchikh na finansirovanie za schet sredstv Fonda natsional'nogo blagosostoyaniya i (ili) pensionnykh nakoplenii, nakhodyashchikhsya v doveritel'nom upravlenii gosudarstvennoi upravlyayushchei kompanii, na vozvratnoi osnove” [*Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation “On Approval of Methodical Directions for Preparation of Strategic and Complex Rationale for Evaluation of Investment Projects Budgeted from within Fund of National Welfare and (or) Pension Savings on the Basis of Trust Management by State Company on the Basis of Return” No. 741, dated on December 14, 2013*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160381/ (accessed 04.03.2020).
4. Prikaz Minekonomrazvitiya RF ot 30.11.2015 No. 894 “Ob utverzhdenii Metodiki otsenki effektivnosti proekta gosudarstvenno-chastnogo partnerstva, proekta munitsipal'no-chastnogo partnerstva i opredeleniya ikh sravnitel'nogo preimushchestva” [*Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation “On Approval of the Methods of Effectiveness Evaluation for Public-Private Partnership Projects, Municipal-Private Partnership Projects and Definition of their Comparative Advantage” No. 894, dated on November 30, 2015*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192148/ (accessed 28.03.2020).
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.03.2008 No. 134 “Ob utverzhdenii Pravil formirovaniya i ispol'zovaniya byudzhetnykh assignovaniy Investitsionnogo fonda Rossiiskoi Federatsii” [*Resolution of the Government of the Russian Federation “On Approval of the Rules for Forming and Using Budget Allocations of the Investment Fund of the Russian Federation” No. 134, dated on March 1, 2008*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75354/ (accessed 15.03.2020).
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.12.2010 No. 1016 Pravila otbora investitsionnykh proektov i printsipalov dlya predostavleniya gosudarstvennykh garantii Rossiiskoi Federatsii po kreditam libo obligatsionnym zaimam, privlekaemym na osushchestvlenie investitsionnykh proektov” [*Resolution of the Government of the Russian Federation 2010 “Rules for Selection of Investment Projects and Principals for Obtaining State Guarantees of the Russian Federation in Relation to Credits, Bonds Received for Implementing Investment Projects” No. 1016, dated on December 14, 2010*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108319/ (accessed 15.03.2020).
7. Baronin S. A., Bredikhina N. V., Bizhanov S. A., Yankov A. G. [et al.]. Upravlenie sovokupnoi stoimost'yu vladeniya v kontraktakh zhiznennykh tsiklov nedvizhimosti kak perspektivnyi instrument razvitiya energoeffektivnosti v zhilishchnoi otrasli [*Management of cumulative cost of ownership in life-cycle contracts for real estate as a perspective instrument of energy efficiency development in housing industry*]. Izvestiia Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment, 2014, no. 2, pp. 78-82.
8. Kachinovskaya M. Metody analiza dannykh: analiz “izderzhki-vygody”, analiz “izderzhki-effektivnost” [*Methods of data analysis: analysis “cost-benefit”, analysis “cost-effectiveness”*]. Kollokvium “Otsenivanie programm i politik: metodologiya i primeneniye”: Sb. Materialov, Vyp. 1 [*Colloquium Evaluating programs and policies: methodology and application: collection of materials, I. 1*]. Pod red. D. B. Tsygankova. Moscow, GU – VShE, 2006, pp. 99-10.

9. Kuznetsov A. A. Mekhanizm obosnovaniya organizatsionnykh form realizatsii investitsionnykh proektov dorozhnogo stroitel'stva [*Mechanism of justification of organizational forms of executing roads construction investment projects*]: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05. Moscow, 2019. 203 p.
10. Issledovanie. Rynok gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [*Research. The market of public-private partnerships in Russia: problems and development perspectives*]. Konsaltingovaya kompaniya IPT Group [*IPT Group Consulting Company*], 2016. Available at: <http://iptg.ru/IPT.pdf> (accessed 17.03.2020).
11. Metodicheskie rekomendatsii po otsenke effektivnosti investitsionnykh proektov [*Methodological recommendations for evaluating the effectiveness of investment projects*]. 3-ya red., ispr. i dop. Moscow, Ekonomika, 2008. 234 p.
12. Obosnovanie effektivnosti primeneniya mekhanizmov GChP. Ekspertnyi reliz [*Justification of effectiveness of application mechanisms of PPP. Expert release*]. Natsional'nyi tsentr gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [*National Center of Public-Private Partnership*], 2017. Available at: <http://www.pppi.ru> (accessed 15.03.2020).
13. Rekomendatsii po realizatsii proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii [*Recommendations for execution of public-private partnership projects in subjects of the Russian Federation*]. Assotsiatsiya "Tsentr razvitiya GChP", Minekonomrazvitiya RF [*Public-Private Partnership Association of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*] 2013. 50 p.
14. Gray S. The public private partnership paradox. UQ Business School. University of Queensland. Australia. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1582312 (accessed 03.03.2020).
15. Public-Private Partnerships. Reference Guide. Version 2.0. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, Asian Development Bank, and Inter-American Development Bank, 2014. 232 p.
16. Stulginskis A., Alekneviciene V. Valuation of public projects for regional development: critical approach. Economics and Rural Development. Aleksandras Stulginskis University, 2014, vol. 10, no. 2, pp. 16-24.

Мазурина Татьяна Юрьевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва, Российская
Федерация

e-mail: tamaz07@yandex.ru

**Шарипов Шукруллохон
Сайфуллоевич**

аспирант, ФГБОУ ВО «Государствен-
ный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

e-mail: shukrullo_sh@yahoo.com

БАНКОВСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И НАДЗОР В ТРАДИЦИОННЫХ И ИСЛАМСКИХ ФИНАНСАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Раскрыто содержание банковского регулирования и надзора, его структурно-функциональных элементов и особенностей реализации в традиционных и исламских финансовых системах. Особое внимание уделено вопросам эволюции международных подходов к регулированию банковской деятельности. Охарактеризованы основные модели и инструменты пруденциального надзора исламских финансовых институтов – исламский аудит и Шариатский орган финансового надзора. Проанализированы основные проблемы внедрения международных стандартов в деятельность организаций, предоставляющих исламские финансовые услуги, раскрыты специфические особенности и основные направления развития системы регулирования и надзора за деятельностью исламских банков в контексте гармонизации надзорного процесса исламских банков и международных стандартов банковского надзора.

Ключевые слова: банковский надзор, банковское регулирование, буферы капитала, исламский банкинг, исламские финансовые институты, исламские финансы, принципы надзора, пруденциальный надзор.

Цитирование: Мазурина Т.Ю., Шарипов Ш.С. Банковское регулирование и надзор в традиционных и исламских финансах: сравнительный анализ и особенности реализации // Вестник университета. 2020. № 6. С. 144–151.

BANKING REGULATION AND SUPERVISION IN TRADITIONAL AND ISLAMIC FINANCE: COMPARATIVE ANALYSIS AND IMPLEMENTATION FEATURES

Abstract. The content of banking regulation and supervision, its structural and functional elements and features of implementation in traditional and Islamic financial systems have been revealed. Special attention to the issues of evolution of international approaches to banking regulation has been paid. The main models and tools of prudential supervision of Islamic financial institutions-Islamic audit and Sharia financial supervision authority have been characterized. The main problems of implementation of international standards in the activities of organizations providing Islamic financial services, specific features and main directions of development of the system of regulation and supervision of Islamic banks in the context of harmonization of the Supervisory process of Islamic banks and international standards of banking supervision have been analysed.

Keywords: banking regulation, banking supervision, capital buffers, Islamic banking, Islamic finance, Islamic financial institutions, prudential supervision, supervision principles.

For citation: Mazurina T.Yu., Sharipov Sh.S. (2020) Banking regulation and supervision in traditional and islamic finance: comparative analysis and implementation features. *Vestnik universiteta*. I. 6, pp. 144–151. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-6-144-151

Влияние мирового и финансового кризиса 2008–2009 гг. резко отразилось на экономике и финансовом положении европейских государств. Произошло ухудшение условий кредитования реального сектора экономики и снижение доходности банковского бизнеса. Было существенно утрачено доверие к банкам в Европе. В этих условиях руководство Европейского союза активно изыскивало способы повышения стабильности банковского сектора стран Еврозоны [8].

Все это требовало определенных и конкретных мер в области регулирования и надзора, на чем и сосредоточили свои усилия соответствующие органы в странах Европейского союза. Это коснулось, прежде всего,

© Мазурина Т.Ю., Шарипов Ш.С., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

минимальных требований к капиталу, формирования буферов капитала и введения коэффициентов ликвидности согласно рекомендациям Базеля III.

Что касается деятельности исламских банков, то они демонстрировали неплохие результаты и имели достаточную финансовую устойчивость в преодолении проблем мировых финансовых кризисов, однако были и остаются подвержены специфичным рискам [6].

На сегодня процесс банковского регулирования и надзора в исламских финансах (исламском банкинге) недостаточно развит, более того, он не так силен, как в традиционных банковских системах. Учитывая, что исламские финансы достаточно активно интегрируются в мировой рынок, а регулирование и надзор за банковской деятельностью – важные составляющие системы обеспечения финансовой стабильности, данная проблема требует разрешения, прежде всего, гармонизацией норм надзорного процесса исламских банков и международных стандартов банковского надзора.

Справедливости ради заметим, что достаточно трудно сказать однозначно, чем термин «регулирование» отличается от понятия «надзор». Вместе тем они представляют две взаимосвязанные подсистемы.

Как отмечается в одной из статей, «...финансовое регулирование включает пруденциальный надзор (prudential supervision) и надзор за предпринимательской деятельностью (business conduct supervision). Пруденциальный надзор призван обеспечить надежность и устойчивость финансовых институтов, уменьшить системные риски» <...> «Надзор же за предпринимательской активностью, или регулирование, поддерживает функционирование конкурентных рынков и защищает права потребителей финансовых услуг. Финансовое регулирование должно устанавливать баланс между разными задачами, которые решают пруденциальный надзор и регулирование. Чрезмерное усиление пруденциального надзора может подорвать конкуренцию; и, наоборот, дерегулирование нередко ослабляет» [3, с. 37-38]. Тем самым отождествляются понятия «регулирование и надзор», содержательно и функционально выделяя в системе финансового регулирования пруденциальный надзор и надзор за предпринимательской деятельностью.

Не вдаваясь в дальнейшие дискуссии по поводу разделения этих понятий и отдавая дань справедливости мнению авторов приведенной статьи, попробуем рассмотреть их подробнее.

Банковское регулирование (как составляющая финансового регулирования) есть система мер, с помощью которых государство в лице центрального банка или иного надзорного органа обеспечивает устойчивое функционирование банковской системы, предотвращает кризисные явления в ней, защищает интересы кредиторов и вкладчиков. Это, очевидно, то, что понимается под надзором за предпринимательской деятельностью, проще говоря, это установление «правил игры» на рынке финансовых (банковских) услуг, или разработка норм и положений, законодательных и нормативных требований к банкам, включая формы отчетности, которые банки обязаны соблюдать, опираясь на международные и национальные требования.

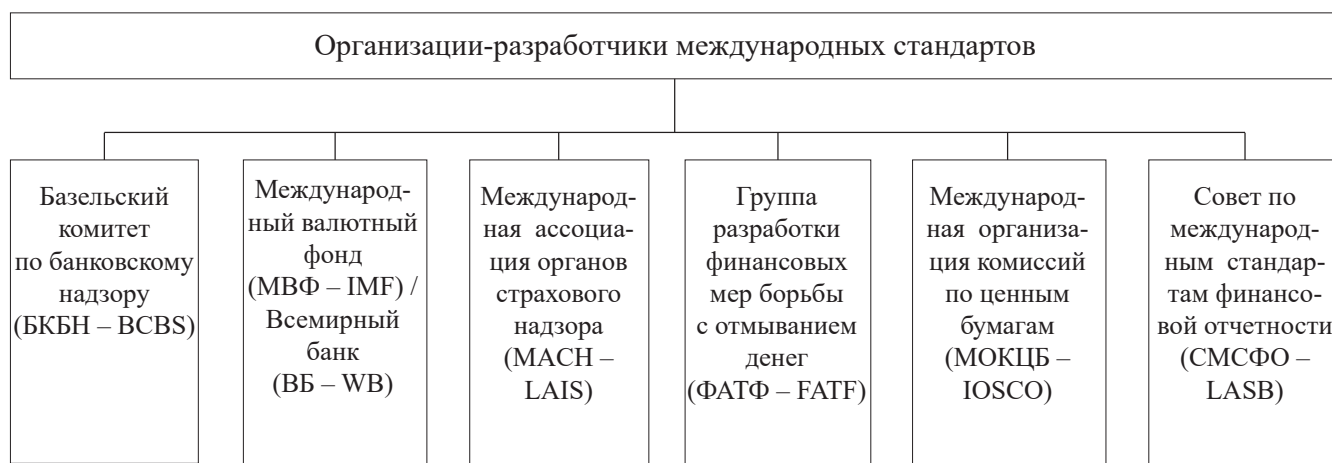
В свою очередь, «...надзор – это проверка соответствия банков и других контролируемых кредитных организаций нормам и требованиям, разработанным регулирующим органом, а также применение мер воздействия в случае выявления недостатков в деятельности банка» [10]. В соответствии с законом банковское регулирование и банковский надзор – функции Банка России (ЦБ РФ), которые полностью за ним закреплены [1, ст. 4].

Главными целями регулирования и надзора в банковском секторе являются поддержание стабильности банковской системы и защита интересов вкладчиков и кредиторов [1, ст. 56]. Несмотря на то, что в силу специфики российской банковской системы банковское регулирование и надзор осуществляет Банк России в одном лице, правильно рассматривать банковский надзор как самостоятельный блок (подсистему) в системе управления наряду с банковским регулированием. При этом банковский надзор не является частью банковского регулирования, но эти две подсистемы управления тесно связаны между собой.

Банковский надзор представляет собой многомерную, жесткую систему контроля, призванную упорядочить деятельность участников рынка банковских услуг в целях обеспечения стабильности функционирования банковского сектора и высокого уровня доверия общества. Банковский надзор направлен на обеспечение соблюдения банковского законодательства кредитными организациями и их объединениями и имеет целью своевременное выявление и оперативное реагирование на возникающие проблемы в банковском секторе и предотвращение развития системного банковского кризиса. Банковский надзор достаточно давно носит международный характер. Несмотря на то, что структурно-функциональные элементы банковского надзора в России сложились под влиянием зарубежной практики, надзорный процесс в России имеет

свои конструктивные особенности (к примеру, совмещение Банком России функций надзора за кредитными организациями и денежно-кредитного регулирования).

Однако Россия, являясь членом «Группы 20» и будучи представленной в Совете по финансовой стабильности в Базельском комитете по банковскому надзору (Basel Committee on Banking Supervision, BCBS, далее – БКБН), активно претворяет в жизнь международные рекомендации в целях дальнейшего совершенствования и развития банковского регулирования и надзора. БКБН признал, что регулирование в России соответствует базельским стандартам и «...национальные» подходы, которые мы также реализуем, являются не альтернативой, а дополнением к международным подходам» [7, с. 6]. Банковский надзор – сложный и многомерный процесс, который необходимо организовать на национальном уровне и который требует внедрения ряда международных стандартов. Основными разработчиками таковых являются организации, представленные на рис. 1.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Организации-разработчики международных стандартов

И все же основной международной организацией, которая занимается вопросами повышения качества регулирования и надзора, разрабатывает единые стандарты и принципы банковской деятельности, является БКБН. Важную роль играет и СМСФО, поскольку эта организация разрабатывает стандарты финансовой и бухгалтерской отчетности. Именно эти стандарты, наряду с национальными, лежат в основе формирования традиционными банками своей финансовой отчетности. Развитие международных подходов к регулированию и надзору можно проследить в таблице 1.

Таблица 1

Развитие международных подходов к регулированию: от Базеля I к Базелю III

Признак (критерий)	Базель I (введен в 1988 г.)	Базель II (принят в июне 2004 г.)	Базель III (принят в декабре 2010 г.)
Объект регулирования	Международные банки	Международные банки и банковские группы	Системно значимые банки, банковские группы, мировая и национальные банковские системы

Признак (критерий)	Базель I (введен в 1988 г.)	Базель II (принят в июне 2004 г.)	Базель III (принят в декабре 2010 г.)
Аспекты регулирования	Единые стандарты капитала Система контроля за достаточностью капитала Ограничение кредитного риска	Единые стандарты капитала Качество управления рисками Совершенствование надзора Рыночная дисциплина	Единые (глобальные) стандарты капитала Единые (глобальные) стандарты ликвидности Единые (глобальные) стандарты левериджа Регулирование финансовой устойчивости Система управления рисками
Основные направления регулятивной реформы	Капитал Структура капитала банка Достаточность капитала Активы, взвешенные с учетом риска (кредитного)	Капитал Достаточность капитала Активы, взвешенные с учетом риска Кредитный риск Операционный риск Рыночный риск Требования к системе управления рисками Требования к рыночной дисциплине	Капитал Структура капитала Достаточность капитала Активы, взвешенные с учетом риска Коэффициент левериджа Показатели ликвидности Буферы капитала Пределы рискообразования Операции с деривативами
Новации	Капитал банка для регулятивных целей подразделен на две категории – капитал первого и второго уровня, а все активы банка для регулятивных целей разделяются на группы в зависимости от степени риска	Создание более чувствительной к рискам системы взвешенного расчета регулятивного капитала, основанной по возможности на количественных оценках рисков, введенных самими банками Оценка кредитного риска на основе стандартизированного подхода и на основе внутренних рейтингов Диверсификация инструментов снижения кредитных рисков Требования к капиталу под операционный риск Расширение роли органов надзора Всестороннее раскрытие информации и методологии банками	Введение дополнительных требований к достаточности капитала банков (к составу акционерного капитала, капитала первого уровня, капитала второго уровня, буферного капитала, совокупного капитала) Введение норматива финансового рычага Введение новых обязательных нормативов ликвидности—норматива краткосрочной ликвидности (LCR) и норматива чистого стабильного фондирования (NSFR) и др.

Составлено авторами по материалам исследования

Рассматриваемая проблема интересна еще и тем, что в разных странах функции регулирования и надзора закреплены за разными институтами. В рамках Европейского союза, к примеру, существуют следующие модели ведения надзора за финансовым сектором. «Первая предполагает концентрацию надзорных полномочий в центральном банке, другая – существование специального надзорного органа, третья представляет собой сочетание элементов первых двух моделей. Однако ни одну из моделей нельзя считать более предпочтительной или оптимальной» [10, с. 24].

Согласно сложившейся практике, надзорные органы основное внимание уделяют проверке соответствия деятельности банков нормам банковского законодательства, установленным требованиям. Ключевым требованием к банкам является требование к минимальному размеру капитала банков, достаточного для покрытия банковских рисков (достаточность капитала). Что касается дополнительных требований к капиталу банков, то Базель III представил целый ряд так называемых буферов капитала, то есть дополнительных «подушек безопасности», целью формирования которых является поддержание достаточности капитала на определенном уровне за счет ограничения распределения прибыли.

Постепенно, с развитием и усложнением банковской деятельности, внимание в значительной степени смещается в область управления банковскими рисками и определения потенциальных угроз для банка в будущем. Что касается методов и инструментария надзора, то здесь следует констатировать, что они тесно связаны с его видами (правовой и пруденциальный, основанный на количественных оценках и качественный, дистанционный и инспекционный и др.). А вот к сфере (предмету) регулирования следует отнести: выход на рынок банковских услуг (создание кредитных организаций), текущую деятельность банков, процесс ликвидации кредитных организаций, банкротство, антикризисное управление, а также состояние учета и отчетности в банках.

В системе исламских финансов банки выполняют функции, аналогичные функциям традиционных банков. Прежде всего, банки играют роль финансовых посредников в расчетах, в финансировании реального сектора экономики. Фундаментальные противоречия прослеживаются в выполнении исламскими банками функции финансирования бизнеса. И проявляется это как в самом характере предоставления средств (на беспроцентной основе), так и в условиях такого финансирования – доленое финансирование с разделением рисков по проекту (договору).

Исходя из специфики функционирования исламских банков, регулирование их деятельности осуществляется как на государственном уровне, так и на уровне законов шариата (шариатский контроль). Кроме этого, в качестве субъектов регулирования и надзора выступают и международные организации, перечисленные нами ранее. Необходимость шариатского контроля связана с тем, что исламские банки и их деятельность четко подчинены ценностным требованиям и законам шариата, и несоответствие деятельности исламского банка указанным требованиям несет в себе угрозу потерь деловой репутации.

Между тем, как справедливо отмечает С. Ю. Бабенкова, «...в исламской банковской системе существует ряд проблем, связанных с нормативным закреплением основ регулирования и надзора, в том числе и исламского финансового надзора» [5, с. 39].

В современных достаточно сложных условиях ведения банковского бизнеса активно развивается нормативно-правовая база банковской деятельности, внедряются международные стандарты банковского регулирования и надзора, включая внедрение в 2015 г. стандарта IFSB-17 «Основные принципы для исламского финансового регулирования (банковский сектор)».

Заметим, что в исламской финансовой системе существует ряд институтов, которые занимаются разработкой соответствующих шариату норм и стандартов, а также имплементацией рекомендаций БКБН с целью внедрения в практику деятельности исламских банков. Помимо БКБН, в процесс регулирования исламских банков на международном уровне вовлечены: Исламский банк развития (Islamic Development Bank, далее – IDB), Ассоциация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions, далее – AAOIFI), Международный генеральный совет исламских банков и финансовых институтов (General Council for Islamic Banks and Financial Institutions, далее – CIBAFI), Совет по исламским финансовым услугам (Islamic Financial Services Board, далее – IFSB).

Нормативно-правовой основой функционирования исламских банков в странах их юрисдикции являются международные стандарты и рекомендации БКБН, дополняемые шариатскими стандартами ААОIFI и Совета по исламским финансовым услугам (IFSB). Однако, например, в арабских странах стандарты и правила, разработанные ААОIFI и IFSB, реализовываются только в некоторых из них. Так, из 29 стран только 8 применяют стандарты учета и аудита ААОIFI, а 6 – стандарты управления рисками и достаточности капитала, разработанные IFSB [4]. В тех же арабских странах, где существуют как традиционные, так и исламские банки, существует две модели пруденциального надзора.

1. Сосредоточение надзора в лице единого надзорного органа (Кувейт, Катар, Тунис, Турция и др.).
2. Разделение надзорных полномочий между различными органами и институтами, где центральные банки выполняют лишь часть этих полномочий (Бахрейн, Иордания, Ливан, Сирия, Пакистан) [5]. При

этом основными инструментами пруденциального надзора исламских финансовых институтов являются исламский аудит и Шариатский орган финансового надзора (далее – ШОФН), целью которых является контроль соблюдения шариатских норм и принципов в текущей деятельности. Приемы и методы исламского аудита соответствуют традиционным методам и критериям. Но при этом исламский аудитор отчитывается перед членами ШОФН. Справедливости ради заметим, что на сегодня в мусульманских странах нет единых требований, предъявляемых к ШОФН.

В исламском аудите, к примеру, можно выделить следующие проблемы. Так как проверки некоторых исламских финансовых институтов могут проводить и члены ШОФН, то к таковым (проблемам) можно отнести независимость аудита, профессиональная компетентность. Здесь противоречие состоит в том, что профессиональный аудитор не в полной мере владеет исламскими юридическими нормами, а член ШОФН не имеет достаточной квалификации в сфере аудита.

В некоторых странах ШОФН создан в качестве независимого государственного учреждения (Судан, Турция, ОАЭ), в других – входит в состав центрального банка страны (Афганистан, Палестинская автономия, Бахрейн). Сами Правила контроля за исламскими финансовыми рынками, а также их регулирование определены в постановлении Совета Исламской академии правоведения (ФИКХА) № 59 (10/6) «О финансовых рынках» [2].

Рекомендации Базеля, относясь к актам «мягкого права», не являются обязательными, они активно используются и находят отражение в нормативных документах стран-участниц. Поэтому применение положений Базеля II и Базеля III является одной из главных задач для органов регулирования и надзора стран с исламскими банками. Однако здесь можно выделить следующие проблемы:

- некоторые компоненты Базеля сложно применить к типичным исламским финансовым инструментам (например, «мудароба», «мушарака и др.). Как следствие, существует проблема и в управлении рисками их использования, поскольку исламские финансовые продукты по своей сути являются комплексными;

- отдельные виды активов исламских банков и связанные с ними риски могут вовсе не относиться к банковской деятельности (это относится к некоторым контрактам продаж, например, «мурабаха», «бай муаджал»);

- формирование системы защиты вкладчиков-владельцев сберегательных и инвестиционных счетов. Здесь суть проблемы состоит в том, что в исламских банках указанные счета есть депозиты на условиях мудараба, где вкладчик несет риск потерь вложенных средств, что противоречит понятию и регулированию депозитов в традиционных банках. Выходом из ситуации может быть трактовка счетов как депозитов со всеми последствиями возврата их полной суммы, но с возможностью, к примеру, отказа от гарантии по таким депозитам, выбрав систему разделения рисков и прибылей, как это принято Исламским банком Британии.

Как было отмечено ранее, в 2015 г. на основе Базельских принципов эффективного банковского надзора были разработаны Основные принципы регулирования исламской финансовой системы.

В контексте реализации данных принципов объектами надзора являются все организации, предлагающие исламские финансовые услуги, в том числе «исламские окна» – финансовые институты, частично предлагающие исламские услуги.

При этом органы надзора должны особое внимание уделять профилю рисков исламских банков, эффективности их управления, то есть реализуется так называемый риск-ориентированный надзор, который реализуется и в России.

Основные объекты контроля и надзора, а также надзорные требования, предъявляемые к исламским финансовым институтам, достаточно комплексно отражены в работе [4].

К таким объектам относят банковские группы и холдинги, владельцы инвестиционных счетов, инвестиции, достаточность капитала, концентрация рисков и управление ими, кредитный и рыночный риски, риск потери ликвидности, риск уменьшения нормы прибыли, исламские «окна», операции со связанными сторонами, ПОД/ФТ, проблемные активы, внутренний контроль и аудит, финансовая отчетность, прозрачность раскрытия информации и рыночная дисциплина.

Исламским банкам имманентны и риски, обусловленные спецификой их операций. Это, прежде всего, относится к финансированию на условиях разделения прибылей и убытков.

Именно таким операциям свойственны повышенные риски, которые оказывают влияние на эффективность деятельности банка, его финансовые результаты. Риск в данном случае носит интегральный характер, поскольку затрагивает и интересы вкладчиков-владельцев инвестиционных счетов. В традиционном

банкинге это невозможно, ибо владельцы счета не разделяют ответственность за результат операций банка (за финансируемый проект).

При этом интересно, что отсутствуют законные способы (инструменты), позволяющие банкам осуществлять контроль за объектом вложений средств (конкретный бизнес, проект), и обеспечение исполнения обязательств в этом случае не снижает рисков банка.

Конечно, на сегодня имеется значительный набор проблем в системе регулирования и надзора за деятельностью исламских банков, для решения которых необходимы координация и постоянный диалог между разработчиками исламских финансовых стандартов, надзорными и регулируемыми органами отдельных стран и международными организациями-разработчиками международных стандартов банковского регулирования и надзора, прежде всего, – с Базельским комитетом по банковскому надзору.

Несмотря на разницу между природой исламского и традиционного банкинга, это не уменьшает необходимость в регулирующих нормах и соответствующем надзоре, которые должны развиваться в следующих направлениях:

- активное внедрение в практику исламских банков рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору и гармонизация требований Базеля и норм органов шариатского надзора в части требований к достаточности капитала, формированию системы управления рисками в банках, защиты интересов вкладчиков (владельцев счетов);
- реализация метода и программ стресс-тестирования в соответствии с IFSB-17;
- оценка рисков с использованием IRB-подходов (оценка рисков на основе внутренних рейтингов) (Базель II);
- формирование отчетности исламских банков в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности;
- государственная поддержка системы страхования вкладов;
- внедрение исламских стандартов в существующие надзорные практики.

Уместно заметить, что в зависимости от особенностей исламской банковской деятельности в странах-членах Исламского банка развития, формируются их системы надзора. В некоторых странах существует, так называемое, параллельное законодательство в целях развития исламского сегмента в банковской системы, тогда как в других такое законодательство отсутствует. Исламская банковская деятельность в таких странах регламентируется дополнениями в банковское законодательство. Надзор за банками в этих странах осуществляется как в традиционных системах центральными банками.

Помимо этого, в указанных странах выделяют банковскую, страховую деятельности и деятельность на рынке ценных бумаг, надзор за которыми осуществляется разными органами, в связи с чем необходима координация их взаимодействия (Бахрейн, Иран). Наблюдается и такая тенденция, как отделение банковского надзора и денежно-кредитного регулирования. В некоторых странах-членах разрешено открытие исламских окон (Бахрейн, Индонезия).

Действующее правовое регулирование банковской деятельности сегодня не позволяет российским банкам осуществлять финансовые операции, основанные на принципах исламских финансов, да и для функционирования исламских финансовых компаний в среде российского правового поля необходимо иметь другую организационно-правовую форму, но не кредитной организации [9].

Как нам представляется, для развития исламского банкинга в России модель надзора должна быть построена таким образом, что отдельного исламского банковского законодательства быть не должно, тогда как сама исламская банковская деятельность определяется дополнениями в банковское законодательство. В структуре Банка России должен быть создан отдельный Департамент по регулированию исламских финансовых организаций. Базельские требования к капиталу и принципы надзора должны применяться и к исламским финансовым организациям.

Развитие регулирования и надзора за деятельностью исламских финансовых организаций (банков) и закрепление регулятивных норм и правил, основанных как на требованиях международных стандартов, так и учитывающих требования органов шариатского надзора, призвано способствовать развитию рынка исламских банковских услуг внутри отдельных стран, привлечению иностранных инвестиций в их национальные экономики, а также обеспечению финансовой устойчивости и эффективной деятельности не только исламских финансовых организаций, но и финансовых рынков в целом.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 17.04.2020).
2. Постановления и рекомендации Совета исламской Академии правоуправления (фикха). Пер. с араб. М. Ф. Муртазин. – М.: Ладомир, 2003. – 129 с.
3. Абрамов, А. Е., Радугин, А. Д., Чернова, М. И. Регулирование финансовых рынков: модели, эволюция, эффективность // Вопросы экономики. – 2014. – № 2. – С. 33-49.
4. Амар, М. И., Бабенкова, С. Ю. Правовое регулирование надзорного процесса финансовых институтов в арабских странах // Современное право. – 2017. – № 11. – С. 130-145.
5. Бабенкова, С. Ю. Пруденциальный надзор исламских банков как инструмент хеджирования от экономических кризисов // Путеводитель предпринимателя. – М.: Российская академия предпринимательства, 2017. – Выпуск XXXV. – с. 38-46.
6. Мазурина, Т. Ю., Шарипов, Ш. С. Устойчивость, эффективность и финансовые риски исламских банков в условиях нестабильности финансовой системы // Управление. – 2019. – Т. 7, № 1. – С. 105-113.
7. Симановский, А. Ю. Банковская реформа: отдельные аспекты // Деньги и кредит. – 2012. – № 8. – С. 6-10.
8. Усоскин, В. М. Новая система банковского надзора в Европейском союзе // Деньги и кредит. – 2015. – № 3. – С. 22-25.
9. Чокаев, Б. В. Исламские финансы: возможности для российской экономики // Вопросы экономики. – 2015. – № 6. – С. 106-127.
10. Банковский надзор. Европейский опыт и российская практика // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/15145?fileId=9496/> (дата обращения: 08.04.2020).

References

1. Federal'nyy zakon ot 10.07.2002 No. 86-FZ "O Tsentral'nom banke Rossiiskoi Federatsii (Banke Rossii)" [*Federal law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" No. 86-FZ, dated on July 10, 2002*]. Legal reference system "ConsultantPlus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (accessed 17.04.2020).
2. Postanovleniya i rekomendatsii Soveta islamskoi Akademii pravovedeniya (fikha) [*Resolutions and recommendations of the Council of the Islamic Academy of law (fiqh)*]. Per. s arab. M. F. Murtazin. Moscow, Ladomir, 2003. 129 p.
3. Abramov A. E., Radygin A. D., Chernova M. I. Regulirovanie finansovykh rynkov: modeli, evolyutsiya, effektivnost' [*Financial market regulation: models, evolution, and efficiency*]. Voprosy Ekonomiki, 2014, no. 2, pp. 33-49.
4. Amara M.I., Babenkova S.Yu. Pravovoe regulirovanie nadzornogo protsessa finansovykh institutov v arabskikh stranakh [*Legal regulation of the supervisory process of financial institutions in Arab countries*]. Sovremennoe pravo, 2017, no. 11, pp. 130-145.
5. Babenkova S.Yu. Prudentsial'nyi nadzor islamskikh bankov kak instrument khedzhirovaniya ot ekonomicheskikh krizisov [*Prudential supervision of Islamic banks as a hedging tool against economic crises*]. Putevoditel' predprinimatel'ya [*Entrepreneur's Guide*]. Moscow, Rossiiskaya akademiya predprinimatel'stva, 2017, Vypusk XXXV, pp. 38-46.
6. Mazurina T. Yu., Sharipov Sh. S. Ustoichivost', effektivnost' i finansovye riski islamskikh bankov v usloviyakh nestabil'nosti finansovoi sistemy [*Stability, efficiency and financial risks of islamic banks in conditions of instability of financial system*]. Up- ravlenie, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 105-113.
7. Simanovskii A. Yu. Bankovskaya reforma: otdel'nye aspekty [*Banking reform: some aspects*]. Den'gi i kredit [*Money and Finance*], 2012, no. 8, pp. 6-10.
8. Usoskin V. M. Novaya sistema bankovskogo nadzora v Evropeiskom soyuze [*New banking supervision system in the European Union*]. Den'gi i kredit [*Money and Finance*], 2015, no. 3, pp. 22-25.
9. Chokaev B. V. Islamskie finansy: vozmozhnosti dlya rossiiskoi ekonomiki [*Islamic finance: opportunities for the Russian economy*]. Voprosy Ekonomiki [*Economic issue*], 2015, no. 6, pp. 106-127.
10. Bankovskii nadzor. Evropeiskii opyt i rossiiskaya praktika [*Banking supervision. European experience and Russian practice*]. Available at: <http://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/15145?fileId=9496/> (accessed 08.04.2020).

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.4

DOI 10.26425/1816-4277-2020-6-152-158

Демонova Ярослава Олеговна
аспирант, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1030-49-83
e-mail: demonova.y.o@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ПОНЯТИЯ ПРЕКАРИАТА В КОНТЕКСТЕ КЛАССОВЫХ ТЕОРИЙ

Аннотация. Проведен теоретический анализ нового социального класса прекариата и уточнен его научный статус. Анализ выполнен с позиции базовых классовых теорий. Рассмотрено три основных подхода в определении статуса прекариата: прекариат как часть пролетариата, прекариат как страта и прекариат как отдельный класс. Проведенный анализ показал, что прекариат не соответствует в полной степени ни одной классовой теории (во всех случаях из него исключаются определенные социальные группы). Специфика прекариата, его место и роль в современном обществе не позволяют сделать однозначный вывод о его статусе и людях, включенных в него. В связи с этим в статье дан пример авторского определения прекариата, которое можно использовать для проведения эмпирических исследований по данной проблематике.

Ключевые слова: классообразующие критерии, неустойчивый класс, прекариат, пролетариат, процессы прекариатизации, социальная структура, социальные страты, социальный класс, статус прекариата, трудовые отношения.

Цитирование: Демонova Я.О. Теоретические аспекты анализа понятия прекариата в контексте классовых теорий // Вестник университета. 2020. № 6. С. 152–158.

Demonova Yaroslavna
Postgraduate student, Kuban State
University, Krasnodar, Russia
ORCID: 0000-0003-1030-49-83
e-mail: demonova.y.o@gmail.com

THEORETICAL ASPECTS OF ANALYSIS OF THE CONCEPT OF THE PRECARIAT IN THE CONTEXT OF CLASS THEORIES

Abstract. Theoretical analysis of the new social class of the precariat has been carried out and its scientific status has been clarified. The analysis has been undertaken from the standpoint of basic class theories. Three main approaches to determining the status of a precariat have been considered: the precariat as part of the proletariat, the precariat as a stratum, and the precariat as a separate class. The performed analysis shows that the precariat does not fully correspond to any class theory (in all cases certain social groups are excluded from it). The specifics of the precariat, its place and role in modern society do not allow us make an unequivocal conclusion about its status and the people included in it. In this regard an example of the author's definition of the precariat, which can be used to conduct empirical research on this issue has been given in the article.

Keywords: class-forming criteria, labor relations, proletariat, precariat, precariat status, precariatization processes, social class, social strata, social structure, unstable class.

For citation: Demonova Y.O. (2020) Theoretical aspects of analysis of the concept of the precariat in the context of class theories. *Vestnik universiteta*. I. 6, pp. 152–158. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-6-152-158

Трансформации, происходящие в системе социально-трудовых отношений общества, обусловлены многими факторами. К таким факторам относят процессы глобализации мировой экономики, преобразование социального государства и преобладание принципов неолиберализма в политике. Все это оказывает влияние на социальную структуру современного общества и изменяет ее. К примеру, устоявшаяся

© Демонova Я.О., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

модель стандартных социально-трудовых отношений, обеспечивающая стабильную занятость и социальные гарантии, сменяется более гибкой системой найма персонала, которая подразумевает временный характер занятости. Данный процесс способствует образованию нового класса в современном обществе – прекариата. Прекариат – недавно появившийся социальный класс, в состав которого входят люди, имеющие временную занятость, лишенные либо ограниченные в социальных гарантиях, связанных с системой трудоустройства и не имеющие стабильного заработка.

Социальные структуры общества динамичны и не могут закономерно существовать в строго статичном состоянии. Во время процесса перехода от индустриального к постиндустриальному этапу развития общества, социальные структуры претерпевают значительные трансформации, которые требуют теоретического анализа. К примеру, существует потребность в осмыслении нового элемента социальной структуры (нового класса) – прекариата. Необходимость данной научной дискуссии обусловлена сложностью однозначного определения статуса прекариата. В статье прекариат рассмотрен с позиции существующих теорий классов, также были проанализированы основные критические подходы. В фокусе научного исследования находились вопросы принадлежности прекариата к социальной общности и выделения в самостоятельный класс.

На данном этапе развития общества социально-философская мысль сосредоточила в себе значительную сумму представлений о том, что являет собой класс. При этом вопрос о классе до настоящего времени остается полемичным и дискуссионным. Это объясняется тем, что класс рассматривается в структуре социального анализа (как единица) и является частью фундаментальной проблемы определения и присвоения статуса. Существует целый ряд исследований, авторы которых не дают однозначного определения класса. Это связано с незаконченностью исследований, отсутствием классификации классовых образований в социальной структуре (при предоставлении дефиниции класса). Основаниями для определения статуса класса прекариата могут выступать социально-экономические отношения, как в теориях Г. Стэндинга и К. Маркса. Также прекариат может быть определен как часть пролетариата или классифицирован в качестве подкатегории люмпен-пролетариата. Рассмотрим подробнее перечисленные выше подходы.

Исторически сложившаяся практика рассмотрения теории развития классов опирается на фундаментальные труды К. Маркса. На марксистской теории базируется большая часть работ, имеющих критический характер в отношении прекариата как класса. Следуя научной логике К. Маркса, социально-производственные отношения предполагают расслоение общества на классы, что в свою очередь основано на системе разделения труда и наличии или отсутствии собственности [20]. Р. Джонна и Дж. Фостер, апеллируя к определению пролетариата как класса К. Маркса (где пролетариат – класс неустойчивый), предлагают использовать термин прекариат только в случае наименования подкатегории пролетариата [8]. Р. Брага, в свою очередь, называет прекариат неустойчивым пролетариатом, эксплуатируемым и подчиненным в наибольшей степени. По его мнению, прекариат состоит из избыточного рабочего населения и является, своего рода, лакмусовой бумажкой скрытой и застойной форм относительного перенаселения [2].

Теорию классов К. Маркса существенно дополнил М. Вебер. Согласно его научным взглядам, класс – совокупность индивидов, объединенных причинным компонентом; класс представлен, как правило, экономическими интересами и детерминирован ситуацией, существующей на рынке труда. М. Вебер дополнил критерий классового образования К. Маркса: отношения к средствам производства и экономические различия нельзя напрямую связать с собственностью. Именно поэтому наряду с классом собственников существует класс предпринимателей, представители которого владеют специальными навыками и квалификацией, дающей возможность занять ключевую позицию на рынке труда. Наряду с названными двумя классами выделяют также следующие: рабочий класс, мелкую буржуазию, интеллигенцию и менеджеров [6]. В соответствии с такой классификацией можно говорить о том, что индивиды находятся на рынке труда в разных позициях, а значит в различных классовых ситуациях. С точки зрения данного определения прекариат можно назвать классом.

В среде зарубежных исследователей распространено мнение о том, что не следует выделять прекариат в отдельный самостоятельный класс, а закономерно рассматривать его как составную часть пролетариата. Такой подход создает определенную поляризацию классовых структур и позволяет рассматривать прекариат, как часть пролетариата, также не обладающего средствами производства и продающего свой труд. Прекариат, как и пролетариат, постоянно подвергается активной эксплуатации со стороны капитала, что дает основание выделять общие характеристики этих двух классов.

Британский исследователь Г. Стэндинг разработал современную модель социальной структуры общества, которая включает в себя элиту, салиариат, высококвалифицированные кадры, рабочий класс (пролетариат), прекариат и андеркласс [19]. К. Аллен свел критику классовой структуры до уровня простой поляризации. Исследователь утверждает, что от пролетариата не отличается не только прекариат, но и салиариат, тем самым указывая на недопустимость элементарного процесса выделения классов на основании профессиональной принадлежности. Следовательно, индивиды могут войти в систему неустойчивой занятости независимо от специфики профессиональных занятий [1]. Этот тезис можно назвать правомерным, учитывая и тот факт, что в социальной структуре, организованной Г. Стэндингом, также имеется указание на профессиональную принадлежность, которая не может служить классообразующим критерием. Она, скорее, будет служить в области идентификации сфер, сохранивших наибольшее число постоянных рабочих мест.

Д. Порта, С. Хэннинем, М. Сайсинмент, Т. Силвасти привели свой аргумент в пользу классовой природы прекариата. Исследователи обращают внимание на то, что до выхода в свет «Капитала» К. Маркса пролетариат не осознавал себя классово [12]. Труд К. Маркса способствовал организации первых рабочих движений. Класс, выделенный и обоснованный в теории на основании объективных признаков, остается «классом на бумаге» (П. Бурдьё) до тех пор, пока не превратится через коллективные действия в действующую группу. Проявляющиеся сегодня действия (в форме демонстраций, движений, организации сообществ) различных временных групп можно отнести к этапу появления и формирования классового сознания прекариата.

Разграничивающая черта между прекариатом и пролетариатом возможна на основании уровня нестабильности, что связано, в первую очередь, с целым рядом гарантий, которыми обладает пролетариат и которых лишены представители прекариата. Эти гарантии связаны с постоянной и долгосрочной занятостью. Отсутствие такого рода гарантий является специфической отличительной чертой прекариата и позволяет рассматривать его как люмпен-пролетариат, то есть низший слой рабочего класса.

Исследования К. Маркса и Ф. Энгельса содержат несколько определений люмпен-пролетариата и относят к этому классу представителей различных социальных групп, исключенных / исключаемых из процесса производства. Однако, выделенных исследователями критериев явно недостаточно для приравнивания прекариев к люмпенам. Например, представители прекариата могут быть заняты в профессиональных сегментах различного направления, в том числе и в сфере производства. Капитализм, развиваясь, создал условия для формирования нового класса прекариата, занявшего свое место между пролетариатом и люмпен-пролетариатом [23].

Существует и противоположная точка зрения, согласно которой прекариат не имеет достаточных оснований для того, чтобы получить статус класса. Сторонники данной позиции полагают, что прекариат следует изучать как социальную общность. В связи с этим представляют интерес исследования, которые при определении статуса прекариата как социальной общности, опираются на дефиницию В. И. Ленина. Например, З. Т. Голенкова и Ю. В. Голиусова называют прекариат не классом, а социальной стратой, отмечая, что теория отношения к собственности здесь не является определяющей [7]. А. В. Бузгалин классифицирует прекариат как социальный слой, не являющийся объектом эксплуатации в обществе капитализма [3].

В соответствии с теорией нового класса, прекариат является солидаризированным сообществом, что дает возможность его представителям не только формально вступать в профсоюзные организации, но и реально защищать свои интересы, заключая коллективные договоры с работодателями. Г. Стэндинг дал определение рабочего класса как сообщества рабочих с долгосрочной, стабильной занятостью и фиксированным рабочим днем. Подвергая критике это основополагающее определение, некоторые ученые не проецируют на прекариат классификацию отдельных классовых образований. Р. Сеймур основывает свою аргументацию по поводу того, что прекариат не является классом, на правиле конфронтации: класс может быть сформирован только в конфронтации с другим классом. В классовой системе общества невозможно выделить тот класс, который противостоит прекариату [18].

В структуре социально-экономического общества существуют, помимо прекариата, другие социальные общности, представителей которых сложно отнести к какому-либо классовому образованию. Развивая идеи К. Маркса, некоторые исследователи поставили во главу угла вопрос об определении положения такого рода общностей [13].

Доминирующая стандартная модель занятости предполагает привлечение наемных работников, а также буржуазных служащих, высококвалифицированных специалистов. Марксисты в свое время предложили целый ряд подходов к определению положения этих «белых воротничков»: как часть рабочего класса (они наемные сотрудники), как мелкая буржуазия, как отдельный класс специалистов [11].

Концепция противоречивых позиций Э. О. Райта выводит на новый подход к рассмотрению классов. Одновременно к двум классам можно отнести ту или иную социальную общность. За основу взяты классовые интересы, которые и позволяют говорить о формировании единого класса. Например, представителей прекариата и пролетариата объединяют материальные интересы одного уровня [16; 15]. Значит, прекариат может считаться отдельной самостоятельной частью рабочего класса. Л. Вакуант разделяет эту точку зрения. При всей самостоятельности класса конечной целью одного можно назвать «самоуничтожение»: в случае удовлетворения всех потребностей данного класса, его представители могут стать частью пролетариата с его системной, стабильной занятостью, а могут вообще прекратить вступать в трудовые отношения, благодаря безусловному основному доходу [5].

Однако существует альтернативный подход в изучении прекариата, который нельзя отнести ни к одной из перечисленных выше позиций. Данный подход опирается на более детальный анализ актуального состояния рынка труда и состава респондентов прекариата. Сторонники подобного подхода считают, что современный этап развития ситуации на рынке труда предполагает наличие причинного компонента – нестабильности занятости, что влияет на жизненные шансы, снижает вероятность достижения индивидами экономического преуспевания. Важно обратить внимание на такой аспект, как общие жизненные шансы для всех представителей прекариата. Внутри нового класса разные группы обладают различными нематериальными ресурсами (это уровень образования, степень квалификации), которые можно успешно обменять на рынке труда на материальные ценности. Определенная часть прекариата не обладает даже начальным уровнем квалификации или имеет ограниченную, владеет профессией, редко востребованной в определенной рыночной ситуации. Сюда можно отнести мигрантов, представителей морально устаревших профессий. Другая часть прекариата представлена молодыми образованными индивидами, чьи возможности выше на несколько порядков. Рассмотрев детально разноуровневый состав нового класса, М. Вебер отмечает, что идентифицировать его в качестве класса сложно.

Современные продолжатели теории исследователя развивают идею о тесной связи классовых и рыночных позиций. Д. Локвуд определяет классовые позиции посредством рыночных и трудовых ситуаций индивида. За исключением уровня доходов, а в случае наемного труда – это заработная плата, рыночная ситуация предполагает возможность карьерного роста, социальный пакет и гарантированную занятость. Но представители прекариата не находятся в одной рыночной ситуации, ее составляющие (по Д. Локвуду) связаны с квалификационным уровнем [22].

Теория Дж. Голдтропа также не позволяет конкретно определить и назвать место всех представителей прекариата. Его концепция наиболее близка к теории Г. Стэндинга: статус занятости – один из классовообразующих признаков. Теория Дж. Голдтропа позволяет включить в прекариат всех представителей рабочего класса. Но, по справедливому замечанию А. Ш. Жвитиашвили, эта теоретическая модель не вмещает часть прекариата – работников с неформальной занятостью без трудового контракта [9; 10].

В исследовательском пространстве существует теория классов П. Бурдье, которая не примыкает ни к марксизму, ни к веберизму. Это единственная теория, на основании которой была осуществлена попытка аргументировать классовый статус прекариата не только с точки зрения теории, но и эмпирическим путем. Класс есть совокупность агентов, которые занимают близкие позиции в социальном пространстве многомерного характера, состоящем из полей экономического, социального, культурного и символического уровня. Во всех названных полях существует тип капитала, соответствующий ему и проявляющийся в объективированном, инкорпорированном, официально признанном состоянии. Величину того или иного вида капитала, который находится в собственности индивида, определяют эмпирически [4]. Эту возможность использовала группа исследователей под руководством М. Саваж в своем научном изыскании, показавшем каким образом размеры культурного, экономического и социального капиталов могут соединяться и наглядно показывать современную классовую сегментацию.

В течение двух лет, в 2011–2012 гг., группой исследователей в Великобритании проводился опрос, в котором приняли участие 161 400 респондентов. По результатам проведенной работы было выделено семь классов общества: элита, укоренившийся средний класс, технический средний класс, новые состоятельные

работники, традиционный рабочий класс, новые работники сферы обслуживания, прекариат. Любые классовые позиции, следуя теории М. Саваж, находятся в тесной связи как с уровнем и качеством высшего образования, так и с профессиональной принадлежностью. В этой модели профессия не является классообразующим признаком, потому что представителей одинаковых сфер трудовой деятельности можно встретить в разных классах. Отмечено также, что предложенное соотнесение конкретных профессий с определенной классовой позицией актуально только для Великобритании, в других же странах ситуация может существенно отличаться [17]. Такую модель социальной структуры можно рассматривать как дополненную версию модели Г. Стэндинга. Важно отметить, что согласно ей, в прекариат не могут быть включены молодые образованные индивиды.

Прекариат находится в периоде становления, об этом свидетельствует формирующееся самосознание членов нового класса. Концепция прекариата как класса имеет политическое и социальное значение. Отдельные работники в похожих трудовых условиях могут объяснять свои ситуации категориями внеклассовыми, при этом исчезает классовая солидарность, а за ней – и возможность коллективных действий. Классовая концепция может позволить работникам с разной профессиональной, гендерной, этнической идентичностью объединить свои усилия и бороться за реализацию общих интересов и требований (Г. Стэндинг «Хартия прекариата»). В связи с этим становится актуальным более подробное изучение прекариата в рамках социально-психологического подхода. Такой подход предполагает анализ прекариата через модель профессиональной идентичности и ее трансформаций у респондентов данной социальной группы. Новизна данного подхода заключается в том, что профессиональную принадлежность представителей прекариата можно исследовать через призму идентичности. Для такого рода исследования прекариат стоит рассматривать как большую социальную группу людей, которых объединяет наличие ряда специфических критериев. Подобными критериями могут быть такие индикаторы, как профессиональные компетенции личности, наличие/отсутствие жизненных целей, связанных с карьерой, отношение к полученным в вузе знаниям, профессиональная самореализация. Данный подход можно использовать для исследования связи прекариата и идентичности.

Появление прекариата обусловлено историческим развитием капитализма, когда гибкий рынок труда представляет возможность сокращать затраты на социальное обеспечение и перекладывать значительную часть рисков, связанных с трудовыми отношениями, на самих работников. Как отмечает еще один сторонник определения прекариата как класса, Дж. Сова, теория Г. Стэндинга характеризуется разрывом с традиционными классовыми делениями [14]. Действительно, все попытки вписать прекариат в существующие теории классов, неизбежно приводили к исключению из него определенных социальных групп. Особенно дискуссионным остается вопрос относительно профессиональной принадлежности представителей прекариата, поскольку сам Г. Стэндинг не дал четкого и однозначного ответа на данный вопрос.

Можно выделить три главных подхода к определению статуса прекариата: прекариат как страта, как часть пролетариата, как отдельный класс. Классовая природа прекариата подвергается критике, в частности сторонниками марксистской теории. Однако, такого рода критика сегодня выглядит неубедительно. Представления К. Маркса о классах не встраиваются в современную социальную структуру, претерпевающую трансформацию. На данном этапе на первый план выдвинуты новые основания социальной стратификации – стабильность и защищенность занятости [21]. Перспективной и актуальной выглядит в связи с этим новая модель социальной структуры, предложенная Г. Стэндингом. Становление такой модели происходит в результате разрушения стандартных трудовых отношений, появления гибкости экономики и под воздействием процесса глобализации. Дальнейшее исследование процесса прекариатизации невозможно в случае теоретического слияния прекариата с пролетариатом. Такое слияние не позволит охватить всех представителей рабочего класса, что повлечет за собой сужение поля изучаемой проблематики. Это также способно нейтрализовать значимость трудовых отношений как основания для социальной стратификации.

Библиографический список

1. Аллен, К. Прекариат: новый класс или фиктивная концепция? // Ирландское Марксистское Обозрение. – 2014. – Т. 3, № 9. – С. 48-49.
2. Брага, Р. Противостояние прекариатизации труда в Бразилии и Португалии // Глобальный трудовой журнал. – 2016. – № 7 (2). – С. 152-153.

3. Бугалин, А. В. Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная мысль. – 2014. – № 1. – С. 142.
4. Бурдье, П. Социология социального пространства // Институт экспериментальной социологии. – Москва, 2007. – 254 с.
5. Вакуант, Л. Территориальная стигматизация в эпоху развитой маргинальности // Тезис одиннадцатый. – 2007. – № 91. – С. 73-75.
6. Вебер, М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 148-149.
7. Голенкова, З. Т., Голиусова, Ю. В. Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 1. – С. 50-51.
8. Джонна, Р. Дж., Фостер, Дж. Б. Теория неустойчивости рабочего класса Маркса: ее актуальность сегодня // Альтернативные маршруты: журнал критических социальных исследований. – 2016. – Т. 27. – С. 23-25.
9. Жвиташвили, А. Ш. Классы в западной социологии: поиски концептуализации // Социологический журнал. – 2016. – Т. 22, № 3. – С. 35-37.
10. Жвиташвили, А. Ш. Нестабильная занятость и социальное неравенство: западный опыт // ИНТЕР. – 2016. – Т. 1. – № 11. – С. 22-23.
11. Новак Д. Е. Социологическая теория Эрика Райта: концепция классовой структуры, эксплуатации и противоречивых классовых позиций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2008. – № 4. – С. 14-15.
12. Порта, Д., Хянинен, С., Сисамин, М., Силвасти, Т. Новое социальное деление и разрушение шаткости. – Бейзингсток: Пэлгрейв Макмиллан, 2015. – 107 с.
13. Прохоров, Д. В. Место категории «средний класс» в исследованиях социальной структуры западного общества // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – № 10 (91). – С. 83-84.
14. Раб, К., Раб, Л. Прекариат и неустойчивая работа как негативные факторы, влияющие на устойчивое развитие // Популярные труды. Организация. – 2015. – № 81. – С. 171-172.
15. Райт, Э. О. Является ли прекариат классом? // Глобальный трудовой журнал. – 2016. – № 7 (2). – С. 133-134.
16. Райт, Э. О. Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж. – 2000. – № 15. – С. 39-40.
17. Саваж, М., Девине, Ф., Канингмен, Н., Тэйлор, М. Новая модель социального класса? Выводы из большого британского эксперимента по обследованию класса Би-би-си // Социология. – 2013. – № 24 (2). – С. 229-230.
18. Сеймур, М. Мы все ненадежны в отношении понятия «прекариат» и его злоупотреблений. – Блумсбери, 2012. – 231 с.
19. Стендинг, Г. Почему прекариат не является «фиктивным понятием»? // Открытая демократия. – 2014. – 4 марта. – С. 45-49.
20. Тоберн, Н. Различие в Марксе: люмпен-пролетариат и пролетарий безымянный // Экономика и общество. – 2002. – Т. 3, № 3. – С. 444-450.
21. Тощенко, Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 9-11.
22. Фогт, К. С. Концепция рабочей ситуации в классовом анализе // Современная Социология. – 2017. – Т. 2. – С. 3-5.
23. Энторф, Х., Шпенглер, Х. Преступность в Европе: причины и следствия // Берлин: Наука и бизнес медиа. – 2002. – 116 с.

References

1. Allen K. Prekariat: novyj klass ili fiktivnaya kontseptsiya? [*Precariate: a new class or a fictitious concept?*]. Irlandskoe Marksistskoe Obozrenie, 2014, no. 9, pp. 48-49.
2. Braga R. Protivostoyanie prekariatizatsii truda v Brazii i Portugalii [*Opposition to precariatization of labor in Brazil and Portugal*]. Global'nyi Trudovoi Zhurnal, 2016, no 7 (2), pp. 152-153.
3. Buzgalin A. V. Pozdnii kapitalizm: kapital, rabochii, kreator [*Late capitalism: capital, worker, creator*]. Svobodnaya mysl', 2014, no. 1, pp. 142-143.
4. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [*Sociology of social space*]. Institut eksperimental'noi sotsiologii. Moscow, 2007. 254 p.
5. Vakuant L. Territorial'naya stigmatizatsiya v epokhu razvitoi marginal'nosti [*Territorial stigmatization in the era of developed marginality*]. Tezis odinnadtsaty, 2007, no. 91, pp. 73-75.
6. Veber M. Osnovnye ponyatiya stratifikatsii [*Basic concepts of stratification*]. Sotsiologicheskie issledovaniya [*Sociological Studies*], 1994, no. 5, pp. 148-149.
7. Golenkova Z. T., Goliusova Yu. V. Prekariat kak novaya gruppa naemnykh rabotnikov [*Prekariat as a new group of hired workers*]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii, 2015, no. 1, pp. 50-51.
8. Jonna R. J., Foster G. B. Teoriya neustoichivosti rabocheho klassa Marksa: ee aktual'nost' segodnya [*Theory of the instability of the working class of Marx: its relevance today*]. Al'ternativnye marshruty: zhurnal kriticheskikh sotsial'nykh issledovaniy, 2016, no. 27, pp. 23-25.

9. Zhvitiashvili A. Sh. Klassy v zapadnoi sotsiologii: poiski kontseptualizatsii [*Classes in Western sociology: the search for conceptualization*]. Sotsiologicheskii zhurnal [*Sociological Journal*], 2016, no. 3, pp. 35-37.
10. Zhvitiashvili A. Sh. Nestabil'naya zanyatost' i sotsial'noe neravenstvo: zapadnyi opyt [*Unstable employment and social inequality: Western experience*]. Inter, 2016, no. 11, pp. 22-23.
11. Novak D. E. Sotsiologicheskaya teoriya Erika Raita: kontseptsiya klassovoi struktury, ekspluatatsii i protivorechivyykh klassovykh pozitsii [*Sociological theory of Eric Wright: the concept of class structure, exploitation and conflicting class positions*]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya [*RUDN Journal of Sociology*], 2008, no. 4, pp. 14-15.
12. Porta D., Hyanninen S., Sisamin M., Silvasti T. Novoe sotsial'noe delenie i razrushenie shatkosti [*New social division and the destruction of precariousness*]. Basingstoke, Pelgrave Macmillan, 2015. 107 p.
13. Prokhorov D. V. Mesto kategorii "srednii klass" v issledovaniyakh sotsial'noi struktury zapadnogo obshchestva [*Place of the "middle class" category in studies of the social structure of Western society*]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [*Bulletin of Samara State University*], 2011, no. 10 (91), pp. 83-84.
14. Rab K., Rab L. Prekariat i neustoichivaya rabota kak negativnye faktory, vliyayushchie na ustoichivoe razvitie [*Precariate and unstable work as negative factors affecting sustainable development*]. Populyarnye trudy, Organizatsiya, 2015, no. 81, pp. 171-172.
15. Wright E. O. Yavlyaetsya li prekariat klassom? [*Is precariate a class?*]. Global'nyi Trudovoi Zhurnal, 2016, no. 7 (2), pp. 133-134.
16. Wright E. O. Marksistskie kontseptsii klassovoi struktury [*Marxist concepts of class structure*]. Rubezh, 2000, no. 15, pp. 39-40.
17. Savage M., Devine F., Kaningman N., Taylor M. Novaya model' sotsial'nogo klassa? Vyvody iz bol'shogo britanskogo eksperimenta po obsledovaniyu klassa Bi-bi-si [*A new model of the social class? Conclusions from a large British experiment on the examination of the BBC class*]. Sotsiologiya [*Sociology*], 2013, no. 24 (2), pp. 229-230.
18. Seymour M. My vse nenadezhny v otnoshenii ponyatiya "precariat" i ego zloupotreblenii [*We are all unreliable in relation to the concept of "precariat" and its abuse*]. Bloomsbury, 2012. 231 p.
19. Standing G. Pochemu prekariat ne yavlyaetsya "fiktivnym ponyatiem"? [*Why is the precariat not a "fictitious concept"?*]. Otkrytaya demokratiya [*Open democracy*], 2014, March 4, pp. 45-49.
20. Thoburn N. Razlichie v Markse: lyumpen-proletariat i proletarii bezymyannyyi [*The difference in Marx: the lumpen proletariat and the nameless proletariat*]. Ekonomika i obshchestvo [*Economy and society*], 2002, no. 3, pp. 444-450.
21. Toshchenko Zh. T. Prekariat – novyj sotsial'nyi klass [*Prekariat is a new social class*]. Sociologicheskie issledovaniya [*Sociological Studies*], 2015, no. 6, pp. 9-11.
22. Fogt K. S. Kontseptsiya rabochei situatsii v klassovom analize [*Concept of the working situation in class analysis*]. Sovremennaya Sotsiologiya, 2017, no. 2, pp. 3-5.
23. Entorf H., Shpengler H. Prestupnost' v Evrope: prichiny i sledstviya [*Criminality in Europe: causes and consequences*]. Berlin, Nauka i biznes media, 2002. 116 p.

Ильченко Светлана Владимировна
канд. пед. наук, НОЧУ ВО «Московский
экономический институт», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1931-6350

e-mail: strelec200763@mail.ru

Дмитриев Николай Дмитриевич
аспирант, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербург-
ский политехнический университет
Петра Великого», Санкт-Петербург,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0282-1163

e-mail: ndmitriev1488@gmail.com

Роков Антон Иосифович
аспирант, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербург-
ский государственный экономический
университет», г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3910-972X

e-mail: rokrok3@yandex.ru

Ilchenko Svetlana

Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow
Institute of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1931-6350

e-mail: strelec200763@mail.ru

Dmitriev Nikolay

Postgraduate student, Peter the Great
St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0003-0282-1163

e-mail: ndmitriev1488@gmail.com

Rokov Anton

Postgraduate student, St. Petersburg State
University of Economics, St. Petersburg,
Russia

ORCID: 0000-0002-3910-972X

e-mail: rokrok3@yandex.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-КОРПОРАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Исследовано взаимодействие интеллектуального капитала и социально-корпоративных технологий. Выявлено, что управление интеллектуальным капиталом позволяет сформировать инструментарий, методику и механизмы экономического и социального воздействия на участников корпоративных отношений. Интеллектуализация экономического субъекта через социально направленную политику позволит активизировать хозяйственную деятельность в социальном ключе, совершенствовать социальные отношения как внутри фирмы, так и в обществе, а также повлиять на качество жизни людей и повысить производительность общественного труда. Данное исследование является теоретическим плацдармом для дальнейшего изучения проблемы взаимосвязи интеллектуального капитала и социально-корпоративных технологий, что позволит смоделировать зависимость, учитывая отраслевые факторы.

Ключевые слова: интеллектуализация, интеллектуальный капитал, корпоративно-социальная ответственность, социально-корпоративные технологии, социальные технологии, человеческие ресурсы, человеческий капитал.

Цитирование: Ильченко С.В., Дмитриев Н.Д., Роков А.И. Интеллектуальный капитал как один из факторов развития социально-корпоративных технологий // Вестник университета. 2020. № 6. С. 159–166.

INTELLECTUAL CAPITAL AS ONE OF THE FACTORS OF DEVELOPMENT OF SOCIAL-CORPORATE TECHNOLOGIES

Abstract. Interaction of intellectual capital and social-corporate technologies has been studied. It has been revealed that intellectual capital management allows you to create tools, methods and mechanisms of economic and social impact on participants in corporate relations. Intellectualization of a business entity by pursuing a socially oriented policy will enable it to intensify economic activity in a social manner, improve social relations both within the company and in society, as well as affect the quality of life of people and increase the productivity of public labor. This study is a theoretical springboard for further study of the relationship between intellectual capital and social and corporate technologies, which will allow us to model the dependence, taking into account industry factors.

Keywords: corporate social responsibility, human capital, human resources, intellectual capital, intellectualization, social and corporate technologies, social technologies.

For citation: Ilchenko S.V., Dmitriev N.D., Rokov A.I. (2020) Intellectual capital as one of the factors of development of social-corporate technologies. *Vestnik universiteta*. 1. 6, pp. 159–166. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-6-159-166

Использование социальных технологий заключается в разработке системы отношений за счет оптимизации ресурсов, внутрифирменных процессов, повышения эффективности социальных институтов. Результатом таких мероприятий является рационализация деятельности индивидуумов и общества в целом, значительное улучшение качества жизни людей, сокращение негативных проявлений в социальных взаимоотношениях, а также возрастание воспроизводства «жизненной энергии», что в дальнейшем должно привести к трансформации общественных ценностей [3; 11].

Можно выделить принципы управления корпоративно-социальными технологиями: гуманизм, коммуникация, наличие ответственности, сочетание материальных и духовных составляющих, взаимосвязь внешней

© Ильченко С.В., Дмитриев Н.Д., Роков А.И., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

и внутренней среды, учет личных и общественных целей. Перечисленные принципы направлены на создание благоприятных условий в организационной среде [3; 7].

Использование корпоративно-социальных технологий оказывает прямое влияние на:

- создание и модернизацию действующей социальной инфраструктуры;
- рост уровня профессиональной квалификации работников;
- усложнение и качественное изменение социальных составляющих общественных отношений;
- развитие системы образования;
- изменение связей между учебными заведениями, работниками, государством и предприятиями;
- формирование корпоративной культуры;
- активизацию гражданской позиции [7; 20].

Объем научных исследований по вопросам применения социальных технологий в корпоративной среде напрямую связан с трансформацией, которая происходит в хозяйственной деятельности всех экономических субъектов. Поступательное развитие научно-технического прогресса приводит к качественным изменениям во всем народном хозяйстве. Эти изменения заключаются в отходе от материально-сырьевого производства и возрастанию роли нематериальной сферы в итоговых результатах хозяйственной деятельности. Рост интеллектуальной экономики требует соответствующей отдачи от человеческого капитала, что обуславливает необходимость ведения социальной политики со стороны бизнес-субъектов. Перечисленные тенденции начали изучать в прошлом столетии и стали основой парадигмы социологии управления [5].

Развитие парадигмы социологии управления привело к обоснованию использования социальных технологий. В основу работы вошли фундаментальные труды ученых в области экономической науки, философии, социологии, которые рассматривали содержательные и сущностные характеристики социальных технологий в корпоративной среде [4; 8]. В классических работах К. Поппера социальные технологии необходимы для применения полученных теоретических взглядов в практических целях [21]. Для получения актуальных выводов в области корпоративно-социальной ответственности необходимо опираться на инструменты, которые соответствуют действующим на сегодняшний день трендам. Современное цифровое общество строится на социальных ценностях, а интеллектуальный капитал является основой становления новых социальных институтов и технологий, которые можно применить в корпоративной среде [18]. Философские работы К. Поппера с критической стороны подошли к историцизму и стали началом такой концепции, как социальная инженерия [12; 21]. Появление данной концепции привело к формированию социальных приемов, методов и технологий, что с авторской точки зрения, позволило создать социальное пространство, условия и обстоятельства, которые могут привести к требуемому результату от максимальной эффективности использования человеческих ресурсов.

На развитие концепции социальных технологий повлияли работы Хелмера, Брауна и Гордона, благодаря исследованиям которых в дальнейшем отечественными социологами был предложен системо-мыследеятельностный подход и практика организационно-деятельностных игр, что является важным шагом к изучению социального поведения индивидуумов [12; 19]. Позиция В. Афанасьева по вопросам социальных технологий заключается в рассмотрении корпоративных процессов в социальном управлении, которое позволяет сформировать механизмы регулирования человеческой деятельности [1]. Можно сказать, что в современном понимании «социальная технология – своеобразный механизм соединения знаний с условиями их реализации, и через технологизацию знаний получает сознательное выражение отношения людей к организации их деятельности по реализации поставленных целей и задач» [4, с. 26; 12].

Социальные технологии, как коммуникационно-деятельностная форма проявления интеллектуализации на различных уровнях управления, позволяет рассмотреть понятия исторических форм социализации в процессах профессиональной деятельности, а также определить возможность регулирования стихийной активности разнонаправленных участников корпоративных отношений в рамках проведения своего рабочего и внерабочего времени [12].

Взгляды отечественных и зарубежных исследователей на проблемы в области корпоративно-социальных технологий определяет социально-технологическую базу. На основе данной базы появляется возможность построить качественные отношения, которые позволяют спрогнозировать поведение отдельных индивидуумов или социальных групп. После проведения анализа их психологических аспектов, ценностных ориентиров, мотивов, положения в общественных отношениях, появляется возможность рассмотреть их функционирование как внутри, так и вне организации [8; 13].

Сущностная сторона социально-корпоративных технологий в современных условиях находится в тесной взаимосвязи с использованием инновационных методов поиска и реализации скрытого потенциала человеческих ресурсов и социальных систем в целом, позволяя максимизировать эффект от их использования. Практическое использование таких технологий научно обосновывает реализацию тех или других инструментов воздействия на управляемые объекты. Инновационная система социальных технологий позволяет раскрыть социальный потенциал субъектов и использовать его для получения благоприятных организационных результатов при наименьших затратах управленческого и материального характера [2; 17].

Проведение анализа взаимосвязей внедрения социальных технологий на производстве с развитием интеллектуального капитала приводит к формированию интеллектуальных алгоритмов, которые позволяют значительно повысить эффективность деятельности и отдачу от человеческих ресурсов [8; 9]. Результаты интеллектуального труда находятся в тесной связи с корпоративно-социальной программой предприятия, синергетическое воздействие которых оказывает положительное влияние на повышение производительности труда. В дальнейшем такие процессы приводят к росту производительности на уровне экономического субъекта и позволяют говорить о развитии трудового потенциала на национальном уровне [10].

Система влияния интеллектуального капитала на развитие предприятия представляет собой взаимодействие работодателей со своими сотрудниками в процессе ведения хозяйственной деятельности и заключается в разработке и применении социальных механизмов управления поведением участников корпоративных отношений с целью достижения совместных целей [20].

На сегодняшний день именно интеллектуальный капитал является основной составляющей формирования корпоративно-социальной среды и позволяет достичь оптимального сочетания управленческих и социологических знаний. Постиндустриальное общество строится на научном прогрессе и использовании социальных технологий, совокупность которых определяет условия реализации качественного потенциала каждого отдельного индивидуума [11; 18].

Предлагается выделить следующие социально-корпоративные технологии, взаимосвязанные с интеллектуальным капиталом [3; 6; 10]:

- технологии формирования внутрифирменной мотивации труда;
- кадровые технологии, направленные на стратегическое развитие персонала;
- корпоративно-социальные технологии;
- технологии социального партнерства.

Использование перечисленных технологий позволяет говорить о возможности создания и проведения оптимизации социального пространства в жизнедеятельности социума. Каждая интеллектуальная технология направлена на активизацию человеческого измерения социальной направленности проектов и обусловлена взаимодействием субъекта и объекта управления [3; 12].

Следует рассмотреть социально-корпоративные технологии по отдельности.

1. Технологии формирования внутрифирменной мотивации труда связаны с общественными изменениями, ростом интеллектуализации производственных процессов и творческих операций, что повышает значимость качеств отдельных индивидуумов. Данные технологии предусматривают реализацию этапов:

- создание условий, которые оказывают воздействие на человека или группу с целью активизации их интеллектуальной деятельности;
- создание системы социально значимых мотивационных моделей и их использование;
- формирование системы обучения для специалистов и программ переподготовки;
- разработка инвестиционных мероприятий в области повышения мотивационной заинтересованности сотрудников;
- создание технологий повторного применения мотивационного управления в организации [6].

Необходимо учитывать, что разработка и реализация мотивационного механизма происходит под воздействием особенностей сотрудников и объединяет разносторонние потребности, их ценности, цели и интересы, учитывая множество факторов и сложившейся спецификой работы. В частности, к таким факторам могут относиться: квалификация, образованность сотрудников, их профессиональный опыт и так далее. Реализация мотивационного механизма происходит на основе алгоритма [3; 9; 20]:

- выявление основных факторов, воздействующих на социальные отношения и проведение мероприятий по максимизации их интеллектуального потенциала;
- реализация мероприятий по изучению воздействия мотивационных мероприятий на интеллектуальный капитал;
- проведение факторного анализа для выявления переменных, оказывающих влияние на мотивацию сотрудников;
- выбор наиболее качественного инструментария для оказания эффективного воздействия на внутрифирменную систему трудовых отношений;
- анализ имеющихся на предприятии мотивационных ресурсов, проведение их поиска и формирование модели организации труда;
- оценка эффективности разработанного мотивационного механизма предприятия.

Мотивационные механизмы используются на любом производстве. В зависимости от уровня развития социальных отношений и интеллектуализации предприятия выделяют материальные и нематериальные методы. Построение цифровой экономики и инновационное развитие приводят к необходимости создания новых стимулирующих методов, основанных на использовании интеллектуальных технологий и развитии творчества.

Инвестиционная стратегия предприятий XIX в. должна учитывать инвестиции на развитие интеллектуального производства. Именно инвестиции в интеллектуальный капитал способствуют созданию современного производства и социализации общественных отношений.

2. Кадровые технологии, направленные на стратегическое развитие персонала, заключаются в разработке и реализации системы операций по работе с необходимой информацией о работнике, оценки его потенциала и ключевых компетенций, а также в трансформации существующего механизма межфункциональных связей между сотрудниками.

Система корпоративной социальной ответственности (далее – КСО) оказывает влияние на формирование кадровой стратегии предприятия вследствие реализации мероприятий корпоративного и общественного значения, оказывающих положительное влияние на эффективное функционирование. В условиях социального ведения бизнеса усиливаются процессы по развитию интеллектуального капитала.

Инновационные процессы и интеллектуальный капитал в любой организации могут оказать влияние на кадровую стратегию через:

- создание системы поиска и привлечения квалифицированных специалистов;
- ознакомление сотрудников с достижениями научно-технологического прогресса;
- донесение до сотрудников информации о стратегическом развитии предприятия;
- организацию стимулирования интеллектуальной деятельности;
- создание системы самооценки персонала внутри организации [16].

Создание кадровой стратегии на основе интеллектуального труда позволит:

- поддержать эффективных работников и социальных групп, которые способны динамично развиваться с минимальным контролем;
- совершенствовать системы приема и отбора сотрудников в организации, сформировать системы поиска и вознаграждения специалистов;
- социализировать коллективы и внедрить принцип участия;
- построить прогнозы и планы по привлечению сотрудников на основе потребностей в трудовых ресурсах соответствующей квалификацией;
- разработать систему управления карьерой и обеспечения профессионального роста сотрудников производства с целью поддержания долгосрочной эффективности;
- обеспечить взаимодействие структурных единиц предприятия через повышенную вовлеченность сотрудников [14].

Качественные преобразования интеллектуального капитала проводятся через реализацию кадровых технологий и выражаются в повышении гибкости корпоративных структур, а также адаптации сотрудников и управленческих единиц к технологическим преобразованиям. Как итог, через интеллектуализацию происходит рост социальной активности рабочих.

3. Технологии КСО оказывают значительное влияние на успешную коммерциализацию через социальные преобразования. К таким преобразованиям могут относиться различные этические нормы, особое отношение к персоналу, влияние на общество, государство и окружающую среду. Всемирный совет по устойчивому развитию рассматривает корпоративную социальную ответственность как «приверженность предпринимательства концепции устойчивого экономического развития в работе со своими сотрудниками, их семьями, местным населением, обществом с целью улучшения качества их жизни» [17, с. 6; 22].

Система КСО в общем случае направлена на:

- соблюдение корпоративной этики и правил деловой среды;
- соответствие стандартам и стремление к повышению качества;
- развитие системы безопасности труда на производстве;
- поддержание мотивационных механизмов в корпоративной среде;
- обеспечение социальных гарантий работников и соблюдение их прав;
- создание рабочих мест;
- ведение социальной и экологической политики;
- участие в государственных программах социальной направленности [7].

Социальные технологии дают возможность решить множество проблем благодаря интеллектуализации. Особенность таких технологий заключается не только в возможности обеспечить экономический рост, но и повысить качество жизни на различных уровнях: внутриорганизационном, межкурпоративном, территориального объединения, государственном, международном [3]. Особенно этот фактор важен для российской экономики, где многие предприятия являются градообразующими, а реализация социальных программ позволит повысить эффективность функционирования всего региона, увеличить производительность производства и создать благоприятные условия для жизнедеятельности.

4. Технологии достижения социального партнерства заключаются в формировании системы взаимоотношений между сотрудниками, представителями бизнеса и государством, взаимодействие которых направлено на учет интересов всех субъектов по трудовым вопросам.

Социальное партнерство включает в себя множество процессов: обеспечение коммуникации между различными сторонами; создание условий вовлеченности работников в принятии решений; учет процедур, обеспечивающих согласование интересов; соблюдение обязательств и соглашений по договорам; вовлеченность различных институтов в разрешении социально-экономических проблем; формирование системы регулирования трудовых отношений [1; 15].

Практика развитых стран показывает, что эффективность социального партнерства достигается лишь в условиях прозрачности и открытости действий всех сторон. Именно поэтому социальные технологии должны решить проблему вовлечения различных заинтересованных сторон в обсуждение социальных проблем общества. Социальное партнерство заключается в проведении комплексных мероприятий, активизирующих развитие как социальной стороны жизни сотрудников, так и их интеллектуального потенциала. Предложенные мероприятия необходимо строить на проектно-программном подходе через проведение аккумуляции ресурсов на наиболее приоритетные направления развития в долгосрочной и краткосрочной перспективах, а также организации социальных проектов и недопущении создания коррумпированных схем. Социальное партнерство способствует созданию благоприятного инвестиционного климата и инновационному развитию.

Тенденции по развитию социально-корпоративных технологий в отечественной бизнес-среде соответствуют общемировым практикам. Можно сказать, что трансформация бизнеса в интересах устойчивого развития позволит перейти к модели совершенствования управления корпоративной деятельностью частного сектора в социальном ключе, а также приведет к качественным сдвигам в системе межсекторных взаимодействий.

Дальнейшее использование данного материала на практике возможно за счет соотношения инвестиционных вложений на развитие корпоративной социальной ответственности с уровнем интеллектуального развития. В частности, имеется возможность рассчитать взаимосвязь между уровнем интеллектуализации (показатель добавленной стоимости интеллектуального капитала) и различными инвестициями социального характера.

Авторами рассмотрены предприятия малого бизнеса, осуществляющие деятельность в строительной отрасли. В таблице 1 представлены исходные данные по предприятиям для выявления зависимости между показателем добавленной стоимости интеллектуального капитала VAIC и социальными инвестициями Is.

Исходные данные для регрессионного анализа

Год	VAIC (a), тыс. руб.	Is (a), тыс. руб.	VAIC (b), тыс. руб.	Is (b), тыс. руб.	VAIC (c), тыс. руб.	Is (c), тыс. руб.
2015	4,7	1 300	4,1	690	3,7	1 510
2016	3,5	1 150	4,5	940	4,2	1 630
2017	4,1	1 270	5,3	1070	4,4	1 620
2018	5,4	1 890	4,9	980	5,1	1 770

Примечание: a, b, c – названия предприятий изменены с целью сохранения коммерческой тайны

Составлено авторами по материалам исследования

Ниже представлены основные показатели регрессионного анализа по предприятиям:

Предприятие a: $VAIC(a) = 1,34 + 0,0022 \cdot Is(a)$; R – квадрат $(a) = 0,80$;

Предприятие b: $VAIC(b) = 1,97 + 0,003 \cdot Is(b)$; R – квадрат $(b) = 0,88$;

Предприятие c: $VAIC(c) = -4,39 + 0,0054 \cdot Is(c)$; R – квадрат $(c) = 0,97$.

Как следует из примера, между интеллектуальным капиталом VAIC и социальными инвестициями Is имеется ярко выраженная зависимость. Рост интеллектуализации на предприятиях объясняется социальными инвестициями свыше 80 %. Следовательно, можно обосновать, что стремление к повышению интеллектуализации является главным детерминантом активизации инвестиций в социальные технологии, без которых невозможно обеспечить устойчивое развитие в долгосрочной перспективе. Приведенный пример является лишь абстрактным, так как не учитывает множество других явлений, однако для строительной отрасли человеческий капитал является важным элементом, а социальные инвестиции, направленные на развитие человеческого потенциала и создание благоприятных условий функционирования, безусловно дадут положительный эффект в хозяйственной деятельности.

Современное общество стремится к интеллектуальному развитию, а человеческий капитал признан одним из важнейших элементов успешности бизнеса, а с повышением уровня интеллектуализации, совокупность затрат на социальные цели также повышается. Возникает цикличность: развитие интеллектуального капитала приводит к возрастанию социальных инвестиций, а рост социальных инвестиций повышает качество интеллектуального капитала, что было рассмотрено на примере выше.

Рассмотрение крупных предприятий и введение большего количества коэффициентов, отражающих инвестиционные вложения в социальные технологии, позволит выявить значимую зависимость между интеллектуальным капиталом и социальными технологиями.

На основе проделанного анализа сделан вывод, что влияние интеллектуального капитала на социально-корпоративные технологии заключается в формировании определенного количества интеллектуальных ресурсов с целью реализации мероприятий по решению теоретических и практических проблем, связанных с инновационным развитием организации. Возрастание уровня интеллектуального капитала приведет к повышению качества используемых социальных технологий и окажет благоприятное влияние не только на качество и уровень жизни людей, но и даст толчок к повышению конкурентных возможностей хозяйствующих субъектов, позволит расширить возможности по созданию новых и использованию уже имеющихся нематериальных активов.

Библиографический список

1. Афанасьев, В. Г. Общество: системность, познание и управление. – М.: URSS, 2019. – 432 с.
2. Беляева, И. Ю., Эскиндарова, М. А. Корпоративная социальная ответственность. – М.: КноРус, 2016. – 320 с.
3. Булатецкая, А. Ю. Социально-корпоративные технологии управления интеллектуальным капиталом: содержание и классификация // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 10. – С. 26-31.
4. Булатецкая, А. Ю. Социальные технологии управления интеллектуальным капиталом корпорации. – СПб.: СПбАУ, 2016. – 240 с.

5. Гидденс, Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
6. Горфинкель, В. Я. Корпоративная социальная ответственность. – М.: Юрайт, 2019. – 438 с.
7. Дементьева, А. Г. Корпоративное управление. – М.: Инфа-М, 2018. – 496 с.
8. Дмитриев, Н. Д., Зайцев, А. А. Взаимосвязь внедрения социальных технологий и развития человеческого капитала на предприятии // Сборник научных статей «Управление социальными инновациями». Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2019. С. 97-106.
9. Дмитриев, Н. Д., Рогозина, Е. А., Филимоныхина, Т. В. Построение инновационной системы менеджмента качества // Стратегии бизнеса. – 2020. – № 2. – С. 45-49.
10. Дубаневич, Л. Э. Взаимосвязь социального партнерства и участия работников в управлении организацией // Материалы II международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях», Москва, 28 октября 2019 г., МЭИ / Отв. ред. И. Л. Сурат. – 2019. – С. 91-99.
11. Дубаневич, Л. Э. Качество жизни как социально-экономическая основа формирования трудового потенциала // Сборник трудов IV международной научно-практической конференции «Современные малые города: проблемы и перспективы развития». Ивanteevka, 16-17 января 2013 г. / Под ред. А.С. Ляховец, Л.Э. Дубаневич. – 2013. – С. 90-96.
12. Касавин, И. Т. Междисциплинарность в науках и философии. – М.: ИФРАН, 2010. – 205 с.
13. Роков, А. И., Бакина, Е. С., Ледовская, К. А. Инвестиции в человеческий капитал как фактор успешного развития организаций и общества в эпоху цифровой экономики // Стратегии бизнеса. – 2020. – № 1. – С. 27-30.
14. Савельченко, И. А., Никифорова, Л. Е. Управление человеческими ресурсами в контексте стратегии развития интеллектуального капитала организации // Креативная экономика. – 2017. – № 7. – С. 735-748.
15. Сафонов, В. А. Социальное партнерство. – М.: Юрайт, 2018. – 395 с.
16. Светлов, И. Е. Применение отдельных положений теории совместимости при формировании и использовании интеллектуальных ресурсов // Креативная экономика. – 2016. – № 1. – С. 53-72.
17. Чернов, Е. Корпоративная социальная ответственность // Информационный бюллетень Det Norske Veritas. – 2015. – № 4 (8). – С. 6-7.
18. Шибанов, К. С., Жильцов, А. С. Фундаментальное значение анализа фирмы на основе принципов корпоративных финансов // Финансовая экономика. – 2019. – № 10. – С. 124-127.
19. Helmer, O., Brown, B., Gordon, Th. Social Technology. – New York, 1966. – 108 p.
20. Ling, V. V., Yumashev, A.V. Estimation of worker encouragement system at industrial enterprise. – Espacios. – 2018. – № 39 (28). – С. 22.
21. Popper, K. R. The open society and its enemies. Vol. 1: The spell of plato, Routledge and Kegan Paul. – London and Henle, 1966. – 448 p.
22. The world business council for sustainable development [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.wbcsd.org/> (дата обращения: 18.04.2020).

References

1. Afanas'yev V. G. Obshchestvo: sistemnost', poznaniye i upravleniye [Society: systematic, cognition and management]. Moscow, URSS, 2019. 432 p.
2. Belyayev I. Yu., Eskindarova M. A. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' [Corporate social responsibility]. Moscow, KnoRus, 2016. 320 p.
3. Bulatetskaya A. Yu. Sotsial'no-korporativnye tekhnologii upravleniya intellektual'nym kapitalom: sodержanie i klassifikatsiya [Social-corporate technologies of intellectual capital management: content and classification]. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, pedagogics], 2016, no. 10. pp. 26-31.
4. Bulatetskaya A. Yu. Sotsial'nye tekhnologii upravleniya intellektual'nym kapitalom korporatsii [Social technologies corporate intellectual capital management]. St. Petersburg, SPbAU, 2016. 240 p.
5. Giddens E. Sotsiologiya [Sociology]. Moscow, Editorial URSS, 1999. 704 p.
6. Gorfinkel' V.Ya. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' [Corporate social responsibility]. Moscow, Yurait, 2019. 438 p.
7. Dement'eva A.G. Korporativnoe upravlenie [Corporate governance]. Moscow, Infra-M, 2018, 496 p.
8. Dmitriev N.D., Zaitsev A.A. Vzaimosvyaz' vnedreniya sotsial'nykh tekhnologii i razvitiya chelovecheskogo kapitala na predpriyatii [Interrelation between the introduction of social technologies and the development of human capital at the enterprise]. Upravlenie sotsial'nyimi innovatsiyami, Cheboksary, ChGPU im. I.Ya. Yakovleva, 2019, pp. 97-106.

9. Dmitriev N. D., Rogozina Ye. A., Filimonikhina T. A. Postroenie innovatsionnoi sistemy menedzhmenta kachestva [*Building an innovative quality management system*]. Strategii biznesa [*Business Strategies*], 2020, no. 2, pp. 45-49.
10. Dubanevich L. E. Vzaimosvyaz' sotsial'nogo partnerstva i uchastiya rabotnikov v upravlenii organizatsiei [*Interrelation between social partnership and employee participation in the management of the organization*]. Aktual' nye problemy razvitiya ekonomiki i upravleniya v sovremennykh usloviyakh, 2019, pp. 91-99.
11. Dubanevich L. E. Kachestvo zhizni kak sotsial'no-ekonomicheskaya osnova formirovaniya trudovogo potentsiala [*Quality of life as a socio-economic basis for the formation of labor potential*]. Sovremennye malye goroda: problem i perspektivy razvitiya, 2013, pp. 90-96.
12. Kasavin I. T. Mezhdistsiplinarnost' v naukakh i filosofii [*Interdisciplinarity in the sciences and philosophy*]. Moscow, IFRAN, 2010. 205 p.
13. Rokov A. I. Bakina Ye. S., Ledovskaya K. A. Investitsii v chelovecheskii kapital kak faktor uspehnogo razvitiya organizatsii i obshchestva v epokhu tsifrovoi ekonomiki [*Investing in human capital as a factor in the successful development of organizations and society in the era of the digital economy*]. Strategii biznesa [*Business Strategies*], 2020, no. 1. pp. 27-30.
14. Savel'chenko I. A., Nikiforova L. Ye. Upravlenie chelovecheskimi resursami v kontekste strategii razvitiya intellektual'nogo kapitala organizatsii [*Human resource management in the context of an organization's intellectual capital development strategy*]. Kreativnaya ekonomika [*Creative Economy*], 2017, no. 7, pp. 735-748.
15. Safonov V. A. Sotsial'noe partnerstvo [*Social partnership*]. Moscow, Yurait, 2018. 395 p.
16. Svetlov I. Ye. Primenenie otchel'nykh polozenii teorii sovmestimosti pri formirovanii i ispol'zovanii intellektual'nykh resursov [*Application of certain provisions of the theory of compatibility in the formation and use of intellectual resources*]. Kreativnaya ekonomika [*Creative Economy*], 2016, no. 1, pp. 53-72.
17. Chernov Ye. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' [*Corporate social responsibility*]. Informatsionnyi byulleten' [*Information bulletin*] Det Norske Veritas, 2015, no. 4 (8), pp. 6-7.
18. Shibano K. S., Zhil'tsov A. S. Fundamental'noe znachenie analiza firmy na osnove printsipov korporativnykh finansov [*Fundamental importance of the analysis of the company based on the principles of corporate finance*]. Finansovaya ekonomika [*Financial Economy*], 2019, no. 10, pp. 124-127.
19. Helmer O., Brown B., Gordon Th. Social technology. New York, 1966. 108 p.
20. Ling V. V., Yumashev A. V. Estimation of worker encouragement system at industrial enterprise. Espacios, 2018, no. 39 (28), pp. 22.
21. Popper K. R. The open society and its enemies. Vol. 1: The spell of plato, Routledge and Kegan Paul. London and Henle, 1966. 448 p.
22. The World Business Council for Sustainable Development. Available at: <http://www.wbcsd.org/> (accessed 18.04.2020).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9.07

DOI 10.26425/1816-4277-2020-6-167-172

Акопова Милена Аванесовна
канд. психол. наук, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» (филиал), г. Будённовск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6705-1329
e-mail: milena-ako@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СМАРТФОНОВ НА АТТЕНЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Растущая популярность мобильных мультимедийных технологий определяет необходимость изучения вопроса о том, какое влияние они оказывают на нашу психическую сферу. В статье представлен обзор отечественных и зарубежных публикаций по вопросам изменений наших психических функций под влиянием мобильных телефонов (в частности смартфонов). Также представлены результаты исследования, в котором показаны изменения свойств внимания студентов под влиянием промежуточных действий со смартфоном. Исследование проводилось в несколько этапов: с помощью анкетирования были выявлены особенности привязанности студентов к своим гаджетам; по результатам двух экспериментальных серий были продиагностированы и сопоставлены особенности свойств внимания студентов в условиях взаимодействия со смартфонами и без них.

Ключевые слова: аттентивные процессы, избирательность внимания, когнитивные функции, концентрация внимания, мобильные технологии, объем внимания, переключаемость внимания, смартфон, устойчивость внимания.

Цитирование: Акопова М.А. Влияние смартфонов на аттентивные процессы студентов // Вестник университета. 2020. № 6. С. 167–172.

Akopova Milena
Candidate of Psychological Sciences,
Stavropol State Pedagogical Institute
(Branch), Budennovsk, Russia
ORCID: 0000-0001-6705-1329
e-mail: milena-ako@mail.ru

INFLUENCE OF SMARTPHONES ON STUDENTS' ATTENTIONAL PROCESSES

Abstract. The growing popularity of mobile multimedia technologies determines the need to study the question of what impact they have on our mental sphere. An overview of domestic and foreign publications on the changes in our mental functions under the influence of mobile phones (in particular smartphones) has been given in the article. The results of a study that shows changes in the properties of students' attention under the influence of intermediate actions with a smartphone also have been presented in the article. The study was carried out in several stages. Using the survey, the features of students' attachment to their gadgets were revealed. According to the results of two experimental series, the features of students' attention properties in the conditions of interaction with smartphones and without them were diagnosed and compared.

Keywords: attention concentration, attention selectivity, attention stability, attention switching, attention volume, attentional processes, cognitive functions, mobile technologies, smartphone.

For citation: Akopova M.A. (2020) Influence of smartphones on students' attentional processes. *Vestnik universiteta*. I. 6, pp. 167–172. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-6-167-172

Современные технологии, активно врываясь в нашу жизнь, меняют все проявления и механизмы человеческой активности, в том числе и психической. В настоящее время тяжело представить человека без мобильного телефона, который стал для нас не просто средством связи, — его многофункциональность позволяет в некоторых случаях заменить персональный компьютер. Хотя смартфоны и используемые в них мобильные технологии, являются очень гибкими и мощными инструментами, позволяющими нам (при разумном использовании) повысить свою познавательную активность, мы также понимаем, что обычное использование этих устройств может оказать негативное влияние на нашу психическую среду. В настоящее время

© Акопова М.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

смартфоны настолько популярны, что нам сложно без них обходиться в повседневной жизни, а используемые в них приложения не просто облегчают работу и разнообразят досуг, но способны дополнять (как развивать, так и вытеснять) некоторые наши психические функции, например, возможности использования телефонных книг, календарей, записок, интернет-порталов, калькуляторов, камеры и др. могут позволить нам не напрягать мнемические функции.

Однако, несмотря на то, что проблема влияния мобильных устройств, в частности смартфонов, на психическую сферу, в том числе на познавательные психические процессы, современной молодежи является достаточно актуальной в силу их непреходящей популярности и распространенности. В российской научной литературе очень мало исследований, посвященных данному вопросу, при этом большое число работ посвящено различным видам «технологических» зависимостей [1; 2; 7].

А. Ш. Тхостов, В. А. Емелин, Е. И. Рассказова обращают внимание на четыре категории психологических изменений под влиянием информационных технологий: формируется психологическая зависимость от технических средств, расширяются и «размываются» психологические границы (человек сливается с техническими средствами, которые размывают границы его телесности и делают его доступным для окружающих в любой момент), изменяются структуры потребностей (появляется потребность в улучшенных гаджетах) и деятельности (на первый план выходят те виды деятельности, которые могут обеспечить гаджеты, например, онлайн-общение, компьютерные игры) [6]. При этом авторы обращают внимание на то, что в структуре деятельности меняется иерархия различных умений и навыков. «Одним навыкам придается большее значение, и процесс их развития идет быстрее (например, распределение внимания – возможность или необходимость одновременно заниматься несколькими делами на компьютере; пользовательские навыки в отношении технических средств). Другие навыки страдают или исчезают: счет «в уме», навык письма» [3, с. 83].

Ряд работ посвящен проблеме влияния мобильных телефонов на учебную деятельность учащихся. В исследовании, проведенном В. Н. Колесниковым, Ю. И. Мельником, Л. И. Тепловой в группах старшеклассников и студентов при помощи анкетирования и вопросов шкалы PUMP (Problematic Use of Mobile Phone), был сделан вывод, что воздействие телефона на учебную деятельность не может оцениваться однозначно, поскольку имеет место и положительное (86 % отметили, что телефон представлен как средство, обеспечивающее коммуникацию по поводу учебы; 67 % учащихся указали на возможность чтения рекомендованной литературы; 47 % опрошенных считают, что смартфон позволяет получать консультации от компетентных лиц) и негативное влияние (20 % исследованных соглашались с тем, что смартфон отнимает время от учебы, 42 % опрошенных отмечают, что наличие смартфона отвлекает от работы в аудитории; 57 % респондентов подтвердили, что под влиянием смартфона снижается концентрация внимания) [4].

По результатам исследования влияния мобильного телефона на самооценку, учебную успеваемость, социальную активность, нравственное развитие, социализированность школьников, проведенного В. Е. Ионовой и Головой Н.С., выявлены отрицательные корреляционные связи между успеваемостью по математике и удовлетворенностью, что может являться свидетельством того, что взаимодействие школьника с сотовым телефоном никак не помогает ему в решении заданий по математике. Выявлена положительная корреляционная связь активности взаимодействия школьников с мобильным телефоном и социальной адаптации, что является свидетельством того, что осведомленность в основных событиях молодежной субкультуры позволяет школьникам быть в курсе событий и социально адаптироваться среди сверстников, что очень важно в жизни подростка [5].

Между тем в зарубежной, в частности англоязычной литературе, научных исследований, посвященной влиянию смартфонов на познавательные психические процессы человека, гораздо больше. Н. Н. Wilmer, L. E. Sherman, J. M. Chein в своем обзоре указывают на ряд методологических проблем данных исследований, например, большинство исследований в этой области используют методы, основанные на самоотчете (в том числе опросники), которые не обеспечивают полноценного исследования моделей поведения испытуемых и имеют ограниченную надежность. Кроме того, при оценке привычек использования мобильных телефонов, невозможно не вмешаться в естественное поведение участников, что может также оказать влияние на точность получаемых результатов, поэтому даже установленные в этих исследованиях связи между мобильными технологиями и когнитивными функциями не могут считаться достоверными [11].

Не претендуя на всесторонний обзор зарубежных исследований по изучаемой проблематике, мы хотели бы остановиться на нескольких работах, посвященных влиянию мобильных телефонов на процессы внимания.

Н. Н. Wilmer, L. E. Sherman, J. M. Chein указывают, что чаще всего при взаимодействии с мобильными технологиями страдают сосредоточенность и концентрация внимания, а вот распределение внимания, наоборот, может развиваться. Также они отмечают, что чаще всего смартфоны воздействуют на нас, резко «вмешиваясь» или прерывая текущие умственные и физические действия. В целом в зарубежной литературе выделяют два вида «нарушений внимания» под влиянием смартфонов: эндогенные и экзогенные [11].

Эндогенные (или внутренние) колебания внимания происходят, когда собственные мысли пользователя смещаются в сторону деятельности, связанной со смартфоном, и тем самым заставляют начать взаимодействовать с этим устройством. После того, как человек, прерывая свою деятельность, обратил свое внимание к смартфону с какой-то одной целью (например, изучению уведомления), он часто выполняет цепочку последующих действий, не связанных с изначальной задачей, тем самым продлевая период отвлечения от основной деятельности. L. E. Levine, B. M. Waite, L. L. Bowman, изучавшие эти «переключения на телефон», показали, что человек тратит в 4 раза больше времени на выполнение задачи (просмотр конкретного приложения) в смартфоне, отвлекшего его от основной деятельности из-за непреднамеренного переключения на другие приложения [9].

Экзогенные (или внешние) колебания внимания происходят, когда какой-то сигнал извне (чаще связанный с сигналом смартфона, но возможно любое другое внешнее событие, которое инициирует последующее использование смартфона, например, если кто-то из окружающих взглянул на телефон или напомнил о нем во время живого разговора) привлекает внимание пользователя к деятельности, которая может быть выполнена на смартфоне (электронная почта, поиск информации и т. д.). Например, в исследовании C. Stothart, A. Mitchum, C. Yehnert показано, что воздействие уведомлений на смартфонах значительно снижало производительность при выполнении задачи, связанной со сосредоточением внимания. Испытуемому достаточно было услышать звук или почувствовать вибрацию, чтобы отвлечься и ослабить внимание на основной задаче. Исследователи установили, что уведомления вызывали не относящиеся к задаче мысли, которые сказывались негативно на исполнении основной задачи [10].

J. Lee, B. Cho, Y. Kim, J. Noh показали, как связанные со смартфонами привычки снижают внимательные способности. Исследователи предложили три анкеты для большой выборки студентов университетов, измеряя уровень зависимости от смартфона, склонность к самоконтролю и способность к обучению. Результаты анкетирования показали, что испытуемые, набравшие наибольшее количество баллов по шкале зависимости от смартфона, набрали меньше баллов по шкалам самоконтроля и способности к обучению. Авторы предполагают, что зависимость от смартфона вызывает нарушение сосредоточения и саморегуляции (самоконтроля) студентов. Хотя наличие корреляций в данном случае может говорить о том, что студенты с недостаточными способностями к самоконтролю и обучению более склонны к зависимости от смартфона [8].

Из анализа научной литературы следует, что активное использование мобильных мультимедийных технологий, в частности смартфонов, сказывается на протекании психической деятельности человека.

Наше исследование было направлено на изучение влияния смартфонов на особенности внимания, в частности для ответа на вопрос: уменьшаются ли показатели внимания под влиянием промежуточных действий со смартфоном. В исследовании приняло участие 89 студентов психолого-педагогического факультета филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Буденновске в возрасте от 16 до 23 лет. Исследование проходило в несколько этапов и включало анкетирование и серию экспериментальных опытов.

Анкетирование студентов проводилось с помощью Google форм и было направлено на определение уровня привязанности студентов к своим смартфонам. Результаты анкетирования позволяют сделать следующие заключения: 73 % студентов не может обойтись без телефона больше одного дня (причем 14,6 % из них отметили, что должны взаимодействовать со своим гаджетом каждый час); при этом 83 % студентов отметили, что могут вернуться домой, если обнаружат, что забыли свой смартфон. Среди наиболее частых целей использования смартфона студенты называют: выход в интернет (66,3 %); для звонков и общения в социальных сетях и мессенджерах (по 60,7 %). При этом в учебных целях телефон чаще всего используется для хранения фотографий конспектов лекций (79,8 % опрошенных студентов); чуть реже – как средство связи с куратором и одноклассниками (76,4 %) и для поиска информации через сеть «Интернет» (75,3 %); 65,2 %

опрошенных студентов отметили, что могут испытывать чувство дискомфорта, если долго не проверяли обновления информации из соц. сетей, почты, игр и др. с помощью смартфона. Кроме того, 62,9 % студентов признали, что во время пар могут «залезть в телефон»: от одного раза за пару (14,6 %) до 5–6 раз (22,5 %).

Результаты анкетирования показали, что смартфоны играют достаточно важную роль в жизни современной молодежи, а отсутствие этого гаджета или невозможность проверить его может вызвать психологический дискомфорт у большинства из них. По результатам анкетирования из экспериментальной группы были отобраны те студенты, у которых не было выявлено сильной психологической зависимости от смартфона (74 человека), с которыми и было продолжено исследование.

На втором этапе исследования мы провели серию экспериментальных опытов, включающих в себя диагностику свойств внимания. Для диагностики переключаемости мы использовали методику «Счет по Крепелину»; для диагностики объема, концентрации и устойчивости внимания – «Корректирную пробу»; для диагностики избирательности и помехоустойчивости – «Тест Мюнстерберга».

В первой серии эксперимента мы стимулировали использование студентами смартфонов (просили их проверить уведомления, перед тем как приступить к выполнению новой методики, чтобы «не отвлекаться»; просили оставлять телефоны на рабочем столе, чтобы в случае звонка быстро скинуть и не отвлекать остальных участников тестирования). В аудитории при проведении тестирования находилось не более пятнадцати студентов, таким образом, у ассистентов экспериментатора (три человека на аудиторию) была возможность отслеживать поведение испытуемых и частоту их обращения к смартфонам (что фиксировалось в протоколах наблюдений).

Во второй серии эксперимента (которая проводилась под предлогом утери результатов предыдущего тестирования, чтобы избежать эффекта Хотторна), испытуемых просили сдать свои смартфоны на входе в аудиторию, чтобы они не отвлекали студентов от основного задания. Тестирование проводилось по тем же методикам, но с использованием другого стимульного материала.

Результаты двух серий экспериментов сравнивались между собой. Предполагалось, что в случае обнаружения значимых различий между результатами двух серий экспериментального тестирования можно утверждать о наличии негативного (или позитивного) влияния действий со смартфонами на свойства внимания. Для проверки достоверности изменений тестируемых показателей был использован G -критерий знаков.

Описывая результаты наблюдения за студентами, в первую очередь следует отметить, что в первой серии опыта студенты потратили в 1,3 раза больше времени, чем во второй вследствие увеличенного времени «отдыха» между методиками. Экспериментатор изначально предупреждал, что у студентов есть несколько минут (не регламентируя интервал времени), чтобы отдохнуть и подготовиться к выполнению следующей методики. В первой серии эксперимента студентам предлагалось проверить уведомления телефона, чтобы потом не отвлекаться на них. В результате у 69 % студентов был отмечен эффект, описанный в исследовании L. E. Levine с соавторами: студенты, просмотрев сообщения в чатах, начинали заходить в другие приложения, просматривать почту и соц. сети, в результате чего время перерыва затягивалось и по сравнению со второй серией эксперимента оказалось больше.

Также можно отметить, что по большинству исследуемых показателей студенты справились с первой серией эксперимента немного хуже, чем со второй (табл. 1).

Таблица 1

Результаты диагностики свойств внимания в двух экспериментальных срезах

Показатель	Результат первого среза (среднее по группе)	Результат второго среза (среднее по группе)	Показатель $G_{\text{эмп.}}^*$
Переключаемость, %	31,5	28,8	34
Объем, знаков	948	987	31
Концентрация	27,2	28,9	29
Устойчивость	4,4	4,8	28
Избирательность, балла	8,1	8,6	33
*при $n = 74$, $G_{\text{крит.}} = 29$ ($p \leq 0,05$); $G_{\text{крит.}} = 26$ ($p \leq 0,01$)			

Составлено автором по материалам исследования

Наиболее значимые различия выявлены по двум сериям экспериментальных срезов по методике «Корректурная проба»: концентрации и устойчивости внимания ($p \leq 0,05$). Однако, как следует из таблицы, несмотря на тенденцию к улучшению результатов выполнения методик на внимание без смартфонов, большинство этих результатов являются статистически незначимыми и могут быть связаны с другими факторами. Таким образом, можно заключить, что промежуточные действия со смартфоном негативно сказываются на показателях устойчивости и концентрации внимания, но следует учитывать невысокий уровень статистической значимости по результатам сравнения данных (5 %).

Обобщая полученные в исследовании данные, можно сделать следующие выводы. Популяризация мультимедийных мобильных технологий, в частности смартфонов не может не оказывать влияние на нашу психическую активность, что отмечают многие педагоги и психологи. Результаты анкетирования студентов показывают, что большинство студентов (62,9 %) испытывает потребность «проверить» свой телефон, «заглянуть» в него в течение ограниченного количества времени (1–1,5 часа), при этом 70 % – 80 % студентов испытывают дискомфорт, оказавшись без смартфона достаточно надолго (от двух часов до одного дня). Результаты диагностических срезов аттенционных свойств в условиях наличия промежуточных действий со смартфоном и их отсутствия показывают, что смартфон является отвлекающим фактором и может негативно сказаться на показателях устойчивости и концентрации внимания. Следует отметить, что данная тема требует дальнейшего изучения, в частности интерес представляет отслеживание влияния, оказываемого действиями со смартфонами на другие познавательные психические процессы (перцептивные, мнемические, мыслительные).

Библиографический список

1. Бережковская, Е. Л. Мобильная зависимость // Школьный психолог. – 2006. – № 5. – С. 2-7.
2. Войсунский, А. Е. Вместо предисловия. «За» и «против» Интернет-зависимости // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Под ред. А.Е. Войсунского. – М.: Акрополь, 2009. – С. 5-27.
3. Емелин, В. А., Рассказова, Е. И., Тхостов, А. Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 1 (7). – С. 81-87.
4. Колесников, В. Н., Мельник, Ю. И., Теплова Л. И. Мобильный телефон в учебной деятельности современного старшеклассника и студента // Непрерывное образование: XXI век. – Вып. 2 (22). – 2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lll21.petrus.ru/journal/article.php?id=3971> (дата обращения: 04.03.2020).
5. Ионова, В. Е., Голова, Н. С. Взаимодействие школьников с сотовым телефоном как психологическая проблема // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: психология. – 2018. – № 2 (24). – С. 68-75.
6. Рассказова, Е. И., Емелин, В. А., Тхостов, А. Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека: учеб.-метод. пособие для студентов психологических специальностей. – М.: Акрополь, 2015. – 115 с.
7. Янг, К. С. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. – 2000. – № 2. – С. 24-29.
8. Lee, Y. K., Chang, C. T., Lin, Y., Cheng Z. H. The dark side of smartphone usage: psychological traits, compulsive behavior and technostress // Computers in Human Behavior. – 2014. – No. 31. – Pp. 373-383.
9. Levine, L. E., Waite, B. M., Bowman, L. L. Electronic media use, reading, and academic distractibility in college youth // CyberPsychology & Behavior. – 2007. – V. 10, No. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.liebertpub.com/doi/10.1089/cpb.2007.9990> (дата обращения: 04.03.2020).
10. Stothart, C., Mitchum, A., Yehnert, C. The attentional cost of receiving a cell phone notification // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. – 2015. – No. 41 (4). – Pp. 893-897.
11. Wilmer, H. H., Sherman, L. E., Chein J. M. Smartphones and cognition: a review of research exploring the links between mobile technology habits and cognitive functioning // Frontiers in Psychology. – 2017. – No. 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5403814/> (дата обращения: 04.03.2020).

References

1. Berezhkovskaya E. L. Mobil'naya zavisimost' [Mobile addiction]. Spkol'nyi psikholog, 2006, no. 5, pp. 2-7.
2. Voiskunskii A. E. Vmesto predisloviya. "Za" i "protiv" Internet-zavisimosti [Instead of the preface. "For" and "against" Internet addiction]. Internet-zavisimost': psikhologicheskaya priroda i dinamika razvitiya [Internet addiction psychological nature and dynamics of development]. Pod red. A. E. Voiskunskogo. Moscow, Akropol', 2009. Pp. 5-27.

3. Emelin V. A., Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh. Psikhologicheskie posledstviya razvitiya informatsionnykh tekhnologii [*Psychological consequences of the development of information technologies*]. Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [*National Psychological Journal*], 2012, no. 1 (7), pp. 81-87.
4. Kolesnikov V. N., Mel'nik Yu. I., Teplova L. I. Mobil'nyi telefon v uchebnoi deyatelnosti sovremennogo starsheklassnika i studenta [*Mobile phone in the educational activity of a modern senior pupil and student*]. Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [*Lifelong Education: the XXI century*], 2018, I. 2 (22). Available at: <https://lll21.petsu.ru/journal/article.php?id=3971> (accessed 04.03.2020).
5. Ionova V. E., Golova N. S. Vzaimodeistvie shkol'nikov s sotovym telefonom kak psikhologicheskaya problema [*Interaction of school children with a cell phone as a psychological problem*]. Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: psikhologiya, 2018, no. 2 (24), pp. 68-75.
6. Rasskazova E. I., Emelin V. A., Tkhostov A. Sh. Diagnostika psikhologicheskikh posledstviy vliyaniya informatsionnykh tekhnologii na cheloveka [*Diagnostics of psychological consequences of the influence of information technologies on a person*]. Moscow, Akropol', 2015. 115 p.
7. Young K. S. Diagnostika – internet-zavisimost' [*Diagnosis is Internet-dependence*]. Mir Internet, 2000, no. 2, pp. 24-29.
8. Lee Y. K., Chang C. T., Lin Y., Cheng Z. H. The dark side of smartphone usage: psychological traits, compulsive behavior and technostress. Computers in Human Behavior, 2014, no. 31, pp. 373-383.
9. Levine L. E., Waite B. M., Bowman L. L. Electronic media use, reading, and academic distractibility in college youth. CyberPsychology & Behavior, 2007, vol. 10, no. 4. Available at: <https://www.liebertpub.com/doi/10.1089/cpb.2007.9990> (accessed 04.03.2020).
10. Stothart C., Mitchum A., Yehnert C. The attentional cost of receiving a cell phone notification. Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 2015, no. 41 (4), pp. 893-897.
11. Wilmer H. H., Sherman L. E., Chein J. M. Smartphones and cognition: a review of research exploring the links between mobile technology habits and cognitive functioning. Frontiers in Psychology. 2017, no. 8. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5403814/> (accessed 04.03.2020).

Батуева Евгения Батуевна
аспирант, ФГБУН «Институт
психологии РАН», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0197-2306
e-mail: batuevaevgenia81@rambler.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. Представлены результаты теоретического и эмпирического исследований определения понятия «терроризм». В результате анализа работ, посвященных психологии терроризма, выделено пять подходов в определении терроризма: терроризм как форма деятельности; терроризм как коммуникативная стратегия; терроризм как форма войны; терроризм как форма конфликта; терроризм как форма экстремизма. Проведен анализ ассоциаций респондентов, связанных с понятием «терроризм». Выделено три группы ассоциаций с этим понятием: характеристики, мотивировки и последствия терроризма. Характеристики связаны с оценкой терроризма, личности террориста и отношения к терроризму. Мотивировки подразделяют на личностные, межличностные и общественные. Последствия проявляются на уровне личности, социальной группы и общества. В основе классификации лежит направленность ассоциаций: отрицательная, нейтральная (неоднозначная) и положительная (оправдательная). Также выделены эмоциональные, рациональные и ценностные составляющие отношения к терроризму.

Ключевые слова: психология терроризма, отношение к терроризму, определение терроризма, контент-анализ сочинений, характеристики терроризма, мотивировки терроризма, последствия терроризма, ценностное отношение.

Цитирование: Батуева Е.Б. Социально-психологические подходы к определению терроризма//Вестник университета. 2020. № 6. С. 173–178.

Batueva Evgenia
Postgraduate Student, Institute
of Psychology RAS,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0197-2306
e-mail: batuevaevgenia81@rambler.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF TERRORISM

Abstract. The results of a theoretical and empirical study of the definition of “terrorism” have been presented. As a result of the analysis of works devoted to the psychology of terrorism, five approaches to the definition of terrorism have been distinguished: terrorism as a form of activity; terrorism as a communicative strategy; terrorism as a form of war; terrorism as a form of conflict; terrorism as a form of extremism. Respondents’ associations related to the concept of “terrorism” have been analysed. Three groups of associations with this concept have been emphasized: characteristics, motivations, and consequences of terrorism. Characteristics are related to the assessment of terrorism, the identity of the terrorist, and attitudes to terrorism. Motivations are divided into personal, interpersonal and social. The consequences are manifested at the level of the individual, social group and society. The classification is based on the orientation of associations: negative, neutral (ambiguous) and positive (exculpatory). Emotional, rational and value components of the attitude to terrorism also have been highlighted.

Keywords: psychology of terrorism, attitude to terrorism, definition of terrorism, content analysis of essays, characteristics of terrorism, motivations for terrorism, consequences of terrorism, value attitude.

For citation: Batueva E.B. (2020) Socio-psychological approaches to the definition of terrorism. *Vestnik universiteta*. I. 6, pp. 173–178. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-6-173-178

Проблема терроризма в настоящее время сохраняет свою актуальность. В связи с этим необходимо изучение определения терроризма как на научном, так и обыденном уровнях. Проведенный анализ литературы свидетельствует о том, что терроризм – разностороннее явление, которое можно рассматривать как форму ведения современных войн, крайнюю степень экстремизма и социальных конфликтов. Его можно исследовать как особый вид деятельности и коммуникативного взаимодействия. Террористический акт можно изучать с позиции экстремальной ситуации, в результате пребывания в которой возникают различные по тяжести и длительности эмоциональные переживания. В связи с этим выделено пять подходов в изучении и определении терроризма.

© Батуева Е.Б., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

1. *Терроризм как форма деятельности.* Французский исследователь А. Котта отмечает, что «на протяжении жизни не более чем одного поколения терроризм из кустарного действия горстки анархистов-утопистов, мнивших себя революционерами или ясновидцами, превратился в современную форму социальной деятельности, вторгшуюся во все сферы жизни общества» [7, с. 56]. Терроризм проявляется в разных формах деятельности: политической, военной, экономической, преступной и т. д., «имеет свою психологическую структуру, исходит из определенных мотивов и направлена на достижение определенных целей» [9, с. 76–77; 14]. По мнению Б. Г. Чуркова, «психология и философия террористической деятельности имеет существенную специфику, иногда малопонятную, если исходить из общепринятых мотивационных и поведенческих стандартов» [16, с. 41].

2. *Терроризм как коммуникативная стратегия.* Самое важное в терроризме, по мнению К. Хиршмана, коммуникативная стратегия – террористы стремятся завоевать мышление граждан [15]. С помощью средств массовой коммуникации происходит многократное увеличение эффекта террористических актов: увеличивается количество пострадавших, привлекаются сторонники и сочувствующие, тем самым формируется необходимое для террористов общественное мнение, целью которого является давление на власть [11]. Развитие средств массовой коммуникации позволяет дистанционно осуществлять террористические акты, сохраняя анонимность их организаторов и т. д.

3. *Терроризм как форма войны.* Как военные, так и террористы преследуют цель не просто уничтожения противников и причинение максимально возможных разрушений, а «психологическое подавление воли противника к сопротивлению». С помощью терактов передается «определенное символическое послание, апеллирующее к большой аудитории» [6, с. 198; 17, с. 67]. По мнению А. И. Юрьева, когда «глобализация открыла техносферу как инструмент вооруженного нападения, стало ясно, что терроризм – это разновидность войны» [17, с. 65]. В современных условиях терроризм стал тем, чем была для Карла фон Клаузевица война – «актом насилия, имеющего целью заставить противника выполнить нашу волю, ... подлинным оружием политики, продолжением политических отношений, проведением их другими средствами» [5].

4. *Терроризм как форма конфликта.* Терроризм рассматривается исследователями как одна из наиболее агрессивных форм протестного и этнорелигиозного конфликта, одна «из крайних форм проявления современных конфликтов, как глобальная форма проявления конфликта цивилизаций» [2; 3, с. 163; 10]. При изучении взаимосвязи терроризма и конфликта необходимо иметь в виду, что терроризм может быть как причиной, так и следствием, сопутствующим фактором различных конфликтов.

5. *Терроризм как форма экстремизма.* В литературе часто встречаются определения терроризма как крайней степени проявления экстремизма: Ольшанский, 2002 г.; Паин, 2002 г.; Сорока, 2006 г.; Фетискин, Кондрат, Миронова, Шепелева, 2007 г.; Соснин, Нестик, 2008 г.; Куликов, Суслонов, 2018 г. и др. Именно экстремистские идеи во многом определяют масштабы, средства, методы и объекты террористической деятельности.

Террористический акт можно отнести к «экстремальным» или «кризисным» ситуациям, поскольку он выходит за рамки «повседневного человеческого опыта» [12, с. 15]. Именно характеристики экстремальности (например, неопределенность, внезапность) во многом способствуют возникновению после терактов различных психологических реакций и психических расстройств. Согласно результатам исследования Ю. В. Быхолец и Н. В. Тарабриной, в качестве стрессора выступают не только сами теракты, но и представления о нем [1].

В рамках диссертационного исследования проведено исследование ассоциаций, связанных с терроризмом, на молодежной выборке, в котором приняли участие 190 человек в возрасте от 18 до 25 лет. В результате сделаны следующие выводы.

1. Содержание понятия о терроризме объемно и включает в себя разнонаправленные оценки как самого явления, так и субъекта террористической активности. Характеристики терроризма тесно связаны с отношением к нему (табл. 1). На обыденном уровне преобладает идейно-ценностная (морально-нравственная) оценка терроризма: «террорист для одного человека является для другого борцом за независимость», «... не действие само по себе, а именно интерпретация этого действия как акта терроризма позволяет назвать его исполнителя террористом» [8, с. 31; 13, с. 37].

Таблица 1

Характеристики и отношение к терроризму

Характеристика терроризма	Отрицательная (негативная)	Терроризм	Война, убийство, конфликт, преступление; нападение, разбой, фанатизм; насилие; угроза; жестокость; агрессия, опасность грязь, зло, подлость, ложь, кровь; проблема
		Террорист	Звери; нелюди, тварь, грязь; жалкий; убийца, фанатик, нацисты; эгоист (эгоизм)
		Отношение	Бесчеловечно, безнравственно, аморально, осуждение; негативно, отрицательно, крайне (категорически) отрицательно; неприемлемо, не может быть оправдан, плохо
	Неоднозначная	Терроризм	Деятельность, цель, метод; средство, решение; точка зрения явление
		Террорист	Группа, люди, человек
		Отношение	Неоднозначное, неопределенное, нейтральное
	Оправдательная	Терроризм	Сила, выбор, выход способ, борьба, протест
		Террорист	Борец за справедливость, свободу, независимость; герой
		Отношение	Не осуждаю, положительное

Составлено автором по материалам исследования

2. Анализ представлений респондентов о причинах терроризма подтверждает комплексный характер мотивации терроризма на личностном, межличностном и общественном уровнях (табл. 2). При объяснении индивидуально-личностной мотивации террористов респонденты использовали диаметрально противоположные оценки: теракты совершают либо сильные, либо слабые, психически нездоровые люди. В качестве основных межличностных причин терроризма указаны отрицательные: перенесенные обиды и унижения, вина родителей и окружающих. Положительные и нейтральные личностные и социальные причины терроризма выявлены не были. На уровне общества, респонденты выделяют комплекс факторов, способствующих возникновению терроризма: отрицательные (несправедливость, политика, государство), нейтральные (власть, деньги, религия, экономика и идеология) и положительные (необходимость, стремление к справедливости и свободе) общественные причины. Вероятно, контрастные оценки причин терроризма связаны с тем, что респонденты не имеют четкого представления о террористах и имеют различный опыт переживания террористической угрозы [4].

Таблица 2

Мотивировки терроризма

Мотивировки терроризма (объяснение причин)	Отрицательное	Личностные причины (Террорист)	Неуверенный, зависимый, слабый (слабость), неудовлетворенный, психика (психически нездоровый, психически неустойчивый и т. д.)
		Межличностные причины (Люди)	Вина (родителей, окружающих в том, что человек стал террористом), унижение, обида
		Общественные причины	Политика, власть, государство, деньги, несправедливость
	Нейтральное	Личностные причины (Террорист)	-
		Межличностные причины (Люди)	-
		Общественные причины	Религия, экономика, идеология
	Положительное	Личностные причины (Террорист)	Сильный
		Межличностные причины (Люди)	-
		Общественные причины	Необходимость, справедливость, свобода, идея

Составлено автором по материалам исследования

3. Выделена группа ассоциаций, связанных с личностными, социальными и общественными последствиями терроризма (табл. 3). Наибольшее количество ассоциаций связано с отрицательными последствиями. На уровне личности они проявляются, например, в виде переживания страха, ненависти или неуверенности; на социальном уровне – смерти невинных людей; общественном – уничтожения, разрушения и разногласия в обществе. Часть респондентов оценивают последствия терактов менее эмоционально: объектами терактов являются население и общество, теракты вызывают интерес и непонимание. Тем не менее, у них отчетливо выражена потребность в безопасности, стремление к защите со стороны государства и правительства. Выявлено небольшое количество ассоциаций, связанных с положительными общественными и личностными последствиями терактов: терроризм – это свобода и справедливость, террорист может быть оправдан и прощен. Но, по мнению респондентов, терроризм не имеет положительных социальных последствий, что свидетельствует об однозначном осуждении применения терактов против мирного населения.

Таблица 3

Последствия терроризма

Последствия терроризма	Отрицательные	Личностные (переживания объекта терроризма)	Ужас (ужасно), страх, боязнь (боюсь), неуверенность, отчаяние, горе, боль, тревога, опасность, страдание, ненависть
		Социальные (другие объекты терроризма)	Смерть, гибель, пострадавшие, мирные, невинные, неповинные, дети, родные, близкие, жертва, кровь, несчастье, не заслужил, не застрахован
		Общественные	Уничтожение, разрушение, ущерб, вред, разногласия
	Нейтральные	Личностные (переживания объекта терроризма)	Не понимаю, интерес
		Социальные (другие объекты терроризма)	Человек, люди, население, заложник
		Общественные	Защитить, не допустить, наказание, государство, правительство, общество, управление, безопасность
	Положительные	Личностные (переживания объекта терроризма)	Может быть оправдан, может исправиться, прощение
		Социальные (другие объекты терроризма)	-
		Общественные	Свобода, справедливость

Составлено автором по материалам исследования

4. Ассоциации, включенные в группы «оценка терроризма» и «объяснение терроризма», больше связаны с субъектом террористической активности, а «последствия терроризма» – с объектом террористического воздействия.

5. Выделены эмоциональные, рациональные и ценностные составляющие отношения к терроризму. Эмоциональные составляющие отношения к терроризму проявляются в ассоциациях, связанных с характеристикой, мотивировкой и последствием терроризма. Это, например, слова: звери, жесткость, унижение, горе, страдание и ненависть. Рациональные составляющие отношения к терроризму проявляются в объяснении причин терроризма, например, терроризм – это деньги, экономика, власть, политика, решение, средство, метод. Ценностные составляющие отношения к терроризму проявляются главным образом в оценке террориста: например, террорист(ы) – нацист, нелюди или террорист – герой, борец за справедливость и свободу.

Таким образом, отсутствие единого определения понятия «терроризм» обусловлено многоаспектностью и исторической изменчивостью, эмоциональной насыщенностью данного феномена. Оценка терроризма во многом «... зависит от идейной, мировоззренческой позиции исследователя или принадлежности оценивающего или к субъекту или объекту терроризма» [13, с. 37]. В результате эмпирического исследования выявлено, что объяснения мотивов и последствий терроризма отличаются в зависимости от модальности оценки терроризма и субъекта террористической активности, отношение к терроризму различно. Выделены

эмоциональные, рациональные и ценностные составляющие отношения к терроризму. Полученные результаты подтверждают комплексный и разносторонний характер как самого явления терроризма, так и его мотивации, что проявляется как на быденном, так и научном уровнях.

Библиографический список

1. Быховец, Ю. В. Тарабрина, Н. В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: руководство. – М.: Институт психологии РАН, 2010. – 85 с.
2. Дмитриев, А. В. Социальный конфликт: общее и особенное. – М.: Гардарики, 2002. – 526 с.
3. Журавлев, А. Л., Соснин, В. А., Китова, Д. А. Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. – М.: Институт психологии РАН, 2018. – 412 с.
4. Знаков, В. В. «Психология понимания мира человека». – М.: Институт психологии РАН, 2016. – 488 с.
5. Клаузевиц, К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934 // Милитера. Военная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/index.html> (дата обращения: 05.03.2020).
6. Лежнина, О. А. Психология войны: смена мифологий // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Под ред. проф. М. М. Решетникова. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004. – С. 195-203.
7. Международный терроризм и право / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – С. 56-59.
8. Мохаддам, Ф. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. – М.: Форум, 2011. – 288 с.
9. Ольшанский, Д. В. Психология террора. – Екатеринбург: Деловая книга; М.: Академический Проспект, ОППД, 2002. – 320 с.
10. Природа этнорелигиозного терроризма / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 365 с.
11. Соболев, В. А. Государственно-политические основы противодействия терроризму // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. К 15-летию образования Совета Безопасности Российской Федерации. Вып. 4. – М.: Известия, 2007. – С. 103-113.
12. Солдатова, Г. У., Шайгерова, Л. А., Шляпников, В. Н. Психологические последствия террористического акта: Опыт Беслана // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 6. – С. 15-25.
13. Соснин, А. А., Нестик, Т. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 240 с.
14. Тхостов, А. Ш., Сурнов, К. Г. Мотивация террориста // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 1(2). – С. 27-32.
15. Хиршман, К. Меняющееся обличье терроризма // Международный терроризм и право; отв. ред. Ю. С. Пивоваров. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – С. 26-37.
16. Чурков, Б. Г. Мотивационные и идейные основания современного терроризма // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения и терроризм. – 1993. – Вып. 4. – С. 4-59.
17. Юрьев, А. И. Политическая психология терроризма // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора; под ред. проф. М. М. Решетникова. – СПб.: ВЕИП, 2004. – С. 64-87.

References

1. Bykhovets Yu. V., Tarabrina N. V. Psikhologicheskaya otsenka perezhivaniya terroristicheskoi ugrozy [*Psychological assessment of the experiencing the terrorist threat*]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 2010. 85 p.
2. Dmitriev A. V. Sotsial'nyi konflikt: obshchee i osobennoe [*Social conflict: general and special*]. Moscow, Gardariki, 2002. 526 p.
3. Zhuravlev A. L., Sosnin V. A., Kitova D. A. Problemy sotsial'nykh konfliktov v sovremennoi psikhologii: sushchnost', determinanty, regulirovanie [*Problems of social conflicts in modern psychology: essence, determinants, regulation*]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 2018. 412 p.
4. Znakov V. V. Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka [*Psychology of understanding the human world*]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 2016. 488 p.
5. Klauzavets K. O voine [*About the war*]. Moscow, Gosvoenizdat, 1934. Available at: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/index.html> (accessed 05.03.2020).
6. Lezhnina O. P. Psikhologiya voyny: smena mifologii [*Psychology of war: changing mythologies*]. Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora [*Psychology and psychopathology of terrorism. Humanitarian strategies of antiterror*]. Pod red. prof. M. M. Reshetnikova. St. Petersburg, Vostochno-Evropeiskii Institut psikhoanaliza, 2004, pp. 195-203.

7. Mezhdynarodnyi terrorizm i pravo [*International terrorism and law*]. Otv. red. Yu. S. Pivovarov. Moscow, INION RAN, 2004. Pp. 56-59.
8. Mokhaddam F. Terrorizm s tochki zreniya terroristov: chto oni perezhivayut i dumayut i pochemu obrashchayutsya k nasiliyu [*Terrorism from the terrorists' point of view: what they experience and why they turn to violence*]. Moscow, Forum, 2011. 288 p.
9. Ol'shanskii D. V. Psikhologiya terrora [*Psychology of terror*]. Ekaterinburg, Delovaya kniga; Moscow, Akademicheskii prospect, OPPL, 2002. 734 p.
10. Priroda etnoreligioznogo terrorizma [*The nature of ethno-religious terrorism*]. Pod red. Yu. M. Antonyana. Moscow, Aspekt Press, 2008. 365 p.
11. Sobolev V. A. Gosudarstvenno politicheskie osnovy protivodeistviya terrorizmu [*State-political bases of counter-terrorism*]. Nauchnye problemy natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. K 15-letiyu obrazovaniya Soveta Bezopasnosti Rossiskoi Federatsii [*Scientific problems of national security of the Russian Federation. To the 15th anniversary of the formation of the Security Council of the Russian Federation*]. Moscow, Izvestiya, 2007, I. 4, pp. 103-113.
12. Soldatova G. U., Shaigerova L. A., Shlyapnikov V. N. Psikhologicheskie posledstviya terroristicheskogo akta: Opyt Beslana [*Psychological consequences of terrorist act: Experience of Beslan*]. Voprosy psikhologii [*Voprosy Psikhologii*], 2008, vol. 29, no. 6, pp. 15-25.
13. Sosnin V. A., Nestik T. A. Sovremennyi terrorizm: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [*Modern terrorism: socio-psychological analysis*]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 2008. 238 p.
14. Tkhostov A. Sh., Surnov K. G. Motivatsiya terrorista [*Motivation of terrorist*]. Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [*National Psychological Journal*], 2007, no. 1 (2), pp. 27-32.
15. Hirshman K. Menyayushcheesya oblich'e terrorizma [*Changing face of terrorism*]. Mezhdynarodnyi terrorizm i pravo [*International terrorism and law*]. Otv. red. Yu. S. Pivovarov. Moscow, INION RAN, 2004. Pp. 25-37.
16. Churkov B. G. Motivatsionnye i ideinye osnovaniya sovremennogo terrorizma [*Motivational and ideological foundations of modern terrorism*]. Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tekhnologii razresheniya i terrorizm [*Social conflicts: expertise, forecasting, resolution technologies and terrorism*], 1993, I. 4, pp. 4-59.
17. Yur'ev A. I. Politicheskaya psikhologiya terrorizma [*Political psychology of terrorism*]. Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora [*Psychology and psychopathology of terrorism. Humanitarian strategies of antiterror*]. Pod red. prof. M. M. Reshetnikova. St. Petersburg, Vostochno-Evropeiskii Institut psikhoanaliza, 2004. Pp. 64-87.

Костина Лариса Александровна
канд. мед. наук, ФГБОУ ВО «Астраханский
государственный медицинский универси-
тет» Минздрава России,
г. Астрахань, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5283-4299
e-mail: kostina_agma@mail.ru

Сергеева Марина Анатольевна
канд. психол. наук, ФГБОУ ВО «Астрахан-
ский государственный медицинский уни-
верситет» Минздрава России,
г. Астрахань, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8549-6353
e-mail: mari-s2010@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна
канд. психол. наук, ФГБОУ ВО «Астрахан-
ский государственный медицинский уни-
верситет» Минздрава России,
г. Астрахань, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6749-8788
e-mail: andry75@list.ru

Кубекова Алия Салаватовна
ст. преп., ФГБОУ ВО «Астраханский
государственный медицинский универси-
тет» Минздрава России, г. Астрахань, Рос-
сийская Федерация
e-mail: alya_kubekova@mail
ORCID: 0000-0002-1647-8039

Kostina Larisa
Candidate of Medical Sciences,
Astrakhan State Medical University,
Astrakhan, Russia
ORCID: 0000-0002-5283-4299
e-mail: kostina_agma@mail.ru

Sergeeva Marina
Candiate of Psychological Sciences,
Astrakhan State Medical University,
Astrakhan, Russia
ORCID: 0000-0002-8549-6353
e-mail: mari-s2010@mail.ru

Smakhtina Tatyana
Candiate of Psychological Sciences,
Astrakhan State Medical University,
Astrakhan, Russia
ORCID: 0000-0002-8549-6353
e-mail: mari-s2010@mail.ru

Kubekova Aliya
Seniora lecturer, Astrakhan State Medical
University, Astrakhan, Russia
e-mail: alya_kubekova@mail
ORCID: 0000-0002-1647-8039

СОВМЕСТИМОСТЬ СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЫ ПО РОЛЕВЫМ ПОЗИЦИЯМ И СЕМЕЙНЫМ ЦЕННОСТЯМ КАК ФАКТОР УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СУПРУГОВ БРАКОМ

Аннотация. Представлены результаты исследований совместимости супружеской пары по ролевым позициям и семейным ценностям как фактора удовлетворенности супругов браком. В качестве методов исследования были использованы следующие психодиагностические методики: тест «Ролевые позиции в межличностных отношениях» по Э. Берну, опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (А. Н. Волкова), методика В. В. Столина «Тест-опросник удовлетворенности браком». В качестве методов статистического анализа применялся U-критерий Манна-Уитни для выявления значимых различий по всем параметрам у четырех сформированных групп. Установлено, что удовлетворенность браком напрямую зависит от совместимости брачных партнеров по ролевым позициям и семейным ценностям. Как следствие, в большей степени удовлетворены своими отношениями пары, в которых супруги совместимы по двум возможным факторам, тогда как в наименьшей степени браком удовлетворены супруги, ролевые позиции которых несовместимы и семейные ценности не являются согласованными. Полученные результаты можно использовать в практической деятельности психологов.

Ключевые слова: брак, брачные партнеры, психологическая совместимость, ролевые позиции, самореализация, семейные ценности, супружество, удовлетворенность браком.

Цитирование: Костина Л.А., Сергеева М.А., Смахтина Т.А., Кубекова А.С. Совместимость супружеской пары по ролевым позициям и семейным ценностям как фактор удовлетворенности супругов браком// Вестник университета. 2020. № 6. С. 179–185.

COMPATIBILITY OF A MARRIED COUPLE BY ROLE POSITIONS AND FAMILY VALUES AS A FACTOR IN THE SATISFACTION OF SPOUSES WITH MARRIAGE

Abstract. The results of research on the compatibility of a married couple by role positions and family values as a factor in the satisfaction of spouses with a marriage have been presented. The following psychodiagnostic methods were used as research methods: the test "Role positions in interpersonal relationship" by E. Burn, the questionnaire "Role expectations and claims in marriage" (A. N. Volkova), the method of V. Stolin "Test satisfaction survey marriage". As methods of statistical analysis, the Mann-Whitney U-test was used to identify significant differences in all parameters of the four formed groups. It was found that satisfaction with marriage directly depends on the compatibility of marriage partners in role positions and family values. As a consequence, couples in which the spouses are compatible on two possible factors are more satisfied with their relations, while spouses whose role positions are incompatible and family values are not agreed are least satisfied with the marriage. The obtained results can be used in the practical work of psychologists.

Keywords: family values, marriage, marriage partners, marriage satisfaction, matrimony, psychological compatibility, role positions, self-realization.

For citation: Kostina L.A., Sergeeva M.A., Smakhtina T.A., Kubekova A.S. (2020) Compatibility of a married couple by role positions and family values as a factor in the satisfaction of spouses with marriage. *Vestnik universiteta*. I. 6, pp. 179–185. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-6-179-185

Изучению семьи и супружеских отношений посвящена довольно обширная часть психологических исследований, во временном периоде – до середины 90-х гг. XX в. [8; 9]. В частности, характерен интерес к проблеме сходства и различия супругов в плане личностных характеристик, а также ролевых и ценностных ориентаций [1; 3]. Большое количество работ посвящено проблеме ориентаций супругов в сфере семейных ролей (Н. Н. Обозов, А. Н. Обозова и др.) [5].

А. Н. Волкова дает следующее определение совместимости: «Совместимость – это понятие для обозначения объективного соответствия свойств, взаимодействующих субъектов по отношению к объединяющей их деятельности» [7, с. 153]. Ю. Е. Алешина аналогично отмечает, что удовлетворенность браком является результатом «субъективной оценки каждым из супругов характера их взаимоотношений» [2, с. 15]. Все эти исследования объединены одной целью: изучить супружескую удовлетворенность браком и факторы, оказывающие влияние на уровень удовлетворенности браком, которые являются как осознаваемыми супругами, то есть усвоенными в ходе становления каждого из них как личности, так и неосознанными.

При исследовании различных подходов к трактовке данного явления, была обнаружена следующая проблемная ситуация: каждый автор формулирует понятие супружеской удовлетворенности браком, исходя из собственных профессиональных убеждений, теоретической подготовки и результатов практического изучения вопроса, соответственно, в психологии семьи и брака нет единого понятия, которое бы объективно и в полной мере отображало суть данного явления [10; 11]. Отечественные и зарубежные исследователи (Т. А. Гурко, Н. Глен, Дж. Медлинг, М. Маккери и др.) сделали ряд попыток обобщения и классификации факторов, влияющих на уровень удовлетворенности браком у семейных пар, но проведенный анализ литературных источников показал, что вопросы, относящиеся к изучению качества брака, а именно удовлетворенности супругов семейными отношениями, рассмотрены недостаточно широко [4; 6; 7]. Кроме того, учтены не все факторы, имеющие значение при исследовании этой проблемной области. Именно поэтому, в данной работе в качестве задачи исследования мы решили подробно рассмотреть влияние фактора совместимости супругов по ролевым позициям, описанных в теории Э. Берна, и согласованности семейных ценностей на степень удовлетворенности браком обоих супругов.

Цель исследования заключалась в изучении различий в удовлетворенности браком у супругов, совместимых по ролевым позициям и семейным ценностям.

В исследовании приняли участие 80 человек: супруги в возрасте от 35 до 55 лет, со стажем 15–30 лет совместной жизни, имеющие детей позднего подросткового (15–18 лет) и раннего взрослого (18–25 лет) возрастов. Такой диапазон был выбран с учетом результатов исследований Ю. Е. Алешиной, в которых установлено, что удовлетворенность браком зависит от стажа семейной жизни: кривая этой зависимости имеет U-образную форму. С начала существования семьи удовлетворенность браком постепенно снижается, достигая минимального значения в парах со стажем семейной жизни от 12 до 18 лет, затем возрастает, но уже более резко. Соответственно, отбирая для исследования супружеские пары, перешедшие данный кризисный порог, мы сможем получить более стабильную и ясную картину супружеской удовлетворенности браком, исключив влияние кризиса на семейную ситуацию и супружеские взаимоотношения. Согласно классификации Е. Г. Силяевой, указанный стаж семейной жизни относится к супружеству зрелого возраста, которое характеризуется большей устойчивостью и стабильностью, по сравнению с предыдущими этапами. В исследовании были использованы следующие методики: тест «Ролевые позиции в межличностных отношениях» по Э. Берну, опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (А. Н. Волкова), методика В. В. Столина «Тест-опросник удовлетворенности браком». Для статистической обработки данных мы использовали U-критерий Манна-Уитни, а также рассчитывали средние арифметические показатели выборки с помощью программы Microsoft Excel для Windows.

Как отмечено выше, для супружества зрелого возраста характерна большая, по сравнению с предыдущими этапами, стабильность и упорядоченность брака, следовательно, мы предположили, что в ходе столь длительного взаимодействия ведущие ролевые позиции каждого из супругов проявились достаточно отчетливо и могут быть выявлены при диагностике. Говоря о совместимости данных ролевых позиций, мы взяли за основу некоторые дополняющие трансакции. Исходя из характеристик каждой ролевой позиции, мы сделали вывод, что наиболее гармоничными и совместимыми будут пары, в которых партнеры чаще всего выступают из позиции «Взрослого» (+). Условно совместимыми могут также считаться пары с дополняющей

транзакцией «Родитель-Ребенок». Остальные комбинации ролевых позиций были отмечены нами как несовместимые (-). Совместимыми по семейным ценностям мы посчитали супругов, результаты которых были согласованы по каждой шкале (+). Как несовместимые по данному фактору (-) были отмечены супруги, имеющие какие-либо конфликтные области (разность общего балла мужа и жены = 3 и более).

На основании изложенных выше условий мы разбили 80 пар на 4 группы по 10 пар – 20 человек в группе, обозначив в таблице с помощью буквенной кодировки ведущую ролевую позицию с количеством полученных по ней баллов, а также конфликтные семейные ценности с числовым значением полученной разности. В группу № 1 (+) были отнесены пары, супруги в которых совместимы как по ролевым позициям, так и по семейным ценностям. Пары в группе № 2 (+-) совместимы по ролевым позициям и несовместимы по семейным ценностям. Группу № 3 (-+) составили пары, супруги в которых несовместимы по ролевым позициям, но совместимы по семейным ценностям. Наконец, в группу № 4 (-) мы отнесли супружеские пары, несовместимые по обоим факторам.

Сопоставив средние значения результатов теста «Ролевые позиции в межличностных отношениях» по Э. Берну, мы определили, к какой группе респондентов относится высший балл по каждой из ролевых позиций (табл. 1).

Таблица 1

Таблица средних значений ролевых позиций, семейных ценностей и удовлетворенности браком по группам

Показатель	Группа				Общий средний показатель
	1	2	3	4	
Д	41,1	35,3	38,5	43,85	39,69
В	55,05	48,9	47,7	48,7	50,09
Р	43,15	35,65	42,4	45,65	41,71
ИС	5,2	4,25	3,9	4,7	4,51
ЛИ	7,5	6,6	6,45	6,45	6,75
ХБ	5,9	5,8	6,15	6,03	5,97
РВ	7,6	7,1	6,53	7,15	7,09
СА	7,13	6,45	6,3	6,2	6,52
ЭП	7,28	6,85	6,23	6,58	6,73
ВП	6,28	5,53	5,38	5,23	5,6
Удовл. браком	40,4	35,75	36,4	32,55	36,28

Примечание 1: Д – Ребенок (Дитя); В – Взрослый; Р – Родитель (ролевые позиции по Э. Берну)

Примечание 2: ИС – интимно-сексуальная; ЛИ – личностная идентификация с супругом; ХБ – хозяйственно-бытовая; РВ – родительско-воспитательная; СА – социальная активность; ЭП – эмоционально-психотерапевтическая; ВП – внешняя привлекательность (семейные ценности по А. Н. Волковой)

Составлено авторами по материалам исследования

Наибольшее среднее значение по ролевой позиции «Ребенок» (43,85) отмечено у респондентов четвертой группы (несовместимых по обоим факторам). Высший балл (55,05) относится к группе респондентов № 1, в которой супруги совместимы как по ролевым позициям, так и по семейным ценностям. Наибольший балл по данному параметру (45,65) был отмечен в группе респондентов № 4, в которую входят пары, несовместимые ни по одному из факторов.

По результатам опросника А. Н. Волковой «Ролевые ожидания и притязания в браке» в группе № 1 высокие оценки (7–9 баллов) отмечены по таким шкалам, как «личностная идентификация с супругом», «родительско-воспитательная», «социальная активность» и «эмоционально-психотерапевтическая». Группы № 2 и № 4 также имеют высокие баллы по «родительско-воспитательной» шкале. Далее мы проанализировали средние значения групп по параметру «удовлетворенность браком», основываясь на результатах опросника В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко. По средним значениям теста-опросника мы можем сделать

вывод, что в большей степени удовлетворены браком пары из первой группы, в которых супруги совместимы как по ролевым позициям, так и по семейным ценностям. Меньший балл у четвертой группы, в которой супруги несовместимы ни по одному из факторов. Далее, в качестве метода математической статистики мы применили *U*-критерий Манна-Уитни для выявления достоверных значимых различий между группами. Данные значимых различий между супругами, совместимыми по обоим факторам, и супругами, совместимыми только по ролевым позициям представлены в таблице 2.

Таблица 2

Значимые различия в группах (+ и +-)

Показатель	Среднее значение по группе				Уровень значимости различий по критерию Манна-Уитни
	1	2	3	4	
Д	41,1	35,3	38,5	43,85	0,04
Р	43,15	35,65	42,4	45,65	0,03
ИС	5,2	4,25	3,9	4,7	0,043
РВ	7,6	7,1	6,53	7,15	0,012
ЭП	7,28	6,85	6,23	6,58	0,033
В	55,05	48,9	47,7	48,7	0,043
СА	7,13	6,45	6,3	6,2	0,04
Удовл. браком	40,4	35,75	36,4	32,55	0,02

Примечание 1: Д – Ребенок (Дитя); В – Взрослый; Р – Родитель (ролевые позиции по Э. Берну)

Примечание 2: ИС – интимно-сексуальная; РВ – родительско-воспитательная; ЭП – эмоционально-психотерапевтическая; СА – социальная активность; (семейные ценности по А. Н. Волковой)

Составлено авторами по материалам исследования

Из результатов следует, что пары, совместимые по обоим факторам, более ярко обозначают свои ролевые позиции как «Ребенка (Дитя)», так и «Родителя». Делая выбор и проставляя баллы по мере прохождения диагностического теста, они проявили большую осознанность в ответах, что, как мы можем предположить, проистекает из более ясного представления о себе как личности, чем вторая группа, в которой пары совместимы только по первому фактору, ролевые позиции участников которой определены менее четко.

Пары, совместимые по обоим факторам, в сравнении с парами, совместимыми только по семейным ценностям, склонны в большей степени оценивать свой брак как удовлетворительный. Помимо этого, пары из первой группы склонны считать сексуальную гармонию достаточно важным условием супружеского счастья и уделяют большое внимание своей интимной жизни, чем пары из третьей группы, которые склонны недооценивать сексуальные отношения в браке. Также для пар из первой группы большой значимостью обладают их родительские обязанности, ценность воспитания детей, тогда как супруги из третьей группы не ставят воспитание детей своим главным приоритетом. Кроме того, супруги, совместимые по обоим факторам, ориентированы на брак, как на среду, где они могут в полной мере получить моральную и эмоциональную поддержку, тогда как у пар из третьей группы этот параметр представлен в гораздо меньшей степени. Параметр «удовлетворенность браком» у первой и второй групп значимых различий не имеет, тогда как в сравнении первой группы с третьей, супруги, совместимые по обоим факторам, удовлетворены браком в большей степени, чем супруги, совместимые только по семейным ценностям. Следовательно, мы можем сделать косвенный вывод о том, что совместимость по ролевым позициям в большей степени влияет на удовлетворенность браком, чем совместимость по семейным ценностям.

Показатель «Взрослый» у супругов из первой группы более выражен, нежели у супругов из четвертой группы. Кроме того, удовлетворенность браком выше у пар, совместимых по обоим факторам, чем у супругов, несовместимых ни по одному из двух факторов. Следовательно, мы можем предполагать, что супруги, чаще всего выступающие из позиции «Взрослого», то есть ориентированные

на конструктивное взаимодействие и открытое общение, адекватное разрешение возникающих конфликтов и продуктивное планирование деятельности семьи, в целом более удовлетворены своими отношениями с партнером, чем супруги, выстраивающие контакт из другой ролевой позиции. Помимо перечисленного выше, между совместимыми и несовместимыми парами были выявлены значимые различия по параметру «социальная активность». Мы можем сказать, что профессиональные и общественные достижения являются одним из приоритетов супругов, относящихся к первой группе. Они склонны считать, что для общей гармонии супружеской жизни как они сами, так и их брачный партнер должны иметь серьезные профессиональные интересы и полностью реализовать свой потенциал не только в браке, но и общественной жизни, тогда как пары из четвертой группы в меньшей степени считают, что профессиональные достижения смогут оказать положительное влияние на их супружескую жизнь.

Супруги, совместимые по семейным ценностям, в большей степени выступают в коммуникации из позиции «Родителя», что может приводить к излишнему морализаторству, снабжением супруга «родительскими» указаниями, которые могут привести к антипатии брачных партнеров, накоплению негативных эмоций и, соответственно, оценке собственного брака как менее гармоничного, в сравнении с парами, совместимыми по ролевым позициям.

Супруги, несовместимые по обоим факторам, по сравнению с супругами из группы № 2, чаще выступают в коммуникации с партнером из деструктивных позиций «Ребенка» и «Родителя».

Пары «Родитель-Ребенок» мы посчитали условно совместимыми, таких пар в выборке две, и обе относятся к первой группе, так как имеется совместимость супругов еще и по семейным ценностям, следовательно, в четвертой группе преобладают пары «Родитель-Взрослый» и «Ребенок-Взрослый». Проблемами коммуникации между партнерами предположительно становятся чрезмерная критика и стремление к власти и контролю, с одной стороны, и безответственное поведение, включающее полное подчинение партнеру – с другой. Стабилизаторами в таких парах будут выступать «Взрослые» супруги, умеющие сбалансировать семейную атмосферу и подстроиться под партнера. Учитывая то, что в четвертой группе удовлетворенность браком имеет самые низкие значения, мы можем предположить, что такая семейная ситуация является дисфункциональной и весьма конфликтной, так как потребности «подстраивающегося» супруга все время отодвигаются на второй план. Соответственно, имеет место рост недовольства и накопление негативных эмоций, которые в свою очередь приводят к оценке брака, как неудовлетворительного. Наконец, в ходе статистического анализа данных значимые различия между супругами, совместимыми по семейным ценностям, и супругами, не совместимыми по обоим факторам выявлены не были. Тем самым мы можем предположить, что на уровень удовлетворенности браком совместимость по семейным ценностям оказывает довольно малое влияние, так как различий по данному параметру, по сравнению с несовместимыми парами, выявлено не было.

Результаты эмпирического исследования подтвердили наши гипотезы. Качественный и количественный анализ данных показал, что в большей степени удовлетворены браком пары, в которых супруги совместимы по двум возможным факторам, тогда как в наименьшей степени браком удовлетворены супруги, ролевые позиции которых несовместимы, и семейные ценности не являются согласованными. Помимо этого, не обнаружив значимых различий в удовлетворенности браком у пар, совместимых по обоим факторам и пар, совместимых по ролевым позициям, учитывая также отсутствие значимых различий по данному параметру у пар, совместимых по семейным ценностям, и несовместимых ни по одному из факторов, мы сделали вывод о том, что совместимость ролевых позиций играет более значимую роль в оценке супругами брака, как удовлетворяющего их потребности, нежели совместимость по семейным ценностям. Итоги исследования подтвердили значимость в брачных взаимоотношениях совместимости супругов по ролевым позициям и согласованности их семейных ценностей.

В связи с этим мы считаем уместной своевременную диагностику потенциальных супругов в добрачном периоде на предмет совместимости по данным двум факторам, в качестве раннего выявления проблемных областей и их своевременной коррекции, либо учета в дальнейшей супружеской жизни. Соответственно, даже при выявлении у будущих супругов несовместимости по какому-либо изученному нами фактору, мы сможем грамотно и обоснованно информировать их о личностных особенностях партнера и совместно обсудить наиболее гармоничный способ взаимодействия, а также по возможности

рекомендовать им прохождение курса совместных консультаций или тренингов для улучшения коммуникативных навыков, умений продуктивно разрешать конфликтные ситуации. На наш взгляд, подобная практика возможных супружеских конфликтов и их негативных последствий может дать свои плоды в виде повышения уровня субъективной удовлетворенности браком у молодых пар.

Библиографический список

1. Айвазова, Д. Г. Методические особенности исследования удовлетворенности брачными отношениями // Социальная психология. – 2014. – № 51. – С. 148-155.
2. Алешина, Ю. Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. М., 1945. 263 с.
3. Араканцева, Т. А. Исследование взаимосвязи некоторых психологических параметров супружеских отношений и гендерных характеристик супругов // Актуальные проблемы психологического знания. – 2014. – № 3 (32). – С. 108-115.
4. Балашова, Т. Б. Влияние личностных особенностей партнеров на отдельные характеристики взаимодействия в супружеской паре // Актуальные проблемы психологического знания. – М., 2012. – № 1 (22). – С. 56-63.
5. Бенькова, О. А. Ролевые установки и семейные ценности супругов в семьях разного типа // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 7. – С. 123-131.
6. Берн, Э. Трансакционный анализ в психотерапии. – Изд.: Эксмо, 2015. – 368 с.
7. Волкова, А. Н. Социально-психологические факторы супружеской совместимости // Дисс... канд. психол. наук. – СПб., 2001. – 236 с.
8. Сухобская, Г. С. Понятие «Зрелость социально-педагогического развития человека» в контексте андрагогики. – Новые знания. – 2002. – № 4. – С. 17-20.
9. Сычев, О. А. Супружеская атрибуция как фактор удовлетворенности отношениями в парах с различным стажем семейной жизни. – СПЖ. – 2016. – № 59. – С. 172-187.
10. Шамова, О. А. Влияние ценностных ориентаций супругов с разным стажем на удовлетворенность в браке // МПСУ Сборник тезисов XI Научно-практической конференции. – Москва, 2013. – С. 41-44.
11. Шнейдер, Л. Б. Семейная психология. Антология. – Изд.: Академический проект, 2010. – 720 с.

References

1. Aivazova D. G. Metodicheskie osobennosti issledovaniya udovletvoryonnosti brachnymi otnosheniyami [*Methodological features of the study of satisfaction with marriage relations*]. SPZh. Sotsial'naya psikhologiya [*Siberian Journal of Psychology. Social Psychology*], 2014, no. 51, pp. 148-155.
2. Aleshina Yu. E. Udovletvorennost' brakom i mezhlichnostnoe vospriyatie v supruzheskikh parakh s razlichnym stazhem sovmestnoi zhizni [*Satisfaction with marriage and interpersonal perception in married couples with different lengths of life together*]: dis. ... kand. psikh. nauk: 19.00.05. Moscow, 1945. 263 p.
3. Arakantseva T. A. Issledovanie vzaimosvyazi nekotorykh psikhologicheskikh parametrov supruzheskikh otnoshenii i gendernykh kharakteristik suprugov [*Investigation of the relationship of some psychological parameters of marital relations and gender characteristics of spouses*]. MPSU Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya, Moscow, 2014, pp. 108-115.
4. Balashova T. B. Vliyanie lichnostnykh osobennostei partnerov na otel'nye kharakteristiki vzaimodeistviya v supruzheskoi pare [*Influence of personal characteristics of partners on individual characteristics of interaction in a married couple*]. RAO MPSU Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. Moscow, 2012, no. 1 (22), pp. 56-63.
5. Ben'kova, O. A. Rolevy ustanovki i semeinye tsennosti suprugov v sem'yakh raznogo tipa [*Role attitudes and family values of spouses in different types of families*]. Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera [*Collections of conferences of Science Publishing Centre Sociosphere*], 2011, no. 7, pp. 123-131.
6. Byorn E. Transaktsionnyi analiz v psikhoterapii [*Transactional analysis in psychotherapy*]. Eksmo, 2015. 368 p.
7. Volkova A. N. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory supruzheskoi sovmestimosti [*Socio-psychological factors of marital compatibility*]: dis... kand. psikh. nauk: 19.00.05. St. Petersburg, 2001. 236 p.
8. Sukhobskaya G. S. Ponyatie "zrelost' sotsial'no-pedagogicheskogo razvitiya cheloveka" v kontekste andragogiki [*Concept of "maturity of the socio-pedagogical development of human" in the context of andragogy*]. Novye znaniya [*New knowledge*], 2002, no 4, pp.17-20.

9. Sychev O. A. Supruzheskaya atributsiya kak faktor udovletvorennosti otnosheniyami v parakh s razlichnym stazhem semeinoi zhizni [*Marital attribution as a factor of satisfaction with relationships in couples with different lengths of family life*]. SPZh [Siberian Journal of Psychology], 2016, no 59, pp. 172-187.
10. Shamova O. A. Vliyanie tsennostnykh orientatsii suprugov s raznym stazhem na udovletvorennost' v brake [*Influence of value orientations of spouses with different experience on satisfaction in marriage*]. MPSU Sbornik tezisov XI Nauchno-prakticheskoi konferentsii [MPSU Abstracts of the XI Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2013, pp. 41-44.
11. Shneider L. B. Semeinaya psikhologiya. Antologiya [*Family psychology. Anthology*]. Izd. Akademicheskii proekt, 2010. 720 p.

Румянцева Ирина Анатольевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7752-8493

e-mail: rumyantseva@mail.ru

Кротенко Татьяна Юрьевна
канд. филос. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7029-0822

e-mail: krotenkotatiana@rambler.ru

Жернакова Марина Борисовна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-1738-3776

e-mail: mzhernakova@yandex.ru

Rumyantseva Irina
Candidate of Economic Sciences,
State University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7752-8493

e-mail: rumyantseva@mail.ru

Krotenko Tatyana
Candidate of Philosophical Sciences,
State University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7029-0822

e-mail: krotenkotatiana@rambler.ru

Zhernakova Marina
Candidate of Economic Sciences,
associate professor, State University
of Management

ORCID: 0000-0003-1738-3776

e-mail: mzhernakova@yandex.ru

ОЦЕНКА МОТИВАЦИИ И ДЕМОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ В КАЧЕСТВЕ ПАРАМЕТРОВ МОДЕЛИ «ЦИФРОВОЙ ДВОЙНИК ОРГАНИЗАЦИИ»

Аннотация. «Цифровой двойник» – в последнее время стремительно развивающаяся технология. Сам термин «цифровой двойник» появился давно. Более тридцати лет цифровые двойники как виртуальные представители реальных объектов используются, в частности, в космической сфере. Однако широкую известность приобрела эта технология в пору начала процессов цифровизации с целью активизации функционирования и развития бизнеса. В статье исследована возможность применения ресурсной модели «Цифровой двойник организации» для описания поведения человека в конкретных ситуациях. Вероятность выбора того или иного действия определяется из множества альтернатив, исходя из оценки значимости воспринимаемых стимулов и ограничений. При прогнозировании человеческого поведения наряду с внешними стимулами следует учитывать также и внутренние мотивы поступков и действий.

Ключевые слова: действие, демотивация, модели поведения, мотивация, поведение, ресурсная модель, цифровое копирование, цифровой двойник организации.

Цитирование: Румянцева И.А., Кротенко Т.Ю., Жернакова М.Б. Оценка мотивации и демотивации сотрудников в качестве параметров модели «цифровой двойник организации» // Вестник университета. 2020. № 6. С. 186–190.

ASSESSMENT OF EMPLOYEE MOTIVATION AND DEMOTIVATION AS PARAMETERS OF THE “DIGITAL TWIN OF AN ORGANIZATION'S MODEL”

Abstract. “Digital double” is a rapidly developing technology in recent years. The term “digital double” appeared a long time ago. For more than thirty years, digital doubles, as virtual representatives of real objects, have been used, in particular, in the space sphere. However, this technology became widely known at the time of the beginning of digitalization processes in order to activate the functioning and development of business. The article explores the possibility of using the resource model “Digital twin of an organization” to describe human behavior in specific situations. The probability of choosing an action is determined from a variety of alternatives, based on an assessment of the significance of perceived incentives and restrictions. When predicting human behavior, along with external incentives, internal motives for actions and actions should also be taken into account.

Keywords: action, behavior, behavior models, demotivation, digital copying, digital counterpart of the organization, motivation, resource model.

For citation: Rumyantseva I.A., Krotenko T.Yu., Zhernakova M.B. (2020) Assessment of employee motivation and demotivation as parameters of the “digital twin of an organization's model”. *Vestnik universiteta*. I. 6, pp. 186–190. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-6-186-190

«Цифровой двойник» – программный продукт, создаваемый на базе самых точных исторических и актуальных данных о работе реального предприятия с полным копированием физических характеристик объекта. Эта имитационная модель позволяет проектировать различные производственные ситуации, которые реальное предприятие может «проживать» с минимальными рисками и издержками. Возможность выбора оптимального сценария или технико-технологического решения минимизирует вероятные сбои, увеличивает срок жизни продукта, улучшает его характеристики. Оптимизация качеств реального объекта может происходить через регулярный контроль над показателями и своевременно выполненными необходимыми изменений.

Цифровой профиль содержит все данные о физическом объекте на разных этапах его жизненного цикла. Точная информация о производительности предприятия – результат анализа собранных данных. Если вносить

© Румянцева И.А., Кротенко Т.Ю., Жернакова М.Б., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

в имитационную модель набор параметров целевого (желаемого, необходимого и достаточного) состояния объекта, она может наглядно демонстрировать отклонения в ходе деятельности, что позволит своевременно осуществлять корректировки в исходное состояние предприятия для эффективного достижения целей.

Мы попробовали несколько иначе взглянуть на имитационную модель, уточнив при этом понимание ресурсов.

Разрабатываемая в настоящее время модель «Цифровой двойник организации» на кафедре корпоративного управления доктором экономических наук М. В. Самосудовым опирается на совокупность понятийных, логических и математических построений, описывающих деятельность участников корпоративных отношений с точки зрения ресурсного подхода.

Расчет параметра, описывающего поведение сотрудника в конкретной ситуации, осуществляется в виде вектора поведения, содержащего вероятности совершения альтернативных действий. Действия, в свою очередь, обусловлены ситуацией и восприятием человека, но не являются жестко детерминированными. Случайность, всегда остающаяся из-за невозможности учета абсолютно всех факторов, которые могут воздействовать на поведение человека, заставляет работать с вероятностями выбора действий, а не с однозначно детерминированным действием. Вероятность выбора каждого возможного действия определяется из множества альтернативных действий, исходя из оценки значимости воспринимаемых работником стимулов и ограничений.

В качестве стимулов конкретного действия разрабатываемая ресурсная модель рассматривает предполагаемые к получению в результате действия ресурсы, а в качестве ограничений – предположительно теряемые в результате действия ресурсы. Модель предполагает рассмотрение механизма влияния воспринимаемой информации на поведение сотрудника. Сотрудник анализирует эту информацию с точки зрения наличия в ней стимулов и ограничений к конкретным действиям и отказу от действий, а также с точки зрения расширения или сужения самого множества действий, возможных в складывающейся ситуации.

Разрабатывая имеющуюся модель, следует уточнить понимание ресурсов, которые может получать и терять сотрудник, выбрав в качестве наиболее вероятного конкретное действие. Например, получаемым ресурсом в случае выбора действия № 1 может быть удовлетворенность работника, то есть не внешнее вознаграждение или стимул к выбору действия в терминах модели, а внутреннее состояние человека – мотив, который мы определяем в данном случае как внутреннюю побудительную причину к конкретному действию. В качестве теряемого ресурса в случае выбора действия № 2 может стать недовольство сотрудника уменьшением пространства творческой свободы (ограничение к выбору действия, в терминах модели), что также является внутренним состоянием человека и фактором его демотивации. При таком понимании ресурсов становится возможным учитывать в модели наряду с внешними стимулами внутренние мотивы, вытекающие из структуры доминирующих потребностей сотрудников, а также факторы-демотиваторы.

Задача исследования конкретной управленческой ситуации (например, расчет вероятности коррупционного поведения для конкретной организации, вероятности сопротивления в ответ на организационные преобразования или вероятности конфликта вследствие делегирования полномочий и т. д.) с помощью разрабатываемой модели учета ресурсов делится на два направления:

- оценка параметров модели, связанных с ресурсами, внешними по отношению к индивидууму;
- оценка параметров модели, связанных с внутренними по отношению к индивидууму ресурсами, психическими по своему содержанию. В этом направлении оценивают индивидуальные значимости предполагаемых к получению ресурсов, то есть мотивационных (стимулирующих выбор рассматриваемого действия), и ресурсов, предполагаемых в качестве теряемых, то есть демотивационных (ограничивающих выбор рассматриваемого действия).

Для каждого из направлений необходимо в первую очередь решение задач описания: выбранной для исследования ситуации с детальной характеристикой важнейших угроз (коррупционной, сопротивленческой, конфликтной и т. д.); множества возможных, с точки зрения имеющегося опыта, действий и бездействий сотрудника [8].

Для первого направления необходимо решение задач, связанных с подготовкой подходящего диагностического инструментария, в том числе необходима разработка:

- выделения актуальных для ситуации сигналов из общего информационного потока (контент-анализ по ключевым словосочетаниям, включая различные иносказания);
- оценки воздействия информационного сигнала, включая имеющийся опыт и особенности восприятия, накапливающийся эффект и другие факторы;

- расчета частоты и интенсивности компенсирующего воздействия;
- методики проектирования компенсирующего информационного потока.

Задачи второго направления также связаны с разработкой необходимых средств оценки. Здесь необходимо создание методик:

- оценки внутренних для индивидуума стимулов-регуляторов мотивов. Такими стимулами-регуляторами мотивов являются ценности этические, общекультурные, ценности того социального слоя, к которому он принадлежит, ценности организационной культуры и субкультур рассматриваемой организации [6; 7]. В окончательном, наиболее полном варианте, методика должна рассматривать и оценивать как имеющийся «идеал» – совокупность действий, соответствующих этим ценностям, так и «антиидеал» – совокупность действий, соответствующих личным интересам и тем субкультурам, которые в своих ценностях противоречат нравственным нормам, но которые также оказывают воздействие на вероятность выбора действия;
- оценки внутренних ограничивающих ресурсов (внутренних тормозящих мотивов и факторов-демотиваторов) каждого конкретного сотрудника, расчет действий которого будет осуществляться на основе разрабатываемой модели. В качестве тормозящих мотивов может выступать и обычный мотив, имеющий противоположную данному действию направленность.

После разработки (возможно параллельно) всех необходимых диагностирующих инструментов – методик оценок, необходимо провести работу по конкретизации функции, выражающей зависимость между вероятностью выбора конкретного действия и стимулами/ограничениями, значения которых будут получены в результате применения методик.

Для разработки авторских диагностических инструментов оценки внутренних ресурсов человека имеет смысл рассмотреть ряд существующих и проверенных с точки зрения валидности и надежности опросников и анкет. Для оценки внутренних мотивов существует ряд инструментов, например, опросник MSI Д. Барбута и Р. Сколла, в котором внимание сосредоточено на источниках мотивации как основных внутриличностных образованиях. В нем выделены следующие источники:

- внутренние психологические процессы: потребность получать удовольствие от процессов деятельности;
- инструментальная мотивация: потребность получения реальных материальных внешних вознаграждений, таких как плата, премии и т. п.;
- потребность признания и уважения, принятия и поддержания своих черт, компетентности и ценностей со стороны других индивидуумов или референтной группы;
- потребность самоуважения: желание отвечать собственным нормам и стандартам личностных черт, компетентности и ценностей;
- внутренне принятые цели: желание достигать целей, соответствующих присвоенным, ставшим внутренними ценностям.

Достоинство методики – небольшой объем опросника, сравнительная простота обработки. Недостаток – небольшая глубина анализа, не выявляются стимулы-регуляторы мотивации.

В качестве оценочной методики также можно использовать, например, мотивационный профиль личности Ш. Ричи, П. Мартин [5]. По мнению этих психологов, понимающих сущность мотивации как удовлетворение потребностей человека в процессе профессиональной деятельности, можно в рабочем порядке выделить двенадцать базовых потребностей сотрудника из бесчисленного множества возможных. Безусловно, у разных людей они могут выражаться с различной интенсивностью: кому-то существенно, чтобы работа предоставляла возможность личностного роста, другому важна возможность достижения приличного статуса, третьему требуется достижение власти над другими, четвертый стремится к разнообразию в работе и т. д. Ш. Ричи, П. Мартин сконструировали тест для выявления индивидуального набора и сочетания максимально и минимально значимых для субъекта потребностей. Этот комплекс и был назван мотивационным профилем с графической визуализацией для конкретного сотрудника.

Методика мотивационной структуры личности В. Э. Мильман позволяет диагностировать мотивационный («рабочий») и эмоциональный («жизненный») профили личности [4]. Другими словами, выявляются некоторые устойчивые тенденции личности. Например, общая и творческая активность, общительность, желание комфорта, стремление к приличному социальному статусу и др. Респонденту предлагается высказать свое отношение к четырнадцати утверждениям. Для этого выбрать из восьми вариантов ответов, касающихся

образа жизни, жизненных установок, стремлений, желаний, те утверждения, которые наиболее подходят лично для него. Затем создаются мотивационные профили – графики со шкалами по горизонтали и вертикали. Делаются выводы о выраженности «рабочего» или «жизневого» мотивационного профиля личности.

Еще одна диагностическая методика – опросник личностной ориентации Э. Шострома (Personal Orientation Inventory), созданный в 1963 г. (краткая форма – модификация А. Джоунс и Р. Крэдалл, либо адаптированный вариант опросника Э. Шострома, разработанный в МГУ М. Крозом под руководством Л. Я. Гозмана), и в основе которого лежат идеи самоактуализации А. Маслоу и других теоретиков экзистенциально-гуманистического направления в психологии. Этот опросник направлен на выявление различных установок и отношений человека к миру, другим людям, самому себе. Шкалы этого инструмента характеризуют основные сферы самоактуализации.

Эта группа методик имеет ряд достоинств: разработаны специально для выявления диапазона факторов мотивации, как тех, которые высоко оцениваются работниками, так и факторов, которым сотрудники придают малое значение как источникам удовлетворения. Однако при этом данная группа методик обладает серьезными недостатками: им присуща большая трудоемкость при прохождении оценки, сложность и трудоемкость дальнейшей обработки.

Диагностирующий опросник Т. Н. Францевой разработан, чтобы проводить комплексную диагностику доминирующих мотивов профессиональной деятельности и определять источники, стимулы-регуляторы мотивов. Этих стимулов по данному опроснику определяется пять – ценностная регуляция, эмоциональная регуляция, социальная, волевая и информационная регуляции. На начальном этапе разработки модели представляется возможным использовать данный опросник [2].

Следующим шагом в разработке модели является определение ограничителей выбора определенных действий. По сущности понятия эти ограничители представляются весьма близкими к демотиваторам, однако ими не ограничиваются. Например, факторы выгорания также ограничивают вероятность выбора работником необходимых действий, склоняя человека к отказу от действия – бездействию. Поэтому они также должны быть включены в систему оценочных параметров [3].

Для оценки выгорания у сотрудников подходит опросник К. Маслач и С. Джексона. Например, его модифицированная версия – опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» был разработан на основе трехфакторной модели К. Маслач и С. Джексона и адаптирован Н. Водопьяновой, Е. Старченковой [1]. Методика предназначена для диагностики «эмоционального истощения», «деперсонализации» и «профессиональных достижений». Тест содержит двадцать два утверждения о чувствах и переживаниях, связанных с выполнением рабочей деятельности.

По мнению авторов, возникает дополнительная исследовательская задача приведения полученных по разным опросникам результатов к взаимно-соизмеримым результатам для применения в модели.

Библиографический список

1. Водопьянова, Н. Е., Старченкова, Е. С. Синдром выгорания. – СПб.: Питер, 2008. – С. 258.
2. Журавлева, Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – С. 335.
3. Лозинская, Е. И., Лутова, Н. Б., Вид, В. Д. Системный индекс синдрома перегорания. СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2007. – С. 19.
4. Мильман, В. Э. Мотивационный профиль личности: Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. – М.: МГУ, 1990. – С. 9.
5. Ричи, Ш., Мартин, П. Управление мотивацией: учеб. пособие для вузов / Пер. с англ., под ред. Е. А. Климова. – М.: Юнити-Дана, 2004. – 399 с.
6. Румянцева, И. А. Антикризисные коммуникационные компетенции // Управление. – 2016. – Т. 4, № 4. – С. 99-103.
7. Румянцев, М. А., Румянцева, И. А. Экономико-управленческие технологии как потенциал роста // Управление. – 2014. – № 2(4). – С. 41-45.
8. Сундукова, Г. М. Инновационный подход к управлению интеллектуальным капиталом вуза // Управление. – 2017. – № 5 (1). – С. 80-87.

References

1. Vodop'yanova N. E., Starchenkova E. S. Sindrom vygoraniya [*Burnout syndrome*]. St. Petersburg, Piter, 2008. 258 p.
2. Zhuravleva N. A. Dinamika tsennostnykh orientatsii lichnosti v rossiiskom obshchestve. [*Dynamics of value orientations of personality in Russian society*]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 2006. 335 p.
3. Lozinskaya E. I., Lutova N. B., Vid V. D. Sistemnyi indeks sindroma peregoraniya [*System index of burnout syndrome*]. St. Petersburg, NIPNI im. Bekhtereva, 2007. 19 p.
4. Mil'man V. E. Motivatsionnyi profil' lichnosti: Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii [*Motivational personality profile: Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation*]. Moscow, MGU, 1990. 9 p.
5. Richi Sh., Martin P. Upravlenie motivatsiei: Ucheb. posobie dlya vuzov. [*Motivation management: Textbook for higher education institutions*]. Per. s angl, pod red. E. A. Klimova. Moscow, Yuniti-Dana, 2004. 399 p.
6. Rumyantseva I. A. Antikrizisnye kommunikatsionnye kompetentsii [*Anti-crisis communication competencies*]. Upravlenie, 2016, no. 4 (4), pp. 99-103.
7. Rumyantsev M. A., Rumyantseva I. A. Ekonomiko-upravlencheskie tekhnologii kak potentsial rosta. [*Economic and management technologies as a growth potential*]. Upravlenie, 2014, no. 2 (4), pp. 41-45.
8. Sundukova G. M. Innovatsionnyi podkhod k upravleniyu intellektual'nym kapitalom vuza [*Innovative approach to managing the University's intellectual capital*]. Upravlenie, 2017, no. 5 (1), pp. 80-87.

Салчак Ая Михайловна
аспирант, ФГБОУ ВО «Тувинский
государственный университет»,
г. Кызыл, Республика Тыва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7593-2254
e-mail: aika_kuular@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА ОТЦА У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

Аннотация. Изложены результаты эмпирического исследования образа отца у старших подростков, проживающих на территории Республики Тыва. Наше исследование посвящено образу отца в Республике Тыва. Противоречия психических механизмов образа отца в настоящее время меняются от традиционного образа как мужчины и как родителя. В статье представлены результаты эмпирического исследования образа отца у старших подростков 15–16 лет из полных и неполных семей разного типа. В исследовании использовалась методика «Структура образа человека (иерархическая)» В. Л. Ситникова. Данная методика позволила выявить структуру образа отца у подростков из полных и неполных семей разного типа в Республике Тыва.

Ключевые слова: девочки, мальчики, образ отца, осиротевшие семьи, подростковый возраст, полные семьи, разведенные семьи, социальная перцепция, структура образа.

Цитирование: Салчак А.М. Отражение образа отца у старших подростков в Республике Тыва//Вестник университета. 2020. № 6. С. 191–196.

Salchak Aya
Postgraduate Student, Tuva
state University, Kyzyl, Republic
of Tyva, Russia
ORCID: 0000-0002-7593-2254
e-mail: aika_kuular@mail.ru

REFLECTION OF THE IMAGE OF THE FATHER IN OLDER TEENAGERS IN THE REPUBLIC OF TYVA

Abstract. The results of an empirical study of the image of the father in older adolescents living in the territory of the Republic of Tyva have been outlined. Our research is devoted to the image of the father in the Republic of Tyva. The contradictions of the mental mechanisms of the image of the father are currently changing from the traditional image of the father as a man and as a parent. The results of an empirical study of the image of the father in older adolescents 15–16 years of age from full and incomplete families of different types have been presented in the article. During the study V. L. Sitnikov's Human Image Structure (Hierarchical) method was used. This method allows you to identify the structure of the image of the father in adolescents from full and incomplete families of different types in the Republic of Tyva.

Keywords: adolescence, boys, divorced family, father image, full family, girls, orphaned families, social perception, image structure.

For citation: Salchak A.M. (2020) Reflection of the image of the father in older teenagers in the Republic of Tyva. *Vestnik universiteta*. I. 6, pp. 191–196. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-6-191-196

В Республике Тыва роль отца традиционно была ведущей в определении социально-экономических условий жизни семьи. В современных условиях социально-экономические перемены, происходящие в процессе исторического развития Республики Тыва привели к постепенному изменению основ традиций тувинской семьи. Приобщение к новому образу жизни и культуре вызвали изменения традиционного уклада семьи, а также пересмотр некоторых традиционных этнических ценностей, отход от истоков и самобытности.

Понятие «образ» многие исследователи рассматривают в связи с картиной предметного мира. Раскрывая содержание понятия «образ», ученые настаивают на том, что его необходимо рассматривать в связи с действием, мотивом, отношением субъекта к другим людям, переживанием информации, свернутой в образе – чувственном и умственном [6].

Структура социально-перцептивных способностей изменяется, усложняется и приобретает качественное своеобразие в зависимости от возраста человека. Вместе с тем большинство исследователей социальной перцепции изучает не только процессы восприятия, но и оценку людьми различных социальных объектов, событий и других людей [8].

© Салчак А.М., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Вопросы социальной перцепции были объектом изучения отечественных ученых. В разработку теории социальной перцепции внесли вклад: Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, В. А. Барабанщиков, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, В. Н. Куницына, Л. А. Петровская, А. А. Реан, В. Л. Ситников. Исследования в этой области проводили: О. В. Агейко, В. А. Антоненко, И. В. Безменов, Н. М. Вараева, Л. И. Доева, С. И. Гусева (Кедич), М. В. Карагачева, А. В. Комарова, А. А. Стреленко, Н. В. Парнюк, И. Ю. Шилов и др.

При описании подросткового возраста анализ психологической литературы показывает, что в этот период у подростков происходит постепенный переход от описания и оценок отдельных действий и поступков окружающих к прямым указаниям на присущие им личностные свойства и качества, к развитым обобщенным формам восприятия личности другого человека [4]. Тенденция к усложнению наблюдается и в развитии самовосприятия, которое с возрастом также становится более обобщенным и дифференцированным. Складывающееся у человека представление о себе и других людях оказывает воздействие на его поведение, влияет на характер его отношения к окружающим. Изменения, характеризующие развитие понимания одним человеком другого, в общей степени обусловлены ростом опыта общения подростка с окружающими людьми [5].

В результате теоретического анализа установлено, что образ одного человека формируется у другого под влиянием сложившихся между ними отношений. Образ несет в себе информацию, которая выполняет регулирующую функцию и определяет стратегию поведения по отношению к объекту восприятия [7].

Целью нашего исследования состояла в выявлении особенностей образа отца у подростков из неполных семей разного типа, проживающих в Республике Тыва. Объектом исследования был образ отца у подростков из неполных семей. Предметом исследования были особенности образа отца у подростков разного пола и возраста из осиротевших и разведенных семей.

Гипотеза исследования состояла в утверждении, что в структуре и содержании образа отца у подростков разного пола и подростков из полных и неполных семей (разного типа) существуют различия. Задачи исследования включали:

- выявление особенностей образа отца у подростков из полных и неполных семей разного типа в республике Тыва;
- изучение особенностей образа отца у подростков из полных и неполных семей разного типа в республике Тыва;
- анализ различий в структуре образа отца у мальчиков и девочек подросткового возраста из неполных семей разного типа.

Мы использовали методику В. Л. Ситникова структуры образа человека (иерархическая) (СОЧ(И)) для изучения образа отца у подростков [9]. В исследовании приняли участие 220 подростков в возрасте 15–16 лет (пропорционально демографическому составу Республики Тыва): подростки из полных семей (57 человек); подростки из осиротевших семей (108 человек); подростки из разведенных семей (55 человек).

Полученные данные позволили выявить индивидуальные структуры социально-перцептивного образа отца у подростков исследуемых групп. Эти структуры были упорядочены методом ранжирования, после чего были определены усредненные структуры образов, при этом был выявлен образ отца.

Для решения поставленных задач были использованы математико-статистические методы обработки данных, ранговой корреляции Спирмена, критерия Стьюдента для независимых выборок, линейной корреляции Пирсона.

Прежде чем рассматривать социально-перцептивные образы в неполных семьях, мы рассматривали их в полных семьях. Специфика социальной перцепции об отце в полных семьях складывается из конкретных образов родителей, что отличает их от неполных семей, где матерям приходится справляться со всеми трудностями самостоятельно, вследствие чего у подростков из неполных семей образ родителей складывается в основном из образа матери, а образ отца остается как в детстве.

Нами были исследованы образы отца у подростков 15–16 лет (мальчиков и девочек) из полных, осиротевших и разведенных семей.

Сравнительный анализ образа отца у девочек-подростков из: 1) полных и осиротевших семей; 2) полных и разведенных семей; 3) осиротевших и разведенных семей выявил различия в ранговой структуре (табл. 1).

Таблица 1

Ранговая корреляция образа отца у девочек старшего подросткового возраста

Компонент	Образ отца у девочек-подростков 15-16 лет из полных семей					Образ отца у девочек-подростков 15-16 лет из осиротевших семей					Образ отца у девочек-подростков 15-16 лет из разведенных семей				
	ранг	среднее	минимум	максимум	не назвали	ранг	среднее	минимум	максимум	не назвали	ранг	среднее	минимум	максимум	не назвали
Эмоциональный	1	6,23	0	12	2	2	5,80	0	13	19	2	6,15	0	13	5
Социальный	2	6,09	0	11	2	1	4,67	0	19	22	1	5,88	0	12	5
Телесный	3	4,45	0	10	2	3	2,72	0	9	21	3	3,68	0	10	7
Мотивационно-волевой	4	2,77	0	7	1	5	2,20	0	7	19	5	1,98	0	5	7
Деятельностный	5	2,77	0	6	3	4	1,72	0	8	27	6	1,88	0	6	11
Интеллектуальный	6	1,64	0	5	6	7	1,36	0	5	34	4	1,76	0	7	10
Поведенческий	7	1,50	0	4	5	8	1,20	0	6	29	9	0,90	0	3	18
Социальный интеллект	8	1,18	0	4	8	6	1,07	0	4	32	7	0,54	0	6	29
Конвенциональный	9	0,64	0	5	13	9	0,39	0	3	54	8	0,49	0	3	27
Акизитивный	10	0,32	0	3	17	10	0,16	0	1	64	11	0,24	0	1	31
Метафорический	11	0,05	0	1	21	11	0,12	0	2	70	10	0,05	0	1	39

Составлено автором по материалам исследования

Основным элементом структуры образа отца у подростков из осиротевших и разведенных семей оказались характеристики эмоциональной сферы: «жизнерадостный, заботливый, любимый». У девочек из разведенных семей они составляют до 15 высказываний из 20, а у девочек из осиротевших семей – до 11 высказываний из 20. В среднем к эмоциональным характеристикам у девочек из разведенных и осиротевших семей относятся 6–8 высказываний.

У подростков из полных семей по иерархии первыми являются телесные характеристики образа отца: «высокий, сильный, красивый». К этим характеристикам относятся до 11 высказываний из 20, в среднем по 5 определений. Кроме того, ранговые значения сохраняют социальные компоненты: «общительный, дружелюбный, понимающий», находясь на третьем месте.

Вербальное описание образа отца в сознании девочек 15–16 лет представлено в большей степени положительными характеристиками. Общим для девочек из полных, осиротевших и разведенных семей являются такие характеристики, как «добрый» (88–79 %), «умный» (82–76 %), «сильный» (70–47 %), «трудолюбивый» (88–42 %), «красивый» (76–58 %), «веселый» (64–53 %), «хороший» (52–38 %), «высокий» (47–36 %), «заботливый» (64–45 %).

Высказывания «интересный, любимый, милый, общительный, храбрый, строгий, родной, жизнерадостный» сменились у девочек из осиротевших семей на «понимающий, ответственный, смелый, мужественный». Интересно отметить, что у девочек старшего подросткового возраста высказывания об отце связаны с эмоциональным компонентом: «любимый, родной, заботливый». У девочек из разведенных семей наблюдаются новые характеристики образа отца: «лучший, рассудительный, ревнивый, скромный».

Таким образом, в старшем подростковом возрасте девочки выделяют эмоциональный («любимый, ревнивый, родной») и социальный («понимающий, общительный, заботливый») компоненты. Это может быть связано с тем, что в старшем подростковом возрасте девочки нуждаются в эмоциональной поддержке взрослых.

У мальчиков старшего подросткового возраста аналогичный сравнительный анализ также выявил различия в ранговой структуре социального и эмоционального компонентов образа отца (табл. 2).

Ранговая корреляция образа отца у мальчиков старшего подросткового возраста

Компонент	Образ отца у мальчиков-подростков 15-16 лет из полных семей					Образ отца у мальчиков-подростков 15-16 лет из осиротевших семей					Образ отца у мальчиков-подростков 15-16 лет из разведенных семей				
	ранг	среднее	минимум	максимум	не назвали	ранг	среднее	минимум	максимум	не назвали	ранг	среднее	минимум	максимум	не назвали
Эмоциональный	1	6,7	2	14	0	2	4,41	0	9	5	2	6,12	0	12	3
Социальный	2	6,1	1	14	0	1	3,94	0	9	5	1	5,47	0	13	3
Телесный	3	5,9	2	14	0	3	2,71	0	6	6	3	3,06	0	8	4
Деятельностный	4	2,8	0	7	5	4	2,41	0	7	6	4	3,06	0	7	6
Мотивационно-волевой	5	2,7	0	10	3	5	1,47	0	4	7	5	2,29	0	7	5
Поведенческий	6	2,0	0	6	5	8	1,35	0	5	7	6	1,00	0	3	8
Интеллектуальный	7	1,6	0	5	2	6	1,12	0	3	7	8	0,94	0	2	5
Социальный интеллект	8	1,0	0	4	8	7	1,12	0	4	8	7	0,82	0	2	8
Конвенциональный	9	0,8	0	6	14	9	0,47	0	3	13	9	0,76	0	4	8
Метафорический	10	0,3	0	1	15	11	0,24	0	1	13	10	0,06	0	1	16
Акquisитивный	11	0,0	0	1	20	10	0,06	0	1	16	11	0,00	0	0	17

Составлено автором по материалам исследования

Основным элементом структуры образа отца у подростков из осиротевших и разведенных семей оказались характеристики социальной сферы: «ответственный, понимающий, общительный». Они составляют до 13 высказываний из 20 у мальчиков из разведенных семей и до 9 высказываний из 20 – у мальчиков из осиротевших семей. В среднем 5–6 высказываний относятся к социальным у мальчиков из осиротевших и разведенных семей.

У подростков из полных семей по иерархии первыми являются эмоциональные характеристики образа отца: «лучший, жизнерадостный, родной». До 14 высказываний из 20, в среднем по 6–7 определений, относятся к эмоциональным характеристикам. Кроме того, у мальчиков из полных, разведенных, осиротевших семей ранговые значения сохраняют телесные компоненты, такие как «высокий, сильный, красивый», находясь на третьем месте, а также деятельностные, такие как «жизнерадостный работающий, целеустремленный», находясь на четвертом месте.

По иерархии у мальчиков старшего подросткового возраста на пятом месте стоят мотивационно-деятельностные компоненты: «ответственный, целеустремленный, строгий». Можно отметить, что у мальчиков старшего подросткового возраста происходит эмансипация от родителей, появляются новые социальные связи – друзья, сверстники. При этом у мальчиков социальный компонент идентичен со структурой отца [1].

Вербальное описание образа отца мальчиками 15–16 лет осуществляется в большей степени положительными характеристиками. Общим для мальчиков из полных, осиротевших и разведенных семей являются такие характеристики, как «добрый» (88–74 %), «умный» (76–63 %), «красивый» (85–72 %), «заботливый» (56–43 %), «смелый» (51–11%). У мальчиков из разведенных семей выделяются следующие высказывания: «внимательный, добродушный, искренний», которые характеризуют социальный интеллект. Представление об отце у мальчиков из осиротевших семей: «дружелюбный, сдержанный, семьянин, строгий».

Мальчики из осиротевших и разведенных семей описывают образ отца как традиционный образ тувинского мужчины: «сдержанный в проявлении эмоций и чувств, скромный, внимательный семьянин, добродушный по отношению к своим детям, а к окружающим дружелюбный». Как отмечает А. К. Кужугет, в тувинском этикете поощрялись скромность, сдержанность в проявлении чувств, спокойствие, выдержка, терпимость, глубокое почтение и уважение к старшим, коллективизм.

Таким образом, социально-перцептивные образы формируются из представлений конкретных людей, с которыми взаимодействует ребенок, и абстрактных образов, сложившихся в этой культуре, этносе, и складываются в единство чувственного и логического, при этом обладают подвижностью и изменчивостью. Так, в нашем исследовании обобщенное понятие «образ» конкретизируется в более частное понятие образа отца [2].

В проведенном исследовании выявлено, что в целом наиболее значимыми личностными характеристиками образа отца у девочек-подростков являются эмоциональный (любимый, ревнивый, родной) и социальный (понимающий, общительный, заботливый) компоненты. Это можно объяснить тем, что, как указывалось выше, в старшем подростковом возрасте девочки нуждаются в эмоциональной поддержке со стороны отца. Отметим, что эмоциональный компонент всегда присутствует в образах хорошо знакомых людей и определяет значимость объектов.

Для девочек из полных семей важен такой эмоциональный компонент, как «любимый, понимающий, родной». Для девочек из разведенных и осиротевших семей важен социальный компонент образа отца, где присутствуют социальный статус отца и такие качества, как «отзывчивый, общительный, интересный». У девочек из неполных семей при формировании образа отца в условиях дефицита информации о нем могут складываться ошибочные представления о причинах действий человека и приписывание личности отсутствующих у нее свойств. Выявлено, что девочки из неполных семей в частотном словаре используют понятия «строгий» (26 %), «ответственный» (16 %), «понимающий» (17 %), «серьезный» (20 %).

Выявлены значимые различия в полных и осиротевших семьях в деятельностном, поведенческом, положительном и отрицательном отношении к образу отца. У девочек из полных и разведенных семей значимые различия выявлены в телесном, эмоциональном, положительном и отрицательном отношении к образу отца. Значимые различия у девочек из разведенных и осиротевших семей обнаружены в интеллектуальном, поведенческом, телесном, эмоциональном, отрицательном отношении к образу отца. Интересно, что девочки старшего подросткового возраста во всех семьях относятся к отцу отрицательно. Это может говорить о том, что девочки более критичны к образу отца.

У мальчиков в старшем подростковом возрасте созревает потребность в новых отношениях, основанных на взаимопонимании, привязанности и уважении, отношениях, свободных от зависимости, где главным является сам подросток, а не родитель [3]. Присутствует стремление освободиться от эмоциональной зависимости от родителей. Мальчики более решительно противостоят своей семье и часто используют группу сверстников как средство поддержки своих попыток достичь независимости, начинают подражать определенным компонентам образа отца, таким как: эмоциональный, телесный, социальный, поведенческий. Мальчики старшего подросткового возраста часто поддерживают отношения с друзьями, а также подражают друг другу.

Полученные результаты могут быть использованы школьными психологами, социальными педагогами в практической работе с подростками и их семьями. Стоит отметить трансформацию образа отца в тувинских семьях разного типа: полных, осиротевших, разведенных. Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что представления подростков об отце действительно зависят от пола, возраста и состава семьи, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Библиографический список

1. Барабанщиков, В. А. Восприятие и событие; Ин-т психологии РАН. Науч. изд. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 200-202.
2. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Пер. с англ. К. И. Бабицкого. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008 г. – С. 348-358 (Текст приводится по изданию 1977 г.).
3. Ермакова, Е. С., Кедич, С. И. Гендерная идентичность и особенности самоактуализации студентов разного пола // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15, № 4. – С. 173-178.
4. Психология детства. Учебник / Под реда. чл.-корр. РАО А. А. Реана. – СПб.: Прайм-Евро-Знак, 2003 – 368 с.
5. Реан, А. А. Отец и мать в сознании детей и подростков // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 1. – С. 204-209.
6. Ситников, В. Л. Образ ребенка (в сознании детей и взрослых). – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.
7. Ситников, В. Л., Доева, Л. И. Образы супругов в сознании мужчин и женщин с разным семейным стажем семейной жизни // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2017. – № 186. – С. 61-71.

8. Ситников, В. Л., Кедич, С. И., Комарова, А. В., Слотина, Т. В., Захаров, К. П. Решение проблемы отражения человека человеком и выработки копинг стратегий на кафедре возрастной психологии и педагогики семьи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2018. – № 188. – С. 271-274.
9. Ситников, В. Л., Регуш, Л. А., Кедич, С. И., Комарова, А. В., Парнюк, Н. В., Казначеева, Н. Б., Карагачева, М. В. Социально-психологическая перцепция в системе образования. – СПб., 2016. – С. 150.

References

1. Barabanshikov V. A. Vospriyatie i sobytie [*Perception and event*]. In-t psychology RAS. St. Petersburg, Aleteiya, 2002. 512 p.
2. Bruner J. Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoi informatsii [*Psychology of knowledge. Beyond direct information*]. Trans. K. I. Babitsky. Moscow, DirectMedia Publ., 2008. 782 p. (The text is based on the 1977 edition).
3. Ermakova E. S., Sedik S. I. Gendernaya identichnost' i osobennosti samoaktualizatsii studentov raznogo pola [*Gender identity and features of self-actualization of students of different gender*]. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke [*The Humanities And Social Studies in the Far East*], 2018, vol. 15, no. 4, pp. 173-178.
4. Psikhologiya detstva. Uchebnik [*The psychology of childhood. Textbook*]. Ed. by corresponding member of RAO A. A. Rean. St. Petersburg, Prain-Evro-znak, 2003. 368 p.
5. Rean A. A. Otets i mat' v soznanii detei i podrostkov [*Father and mother in the minds of children and adolescents*]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [*Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia*], 2017, no. 1, pp. 204-209.
6. Sitnikov V. L. Obraz rebenka [*The image of a child (in the minds of children and adults)*], St. Petersburg, Khimizdat, 2001. 288 p.
7. Sitnikov V. L., Doeva L. I. Obrazy suprugov v soznanii muzhchin i zhenshchin s raznym semeinym stazhem semeinoi zhizni [*Images of spouses in the minds of men and women with different family experiences of family life*]. Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena [*Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University*], 2017, no 186, pp. 61-71.
8. Sitnikov V. L., Kedich S. I., Komarova A. V., Slotina T. V., Zakharov K. P. Reshenie problemy otrazheniya cheloveka chelovekom i vyrabotki koping strategii na kafedre vozrastnoi psikhologii i pedagogiki sem'i [*Solving the problem of human reflection and coping strategies at the Department of age psychology and family pedagogy*]. Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena [*Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University*], 2018, no. 188, pp. 271-274.
9. Sitnikov V. L., Regush L. A., Kedich S. I., Komarova A. V., Parnyuk N. V., Kaznacheeva N. B., Karagacheva M. V. Sotsial'no-psikhologicheskaya pertsepsiya v sisteme obrazovaniya SPb [*Socio-psychological perception in the education system of Saint Petersburg*]. St. Petersburg, 2016. 150 p.